

Крушение

ДОМА

Халемов

Сильва Плэт

Оглавление

Пролог	3
Глава 1. Так не может более продолжаться... ..	4
Глава 2. Лорд-канцлер, Вы же все знаете.....	7
Глава 3. Нет выхода	14
Глава 4. По-настоящему	23
Глава 5. Он кричал над моим сыном... ..	32
Глава 6. Лучше сдохнуть в хаяросских подземельях	44
Глава 7. Дуэм.....	64
Глава 8. На личном фронте и фронте военном	88
Глава 9. Желания	107
Глава 10. Алый бархат, красная кровь	153
Глава 11. Сдохнуть в Хаяросских подземельях	171
Глава 12. Последние новости	175
Эпилог.....	193

Пролог

- А действительно, почему это так? – Медео, уже совсем не глядя, плюхает последнюю книгу, и они рассыпаются вновь. «В следующий раз он рубанет их мечом», - с удовольствием думает Кори, глядя, как брат снова опускается на колени и начинает размещать тяжелые тома на нижнем ярусе этажерки. Не поднимая головы, Медео продолжает:

- Я никогда не задумывался. Нас трое. И есть еще побочные ветви Эсилей. Все они связаны с нами большим или меньшим родством, и так же устроено у Дар-Пассеров, Дар-Умбра. Почему у Халемов не так?

- Я тебе расскажу.

«Надо было все-таки быстренько убить его и пойти спать», - Кори наблюдает за Медео, ногой задвигающим оставшиеся книги в угол и присаживающимся поближе. Беседа грозит затянуться. *А я устал, как же я устал...*

- Это было пятьсот лет назад.

Голос Корвуса певучим не назовешь. Скорее, он, как назойливое насекомое, буравит мозг, проникает аж до подкорки. Но Кори так устал... ему так хочется спать. И ему снятся такие хорошие сны...

1 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Глава 1. Так не может более продолжаться...

Дар-Эиль, лорд-канцлер Аккалабата

- Ваше Величество, так не может более продолжаться, - старейшина дома Пассеров сгибается пополам у королевского трона. Вид у него решительный и недовольный.

Королева еще молода, но уже овладела всеми оттенками равнодушного тона, которые полагаются властительнице Аккалабата:

- Что «это»?

- Ваше Величество, - вперед выступает верховный лорд Дар-Умбра. – Взгляните на результаты четырех последних турниров. Начиная с полуфиналов.

Королева отмахивается от протянутого ей свитка, как от назойливой мухи.

- Скажите сами, мой лорд.

- Там одни мальчишки Халемы. Все четверо. Хетти, Соль, Элдж¹ и Ко. В разном порядке и комбинациях (иногда нам все-таки удается заставить благоволящего Халемам лорд-канцлера поставить их в один угол турнирной сетки, чтобы они выбивали друг друга на ранних стадиях). Но в целом – это только они. Всегда они. Нам уже трудно уговорить наших парней участвовать. Это все больше начинает напоминать избивание младенцев.

- Вот как? – новый оттенок равнодушного тона, - А что скажет наш лорд-канцлер?

Лорд-канцлер пожимает плечами:

- На мечях Дар-Халемов держится Ваша власть, моя королева. Внутреннее время Халемов – одно из главных сокровищ Аккалабатской Империи.

- Я знал, что ты это скажешь, - бурчит лорд Дар-Пассер. – Но аккалабатская армия состоит не только из Дар-Халемов.

¹ При всем сочувствии автора к читателю, вынужденному разбираться, кто есть кто, автор не может погрешить против исторической истины и предположить, что аккалабатская аристократия предпочитала в каждом поколении придумывать для детей неповторяющиеся имена. Медиевальная цивилизация просто обязана придавать особое значение повторению родовых имен. Поэтому если в первом томе вы удосужились запомнить, что ныне здравствующего главнокомандующего Аккалабата зовут так же, как и его отца, Хьелль Дар-Халем, вам придется согласиться и с тем, что представитель властелина Дилайны в Звездной Конфедерации является не первым Элджи среди верховных даров Аккалабата. И не только он один. Пятьсот лет назад мода на имена *Элджи*, *Кори* и т.п. уже распространилась в наших любимых аккалабатских семействах, что не добавляет стройности повествованию, но во всяком случае соответствует реальности. Да, реальности.

1 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Вот-вот, – На лице у верховного лорда Дар-Акила появляется пакостная улыбка. - Могли бы и поделиться.

Эти слова сопровождаются грязным и недвусмысленным жестом. Королева делает вид, что не заметила.

Идея встречает явное одобрение присутствующих. Нет такого клана на Аккалабате, который бы не мечтал заполучить себе в дойе или каруны отпрыска рода Халемов. Другое дело, что сами Халемы очень разборчивы: они ищут и находят себе пару только в кланах Эсилей или Умбра. Так складывалось столетия, и лорд-канцлер Аккалабата не видит повода менять установившуюся традицию. Ну, нравятся темноволосым хозяевам крепости на зеленых холмах их белокурые соседи, плетущие сети дворцовой политики, и незатейливые широкоплечие мечники с отрогов Умбренических гор, ни на войне, ни при дворе не хватающие звезд с неба, но делающие все, за что бы ни взялись, добротню и как полагается! Все знают об этом, все к этому привыкли.

- Ваше Величество, - чем громче кричат его оппоненты, тем тише и настойчивее говорит лорд-канцлер. – Под Вашей рукой Империя вступила в эпоху расцвета. Нет нужды зря раскачивать лодку, которая спокойно идет по волнам своим курсом. Ваша покойная сестра – жена лорда Халема – оставила прекрасное потомство: четырех сыновей, которыми может гордиться Аккалабат. Один из них станет Вашим маршалом, другие...

- Вот именно! Что - другие?!! – лорд-канцлеру даже приходится на шаг отойти от верховного дара Фалько: уж очень тот брызжет слюной, а вина, похоже, успел выпить с утра немало, и совсем не эгребского.

В глазах королевы зажигается огонек интереса. Кажется, она только теперь поняла, чего требуют верховные дары.

- Что – другие?!! – продолжает наседавать лорд Дар-Фалько. У него даже икота прошла от раздражения. - Какой, скажите мне, толк от того, что они бессмысленно машут мечами на молодняковых турнирах? Мальчишки Халемов вышибают из наших парней уверенность в себе и чувство собственного достоинства. Нет уж, пусть отправляются под дуэм! Многим родам Аккалабата необходим глоток свежей крови!

Одобрительный шум в зале.

Королеве, которая где-то с середины пылкой речи Дар-Фалько кивает в такт, явно нравится предложенный план. Робкое возражение старейшины семейства Умбра, мол, а если Халемы не пожелают идти под дуэм, только ее распаляет.

- Что значит «не пожелают идти под дуэм»? Да кто их спросит! И никакого дуэма не надо. Просто я хочу видеть трех сестер вместо трех братьев. Всего-то! Лорд-канцлер, Вы об этом и позаботитесь. Заодно обзаведетесь супругой взамен давно покинувшей нас леди Дар-Эсиль. У Вас один сын – этого мало.

Кое-кто из окружающих королеву даров издаёт недоуменное восклицание. Вид у большинства встревоженный. Они *не это* имели в виду.

1 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Ваше Величество, - лорд-канцлер, кажется, один сохраняет спокойствие. – Что значит «Вы об этом и позаботитесь»?

Королева хохочет, лукаво грозя ему пальцем:

- Ну не я же, лорд-канцлер? Вы! Вы! Трансформируйте мне Халемов в девчонок. И поскорее. Я немедленно подпишу указ. А куда их девать – потом разберемся.

- Моя королева, - осмеливается лорд Дар-Фалько. Он явно озадачен. – Может быть, лучше дуэм?

- Ничуть не лучше, - капризничает королева. – Вы ж все передеретесь из-за этих ублюдков. Зачем мне это нужно? А на трансформированных, но никому не принадлежащих деле найдется куда меньше желающих. Или я не права, лорд Дар-Фалько?

- Вы как всегда правы, Ваше Величество.

Лорд Дар-Фалько почтительно отступает, многозначительно глядя на канцлера Дар-Эсиля. Тот стоит, уперев взгляд в пол, словно не замечая, как остальные дары делают по незаметному шажку назад – так, чтобы оказаться за его спиной. Теперь они просто присутствуют при неприглядной сцене, но не являются ее непосредственными участниками. Ее Величество соблаговолит сама дотянуться до пустого свитка, разложенного среди прочих бумаг на столе, задумчиво посасывает перо, потом набрасывает несколько строк. Все это время в комнате стоит полная тишина: слышен только скрип пера и тяжелое сопение старого дара Эрзеля. Он повредил лёгкие во время одной из войн с Кимназом, и королева, хотя и хмурится, разрешает ему такую бестактность, как хриплое дыхание в ее присутствии.

- Вот Ваш приказ и руководство к действию, лорд Дар-Эсиль. Надеюсь, Вы совместите приятное с полезным. Я так и написала, чтобы Вы знали, как я Вас ценю.

Это уже слишком, и кто-то из даров помоложе откашливается. На него шикают. Лорд-канцлер, не моргнув глазом, опускается на одно колено и принимает свиток. Вставая, он осведомляется, как бы между прочим:

- Кого из молодых Дар-Халемов Вы желаете сохранить среди своих даров, моя королева?

Королева заговорщицки подмигивает.

- Вы же знаете, лорд Дар-Эсиль. Вы у меня все знаете...

Она снова грозит ему пальцем и весело трясет головой, как механическая игрушка на ярмарке, но у лорд-канцлера холодок проходит по коже. Он знает. И много бы дал, чтоб не знать. Он сдержанно кланяется и, повинувшись движению резко вздернутого вверх подбородка, словно выточенного из белого умбрена, отступает к дверям. Еще бы он не знал!

1 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Глава 2. Лорд-канцлер, Вы же все знаете...

Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата.

Бурлит и кипит эмоциями площадка за турнирной ареной. Вдоль деревянных трибун, украшенных флагами всех кланов Аккалабата, выставлены ларьки с разнообразной снедью, мелкими предметами экипировки, наборами для альцедо, бочки с вином, лотки с перчатками, пряжками – всяческими мелочами, которые дары Аккалабата предпочитают рассматривать и обсуждать, а не покупать. Менять детали одежды или конской упряжи без особой нужды – не дело. Форс и фатовство – для низших даров и тейо. Настоящий дар снашивает за жизнь дюжину пар сапог и может до старости проездить в седле, подаренном ему дедом на совершеннолетие. А продрав перчатки, просто откинет их в сторону и купит себе новые – такие же, не выбирая. Поэтому торговцы в основном общаются сами с собой, с оруженосцами-тейо и дворцовой прислугой. Но дарам это нравится: ощущение ярмарки добавляет праздничности проводящемуся турниру – где война, там и торговля, и они одобрительно взирают на пестро украшенные прилавки, подходя только к тем, где можно опрокинуть стаканчик вина или закусить куском ветчины на поджаренном хлебе. Слюнки текут от манящих запахов, но дело прежде всего.

- Лорд Дар-Халем! Можно Вас на минуточку?

- Лорд Дар-Эсиль!

Ты меня не переглядишь. Ты всего лишь верховный главнокомандующий, а я главная придворная лисица.

- Королева просила передать Вам этот свиток. В нем ее приказ. Обсуждению не подлежит. Вы должны понять. Понять и согласиться.

Если он захочет рубануть меня от плеча до пояса, то я даже это пойму. И деваться-то некуда. Смешно уклоняться от молниеносных движений халемских мечников, если твое внутреннее время... такое... лорд-канцлерское. Ни два, ни полтора.

Лорд Дар-Халем, морща лоб и шевеля губами, складывает слова в строчки. Ему кажется, что смысл ускользает от него, что все не может быть так плохо, так катастрофично. Гораздо проще сложить воедино приспущенные, как траурные знамена, ресницы лорд-канцлера, явную опаску, с которой тот косится на длинные мечи, торчащие из-под дар-халемовского орада, и его шумное дыхание, будто он только что перелетел через Умбреньский хребет.

- Кто это придумал? – негромко спрашивает лорд Дар-Халем. Тон у него ровный и от этого еще более угрожающий. – Ты?

- Нет, поверь. У королевы была целая делегация. Вас боятся, Халем. Вы стали слишком сильны и опасны. Достаточно для того, чтобы вести собственную политику.

- Мы? Политику? Святая Лулулла, ты сам-то этому веришь?

- Мое дело не верить или не верить, мой лорд. Мое дело выполнять распоряжения Ее Величества.

Если я сейчас не удержусь в официальных рамках, я сам предложу ему государственный переворот. Видеть не могу на его лице такое страдание.

1 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Это, наверное, первая эмоция за пятьдесят лет жизни верховного маршала Аккалабата. Его мимическим мышцам никогда не приходилось выносить на поверхность то, что он чувствует, и вместо выражения боли на его лице – отвратительная, отталкивающая гримаса. Но лишь на несколько секунд. Потом он снова возвращается к чтению документа, добирается до конца, болезненно морщась на некоторых строчках, плотно скручивает свиток, протягивает обратно лорд-канцлеру.

- Понять и согласиться, говоришь? Сам понял, чего от меня хочешь?

И пока лорд-канцлер сглатывает слюну, придумывая, что бы ответить, добавляет:

- Приказ есть приказ, и я его выполню. С кого желаете начать, чтобы совместить приятное с полезным?

- Лорд Дар-Халем! Как Вы можете думать...!

- Рот закрой! Не трать слов даром, пойдем посмотрим мальчишек.

...

На песчаной арене не протолкнуться. Только в день после главного турнира года сюда допускаются все желающие, даже малыши – просто потоптаться на знаменитом песке Хаяроса, где проливали кровь и гибли многие поколения их предков. Да и с чисто практической целью – прикинуть расстояния, прочувствовать упругость песка, на который специально размалывают лучший умбренский мрамор, сообразить, когда с какой стороны выглядывает из-за трибуны солнце. Все пригодится, все надо знать, если тебе с семи лет предстоит отстаивать свою честь и жизнь на этой арене. Но молодость не способна задумываться надолго. И когда два верховных дара, завернувшись в орады, выходят, словно подгоняемые холодным ветром, бьющим их в спину, из подтрибунного помещения вниз на арену, их в первый момент ошеломляет жизнь, бурлящая на песке, насквозь пропитанном смертью. Разбившись на группки, молодежь меряется клинками, хохочет над охотничьими байками, кто-то гордо демонстрирует новое оперение, нарощенное после альцедо, кто-то, совсем уже утратив бдительность, хвастается вновь освоенным фехтовальным приемом. Малыши, шурша крыльями, носятся над головами у старших братьев на бреющем полете, иногда задевая их рукой или сапогами и моментально получая за то по заслугам. Сидящие на трибунах старшие дары с удовольствием взирают на такое редкое на Аккалабате зрелище.

Лорд Дар-Халем, кивком ответив на приветствие ближайших к нему даров, несколько секунд вглядывается в мельтешение, царящее на арене и над ней, потом произносит, обращаясь к лорд-канцлеру, но не поворачиваясь к нему:

- Ну да, разумеется.

И показывает рукой.

Прямо напротив них, на противоположном конце песчаного поля, на краю трибуны сидит юноша. Темные волосы забраны в высокую прическу, орад валяется под ногами. Раз за разом парень запускает в воздух небольшой золотистый мячик, подкручивая, заставляя его выделять сложную траекторию. Мячик взлетает в небо, стремится к земле... но на полпути его перехватывает в воздухе мальчик с перетяжками цветов Дар-Умбра на предплечьях.

1 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Перехватывает и точным движением отправляет обратно юноше. Тот смеется, что-то подсказывает, закидывая мячик все выше и выше, все замысловатее, ловко минуя других молодых даров, роящихся в воздухе.

- Что и ожидалось. Ко, дрессирующий Китти. Надеется сделать из него мечника не хуже себя.

- Это невозможно, - лорд Дар-Эсиль улыбается нелепости предположения. – Китти всего лишь Дар-Умбра, при этом порченый. Но выглядит трогательно. Поручусь, что, если бы не пергамент, который я держу в руках, единственный сыночек Хару Дар-Умбра был бы вскоре у вас под дуэмом. Большая честь для рода Халемов.

Ирония понятна любому дару, ее даже не надо подчеркивать голосом. Хару Дар-Умбра, громогласный, широкоплечий, медведистый, - полукровка. Порченый. Предпочитавший дикость и тишину умбренских каньонов придворному блеску и суете, его отец не соизволил вылезти из своего затерянного на северных горных отрогах дариата даже для того, чтобы завести деле, соответствующую его званию. Он взял под дуэм какого-то тейо, бросив тем самым тень на весь клан Дар-Умбра.

Тейо можно было трансформировать, если они нравились. Но это не называлось «брать под дуэм». Тейо не мог быть достойным дойе для дара. Так, ради развлечения, удовлетворения минутной похоти – и обратно, в маленькие домишки вокруг замка, в крошечные поместья с небольшими участками земли и десятком-другим крестьян-итано впридачу, в гильдии торговых городов: получите готовую деле и распоряжайтесь ею, как вам заблагорассудится. Хотите – заставьте посуду мыть, хотите – отдайте замуж за своего сына и плодитесь и размножайтесь на здоровье.

Поступок отца лорда Хару был из ряду вон выходящим. Он не только трансформировал тейо, он начал жить и завел детей с «этой женщиной» - иначе ее не звали в клане Дар-Умбра. Закономерным образом жена лорда Хару сорвалась со скалы при свете дня через три года после замужества. Поскользнулась на тропке, которую знала как свои пять пальцев. Но бывает всякое.

Несмотря на разнообразные предложения, отец лорда Хару не женился снова, воспитал своих сыновей в одиночестве. И в свой срок один из самых блестящих даров королевства – Асгир Дар-Пассер сообщил маршалу Дар-Халему, что в ближайшей военной кампании лучше на него не рассчитывать, потому что он и Хару-сын тейо...

Королева рвала и метала. Уже не только старейшины рода Дар-Умбра, но и воинственные Дар-Пассеры проклинали лорда Хару, который удалился с молодой женой в свой задрипанный дариат, находящийся непотребно далеко от Хаяроса. Маршал Дар-Халем отпустил несколько крепких слов по поводу того, куда деваются его лучшие мечники. Но делать было нечего. Леди Аса успела представить ко двору своего первенца Китти и умерла при следующих родах. С тех пор лорд Хару не снимал траура, а Китти немислимым образом прибился к Ко Дар-Халему, который сейчас в очередной раз мощно запустил мячик в небо. Китти, восторженно взвизгивая, понесся за ним. И не рассчитав поворота, с размаху врезался в толстозадого ямбренского парня, как раз зависшего с глубокомысленным видом над этим сектором арены. Любой одиннадцатилетний подросток вырулил бы после подобного столкновения, каким сильным оно бы ни было. Любой, но не тот, в

1 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

котором кровь даров была разбавлена кровью тейо. От боли и неожиданности Китти в первое мгновение поджал крылья и теперь, не успев их выпрямить, стремительно неся к земле. Запустить внутреннее время ему, конечно, даже в голову не приходило: он элементарно испугался. Да и какое внутреннее время может быть у внука тейо, не говоря уже о том, что, чтобы выправиться в тех воздушных потоках, которые ходили в этот летний день над ареной, нужно было иметь полностью сформировавшиеся надежные крылья. Поэтому мальчишка просто падал. Будто мечом ему ударили между лопатками. Падал камнем... в заботливо подставленные руки своего старшего друга.

У того-то все было нормально со внутренним временем. Он и мячик успел поймать. Встряхнул Китти за плечи и расхохотался. Мальчик, у которого уже слезы стояли в глазах от обиды и страха, через мгновение смеялся вместе с ним.

Лорд Дар-Эсиль вытер со лба пот. Жарковато было на арене сегодня.

- Испугался? Так тебе и надо, придворная крыса! – лорд Дар-Халем грубо пнул его в бок. – Пошли искать остальных.

- Не надо, - лорд-канцлер потер глаза рукой. Зрелище падающего мальчишеского тела не оставляло его. И одновременно – руки, уверенные, смуглые, с длинными пальцами, сомкнувшиеся на плечах Китти, дружески поглаживающие крылья. – Если бы парень разбился, твой сын был бы виноват. Не вижу повода для смеха.

- Он бы не разбился, - лорд Дар-Халем, размашисто шагавший к выходу с арены, даже не оглянулся. – И я не знаю никого на Аккалабате надежнее, чем мой вечно над всем смеющийся Ко. Ежели только Хетти...

Лорд-канцлер ускорил шаг и положил руку на локоть лорда Халема.

- Думаю, что предварительный осмотр ничего не даст. Я прилечу завтра прямо к вам в замок. Постарайся, чтобы хоть кто-то из них был дома.

Повернулся и пошёл на верхний ряд амфитеатра, одновременно снимая, точнее, сдирая с себя орад. Он задыхался. Лететь домой придется на максимальной высоте, чтобы промерзнуть насквозь. И чтобы выбить из головы дурацкие мысли.

Элджи и Хетти Дар-Халеми.

- Эй, мышь белая!

Рейвен Дар-Кауда и его младший брат Меери стоят, подпирая створки ворот, и пожирают тебя глазами.

- Элдж у нас неженка. Его коробят наши грязные слова. Хорошо, что он не знает наши мысли. Его бы вообще стошнило. Да, мышка?

От рук в боевых перчатках, тянущихся под орад, никуда не деться. Один Дар-Кауда держит его сзади, второй – прижимается спереди.

- Жаль, очень жаль, что нельзя получить под дуэи такое очаровательное создание, как ты, Элджи. Я бы очень, очень-очень-очень, постарался сделать тебя счастливым, - жарко шепчет в ухо Рейвен,

1 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

и Элдж чувствует, даже через слой одежды и кожаные перчатки, как кровь пульсирует у обидчика в кончиках пальцев. – Правда, Элдж, пойдешь за меня?

- Лучше сдохнуть в хаяросских подземельях, - цедит Элджи, бешено отбиваясь. Ситуация унижительная, и то, что она повторяется несколько раз в месяц, легче ее не делает. Братцы Дар-Кауда свое дело знают: выбрав момент, когда Элджи извивается особенно яростно, они дружно отпускают его. Выглядит он при этом сущим идиотом.

- Не хочешь? Ну и дурак, - как всегда, разочарованно говорит Рейвен.

- Иди к Чахи, - Элджи отходит на несколько шагов и поворачивается лицом. Рейвен с Меери щурятся от удовольствия: раскрасневшийся от стыда, растрепанный Элдж чудо как хорош. Но экзекуция еще не закончена. Рейвен чуть приоткидывает орад, кладет руки на мечи и заводит свою коронную песню:

- Вот видишь, Меери, как получается. Дар-Халемы красивые и гордые. Лучшие мечники королевства. А Рейвен Дар-Кауда гнусный, пошлый и похотливый, хотя, заметь, богатый, что тоже отвратительно. Последний раз спрашиваю: пойдешь ко мне под дуэм, дурачок ненормальный?

- Не обзывайся. Хуже будет.

Элджи терпеть не может решать вопросы силой. Но он Дар-Халем. И пара Дар-Кауда – это для него как нечего делать. Все трое это знают.

- Элджи, скажи: о мой карун! Рейвену будет приятно, - вступает Меери.

У него тоже полы орада откинута, глаза сузились в напряженные щелочки, мечи уже на несколько сантиметров вытащены из ножен. Элдж поднимает руку, но только для того, чтобы поправить прядь волос, выбившуюся из-за уха. Сообщает индифферентно:

- Вы. Мне. Надоели.

- Хамит? – осведомляется Рейвен у Меери.

- Хамит, - после непродолжительного раздумья заключает тот.

Схватка длится недолго. На беду братцев Дар-Кауда Элджи не Хетти: тот всегда точно знает, куда он бьет, даже когда противников несколько. Элдж обычно рубит куда ни попадя, тактика не его конек, но стратегическая задача всегда выполняется. Правда, на этот раз Меери, судя по тому, как исказилось его лицо и хлынула потоком кровь из предплечья, не отделается домашними средствами.

- Элджи, в вену было бить обязательно? – Хетти тут как тут со своими содержательными вопросами.

- Ты давно наблюдаешь?

- Только что подошел. Это становится уже однообразным. В прошлый раз ты чуть не отхватил Рейвену ухо.

- В следующий раз я раскрою ему череп. Пошли.

Элджи вытирает клинок о пыльную травку, пробивающуюся вдоль ограды турнирного поля, и две сутулые фигуры ныряют в подтрибунный проход. Рейвен провожает их взглядом. Меери тянет его за рукав:

1 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Боюсь, тебе придется меня транспортировать. Неженка сегодня перестарался.
- Когда-нибудь он нас убьет, - мрачно замечает Рейвен, взваливая на себя брата.
- Или тебе надоест.
- Не надоест.

Соль Дар-Халем

Ключ щелкнул в замке, опустились одна за другой бархатные гардины, свечи всколыхнулись последний раз и погасли. Сумрак в личных покоях королевы, в малом ее будуаре. Легкие шаги по медвежьим шкурам, едва различимый шопот в ухо:

- Мой лорд...

Самый мой, единственный мой из всех моих лордов. Из-за ширмы замеченный и отмеченный, долгожданный (мучалась, сгорала от нетерпения, но не могла позволить ему сгинуть, пропасть – позванному, использованному, выброшенному из-за тех самых ширм с перерезанным горлом или неисцелимым ядом в крови), тонкий, как тростник на берегах Эль-Эсиля, бледный, как туманные горные тени, взора не поднимающий от земли... яростный, пылкий, ласковый.

- Соль...

- Моя королева...

Самая моя, только моя – мне единственному из даров Аккалабата принадлежащая. Уже не помню, как случилось это: на охоте ли, когда она попросила придержать стремя? Она, всегда вскакивавшая в седло без посторонней помощи и сердито охаживавшая хлыстом всякого, кто эту помощь осмеливался предложить. На первом ли придворном балу, когда нас, еще недорослей, держали у стенки, чтобы не путались под ногами у взрослых? А она топнула ножкой, выкрикнула – чтобы подвели, показали – взяла холодными пальцами за подбородок, повернула к себе, глаза в глаза. Темно-зеленые, как высокие травы Ямбрениских лугов, и черные, как плодородная почва под ними. Тогда ли, когда первый раз повезло – Ко, Хетти и Элдж оказались в одной половине турнирной таблицы, а Соль в другой и на меч младшего брата напоролся только в финале? Зажимая рану в бедре рукой, валялся на песке турнирной арены – некрасиво валялся, комкая перья, еле сдерживая обиду (проиграл самому младшему, хотя тогда уже было ясно, что самому сильному из Дар-Халемов) и жалобный вой (Хетти никогда не наносил братьям серьезных увечий, но старался бить чувствительно, чтобы отбить у них не только всякую возможность, но и охоту продолжать поединок)... А королева смотрела, смотрела, смотрела, не отрываясь, и не разрешала его унести, никому – ни отцу, ни бешено кривившему губы Ко – не давала знака приблизиться.

Нет, не тогда – раньше. Иначе, как бы он один оказался в той части турнирной таблицы, которая позволяла дойти до финала, которая позволяла ей смотреть, любоваться, владеть им... сначала одним только взглядом, потом, когда страсть перехлестывала уже через край – перехлестнула – всем телом его стала владеть властительница Аккалабата.

Сегодня – особенный день. Приказ отдан – опасный приказ, необходимый: для того, чтобы в равновесии удержать весы дворцовой политики, для того, чтобы обезопасить своего,

1 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

единственного... Слишком силен Хетти, слишком красив и популярен Ко, одного Элджи будет мало бросить на съедение – не отступятся алчные дары, не оставят в покое семейку Халемов. Глупая, плодовитая самка, покойная мать Соля! Зачем было рожать четверых? На одном, лучшем, надо было остановиться. Гарантировав тем самым ему пост верховного маршала, а королеве – возможность безнаказанно развлекаться в тиши дворцовых покоев.

- Соль...

- Моя королева...

Интересно, разозлится он или нет? Или расстроится? Хоть словом, хоть вздохом укорит свою королеву за то, что братья его в одну ночь стали сестрами? Не знает, ничего не знает пока старший наследный лорд Дар-Халем о том, как играет с ним его повелительница. Скоро узнает. И ночь будет совсем другая, не такая, как все. Королева ждет с предвкушением. Танец на могилах, любовь на чужих костях. Ей хочется.

2 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Глава 3. Нет выхода

Лорд Дар-Халем, маршал Аккалабата

Верховный лорд Дар-Халем опустился на стул с такой силой, что тот жалобно заскрипел. Столешница вздрогнула от удара увесистого кулака. «Сто тысяч демонов Чахи! И нет выхода. Никакого выхода нет, иначе его уже бы придумал изворотливый лорд-канцлер». Дар еще раз врезал по столу кулаком, встал, хотел было подойти к окну, остудить разгоряченную голову (со стороны Эсильских болот уже потянуло туманом), но вовремя вспомнил, что между окон на стене – портрет покойной жены. Глядеть ей в глаза, даже убого нарисованные взятым на недельку взаймы у Дар-Эсиля живописцем-самоучкой, лорд Дар-Халем сегодня был не в состоянии. Все Чахи под хвост! Все бессонные, страстные, до сих пор раздирающие ему воспоминаниями душу ночи. Все ее хлопоты над четырьмя колыбелями, дружные поездки на соседнюю ярмарку выбирать лошадей – сначала для Соля, потом для Элджи, для Ко, для Хетти. Нет, коренастую черногривую лошадку для младшего сына лорд Дар-Халем ездил покупать уже один. Четвертые роды сломали и без того хрупкое здоровье его возлюбленной – леди Дар-Халем не стало на втором году жизни Хетти, который сразу же перешёл под крылышко старших братьев.

Отец воевал, умирал мятежи, расширял и укреплял границы Империи, а жизнь в Халемском замке текла своим чередом. Собирались за столом – реже в теперешние времена, когда старшим пришла пора занять место под командованием отца в рядах аккалабатской армии – Сол (смотревший иронично и отстраненно, почти никогда не заплетавший волос, только лентой на лбу поддерживавший белый лён, спадавший до пояса), Элджи (всегда принимавший жизнь какой она есть, со спокойным и внимательным взглядом огромных серых глаз, лишь раз в десять поколений выпадающих Дар-Халемам), Ко (не по-халемски смуглый, но очень по-семейному длинноносый, вечно насмешливый, не способный и пяти минут посидеть на одном месте) и Хетти (точная копия своего отца, темноволосый, как он и Ко, но бледнокожий; хладнокровный и верный, самый опасный молодой фехтовальщик Аккалабата, перед которым расступались и опытные воины).

Старшие, не только внешностью, но и характером пошедшие в мать, вызывали иногда у отца смутное беспокойство: их путь казался прямой и бесхитростной душе лорда Халема неясным. С младшими проблем не было: Хетти бил Ко на трех турнирах из четырех, на четвертом Ко «пробовал что-то новенькое» и наказывал младшего братца за неосторожность, - в общем, вопрос военной карьеры был не просто решен, он и не стоял. Ко, правда, танцевал еще изумительно, но язык за зубами держать не умел, так что при дворе ему делать было в сущности нечего.

Дуэмы не обсуждались: лорд Дар-Халем считал, что все должно идти своим чередом, не замечал ночных исчезновений Сола (а прекрасно обо всем осведомленный лорд-канцлер не считал нужным его информировать), не волновался за красавца Элджи и не обладающего и десятой долей интересной внешности брата, но излучающего непобедимое обаяние Ко и твердо знал, что за будущего маршала Хетти Дар-Халема выбор сделает его повелительница или совет старейшин. То, что малыш Китти Дар-Умбра ходил за Ко как пристегнутый, а Хетти, рано утром возвращаясь

2 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

(«Прости, пап, что не дал знать, был в гостях у Сиды»), то и дело рапортовал об очередном увечье, нанесенном Элджи Рейвену или Меери Дар-Кауда, которые «опять к нему приставали», заставляло лорда Дар-Халема хмуриться, но и только. Дары Халема рождались, чтобы выбирать, а не быть выбранными. Так он считал до вчерашнего дня.

Шорох крыльев вывел его из задумчивости. Лорд-канцлер был на подлете. Черный силуэт на фоне заходящего солнца – как вестник беды, как легендарный Дар Без Имени, открывающий и закрывающий двери в небесный чертог королевы Лулуллы, пропускающий к ее лучезарному трону бесплотные тени, которые остаются от нас после смерти. Если остаются. Сегодня верховному главнокомандующему Аккалбата ни во что не хотелось верить.

- Лорд Дар-Эсиль!

- Лорд Дар-Халем!

Лорд Дар-Эсиль, лорд Дар-Халем

Кому, интересно, сейчас хуже – мне или ему? Отцу, теряющему своих сыновей, главе униженного семейства, или палачу-эзекутору, совершающему непростительную, по меркам Аккалбата, подлость. Не жениться, трансформировав деле, одно из тягчайших преступлений, которому не бывает прощения. Если только оно совершается не по приказанию королевы.

Гость, завернулся в орад, уселся в кресло.

- Мы вдвоем справимся, Дар-Халем?

Справимся. Все-таки есть Дар-Халемы и Дар-Халемы. Из моих мальчишек только у Хетти внутреннее время сравнимо с моим, и то он не умеет им пока толком пользоваться. Они и охнуть не успеют, как окажутся в полном твоём распоряжении, лорд Дар-Эсиль. Тебе останется только выполнить свою грязную работу. Только вот напиться не следовало, тем более до такой степени. Удивительно, как он вписался в оконную раму, не размозжив себе голову о верхнюю балку.

- Дар-Халееееем!

Ах да, я же ему не ответил.

- Справимся, милорд. Когда желаете приступить?

Нет ответа. Но я не позволю ему... растянуть удовольствие.

- Милорд, с кого Вы желаете начать?

- А есть варианты?

- Соль и Элджи сегодня дома. Ко ночует в Хаяросе: у Дар-Пассеров сразу три дня рождения подряд – мальчишки совсем запраздновались. Хетти гостит у лорд-канцлера Дар-Эсиля, то есть у Вас.

- Я знаю, - лорд-канцлер задумчиво потёр рукой подбородок. – Мы должны оставить одного.

- Вы уже говорили, милорд.

- Халем, мы всегда были на «ты».

- Не сегодня.

2 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Как скажешь. Догадываешься, кто этот один? – лорд-канцлер наконец закончил изучать ковер под ногами, и белесые глаза устремились на Дар-Халема.

- Здесь без вариантов. Хетти. Он самый сильный. Но дело не только в этом. Я ведь все понимаю, Эсиль. Мы хотим сохранить не *одного из моих сыновей*, не человека, а функцию. Будущего верховного маршала Аккалабата. Того, у кого внутреннее время и неограниченная мышечная память Халемов представлены наилучшим образом. Чтобы потом передать потомству. Элджи и Соль отпадают – у них королевская кровь матери проявилась не только внешне. Когда Ко или Хетти включают внутреннее время на полную мощь, двое старших просто не успевают. Разрыв в классе, скажем, между Хетти и Содем, такой же, как между Содем и тобой.

- Ты уверен? – вся фигура лорд-канцлера выражала сомнение.

- Уверен. И ты тоже, - Дар-Халем сам не заметил, как снова перешел на «ты». Разговор, с его точки зрения, затянулся. Верность присяге требовала повиновения королеве, и он готов был выполнить этот приказ так же, как и любой. Выполнить, но не смаковать, что, очевидно, собирался делать лорд Дар-Эсиль. Тот по-прежнему не поднимался из кресла и как будто что-то обдумывал.

- Я бы оставил старшего, Дар-Халем, - наконец произнес он.

- Чушь. Ты бы оставил лучшего.

Лорд-канцлер поежился. Никогда прежде, лавируя между взбалмошностью Ее Величества и интересами Аккалабата, он не находился так близко к тому, чтобы разбить об острые рифы королевского гнева судно своей политики. Он был совершенно уверен, что следующим верховным маршалом Аккалабата, а главное, продолжателем уникального рода Халемов должен быть Хетти. Но не меньше лорд Дар-Эсиль был уверен в том, что, осмелюсь он трансформировать Соля, головы полетят с плеч. И хорошо еще, если это будут головы случайных даров, на горе свое оказавшихся поблизости, а не его собственная. Вчера он провел не один час, убеждая королеву в необходимости «оставить хотя бы двоих» на случай, если один из Халемов «простудится и умрет». Но давление антихалемской коалиции было слишком велико, и потом... с ужасом все больше и больше убеждался лорд-канцлер в том, что непредсказуемость и упрямство Ее Величества переходили постепенно в маниакальную фазу. Ее было еще возможно уговорить, но практически невозможно отговорить.

Вчерашние переговоры завершились полным кошмаром: властительница Аккалабата обвинила лорд-канцлера в государственной измене и пригрозила, что поручит дело кому-нибудь другому, кто не будет «цацкаться с твоим Дар-Халемом» (у канцлера от ужаса волосы на голове стали дыбом: он, как вживую, увидел, как Дар-Халем тоже решит «не цацкаться» с обидчиками, поотрубает им руки и головы, запрется с сыновьями в своем замке, нагрубит королеве... а потом это все перерастет в небольшую гражданскую войну, которую ему же, лорд-канцлеру, придется расхлебывать). Лорд Дар-Эсиль не хотел ничего расхлебывать, он предпочитал получить хлыстом по спине, даже по лицу, и считать вопрос исчерпанным. Кроме того, как положено не имеющему за душой ничего святого представителю высокородного дома Эселей, он обладал одним-единственным качеством, которое всем Эсиям на протяжении многих поколений очень портило

2 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

жизнь: лорд-канцлер любил Аккалабат, свою родину, и дал бы себя на куски за нее разрезать, не моргнув глазом. А Аккалабату был нужен Хетти – с его внутренним временем и мышечной памятью – и совершенно безразличен Соль – с его распутной и безумственной королевой.

Поэтому лорд-канцлер, как ни в чем не бывало, потянулся в кресле и лениво сказал:

- Ну, Хетти так Хетти. Займемся наличествующими. Как ты предлагаешь это устроить?

Лорда Халема затрясло.

- Я? Я – предлагаю? – только и смог выдавить он. – Я должен предложить тебе, как лучше трансформировать моих детей?!!

Одним ударом разрубить массивное дубовое кресло – вполне в стиле даров Халема. Лорд Дар-Эсиль с опаской и уважением осмотрел обломки того, на чем он сидел несколько мгновений назад, и оценил сдержанность хозяина. Если бы тот рубил с включенным внутренним временем, то среди обломков на полу валялась бы и тушка лорд-канцлера.

- Ну, хорошо, - примирительно сказал лорд Дар-Эсиль. – Поступаем так. Сначала идем к Элджи. Потом – Соль. Ты сможешь их... зафиксировать? Чтобы не сопротивлялись.

- Я подержу, не беспокойся. Тебе будет удобно, - скороговоркой ответил Дар-Халем. Голос у него был непривычно тонкий.

- Ладно. А потом, пока я не забыл, напиши Ко, чтобы он присоединился к Хетти у меня в замке. А Хетти, наоборот, я отправлю к тебе. Ты не справишься сразу с тремя осатанелыми красавицами. Разделим работу: ты присмотришь в первые дни за... тем, что получится из Элджи с Содем, а займусь Ко. Помнишь, там надо крылья выкидывать, повязки менять... да, и конечно, я должен буду заглянуть еще разок-другой. Ты понимаешь.

- Я напишу Ко – пришлю его к тебе. Присмотрю за девочками. Про то, что происходит сразу после трансформации, я ничего помнить не могу. Это ты должен помнить, что жена у меня была деле королевской крови. Без всех этих повязок и окровавленных перьев. Про «разок-другой» понимаю. Что еще? – казалось, что с каждым словом, с каждой новой подробностью предстоящего жизнь уходила из глаз, из голоса Дар-Халема. Пять минут назад перед лорд-канцлером стоял здоровый цветущий мужчина, сейчас – сгорбленный, измученный старик.

- Судьба девочек после трансформации. Я не успел узнать у королевы.

А почему, собственно, я должен был это узнавать? Почему ты, их родной отец, не добился аудиенции у Ее Величества и не потребовал хоть каких-то гарантий? А что, если она прикажет отдать их в жены тейо или, хуже того, итано? С венценосной злюки станется. Она, как породистый жеребец, взявший разгон, не остановится, пока не устанет. Я две ночи не спал, я кучу документов перелопатил, чтобы найти прецеденты, чтобы иметь под рукой готовое решение на случай, если она меня спросит. Не было их, прецедентов. Ни одной властительнице Аккалабата еще не приходило в голову без всякого дуэма, без образования пары карун – дойе превращать в женщин сразу троих даров. Ни одному лорд-канцлеру не приходилось еще решать вопрос о том, как будут эти женщины – незамужние! – жить после трансформации.

2 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

На Аккалабате не было незамужних деле. Женщины-итано были, а благородных деле не было – им неоткуда взяться там, где женщиной не рождаются, а становятся – ради кого-то, благодаря кому-то. Вдовы случаются на Аккалабате, как им не быть там, где все время воюют? Но закон гласит: овдовевшая деле обязана снова выйти замуж (чтобы не пропадало это сокровище, чтобы дети были защищены и воспитаны как подобает). Судьба трех Дар-Халемов в правила аккалабатской жизни не вписывалась. И лорд-канцлеру ничего не оставалось делать, как перенести решение вопроса в обозримое будущее. Пока же он просто сбросил орад, кинул на себя украдкой взгляд в зеркало и буркнул, обращаясь к неподвижной спине лорда Халема, который уже взялся за ручку двери:

- Веди, что ли. Столько времени потеряли... Дело-то не одноминутное.

Ручка хрустнула, оторвалась и улетела по направлению к открытому окну. Дверь, тем не менее, отворилась, и оба дара вышли в полутемный коридор, инстинктивно стараясь держаться друг от друга подальше, как будто боялись запачкаться.

Соль Дар-Халем

Что же у меня чувство сегодня с утра такое дурацкое, будто я куда-то опаздываю? Лорд Соль даже лошадь не стал расседлывать, бросил подоспевшему слуге поводья, толкнул дверь конюшни, зашагал по направлению к замку. Ближайшая ярмарка шла полным ходом, и ворота в толстой, на вид несуразной хозяйственной башне были распахнуты: через них въезжали телеги с провизией. Щелканье кнутов, крики итано, обычная неразбериха, связанная с доставкой в замок припасов на зиму, сегодня почему-то особенно действовали на нервы. Наверное, после прохлады и тишины хаяросских тайных покоев. Соль вытер рукою вспотевший лоб: лететь после того, что вытворяла ночью властительница Аккалабата, он был просто не в состоянии. Поэтому, полностью утратив бдительность, позаимствовал в дворцовых стойлах первого коня, попавшегося под руку, и теперь ломал голову, как объяснить отцу и братьям, буде заинтересуются, присутствие королевского скакуна в их конюшне. Мнение безмолвных итано его не интересовало. Соль вообще мало на что в этом мире обращал внимание.

Избранный и обласканный королевой, он по неоднократным намекам лорд-канцлера знал, что их отношения не тайна, по крайней мере для высших вельмож Империи (за исключением его отца), и наслаждался своим положением. Иногда хотелось похвастаться перед отцом или братьями, но Соль всегда в последний момент прикусывал язык, представляя гнев верховного маршала, осуждающе поджатые губы Эджи или иронию Ко, режущую словно острая бритва. Хетти не считался: он родился, как это очень быстро выяснилось, для выполнения функции – стать преемником старшего дара Халема во главе аккалабатской армии, махать мечом лучше всех на свете и быть на побегушках у Дар-Эсилей. Судьба его представлялась Солю никчемной и жалкой, поэтому, в отличие от остальных братьев, младшего он игнорировал: тупой исполнитель долга и приказов, без дерзаний, без сокровенных желаний, не мог быть интересен тому, кто каждый день, точнее, каждую ночь, нарушал все писанные законы и неписанные обычаи Аккалабата. Давно уже не

2 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

ради сексуального удовольствия, не из телесного вожделения нарушал, а влекомый ощущением риска и вседозволенности, поднимавшей его на ступеньку выше таких, как лорд Дар-Эсиль, ставивших на другую, чем Хетти, лестницу.

Но каким бы ты ни ощущал себя избранным и необыкновенным, когда тебе двадцать четыре года и ты скакал без остановки из Хаяроса до замка Халемов после бессонной ночи, первое, чего тебе захочется в родном доме, это навестить кухню или столовую. Сначала – столовую, потому что время ужинать и есть-таки хочется зверски, а именно там должны сейчас быть отец, Элджи и Хетти. Ко, вероятно, отлеживался после вчерашнего застолья в столичном особняке Дар-Пассеров. В столовой, однако, никого не оказалось. Более того, стол даже не был накрыт. Лорд Соль недовольно поджал губы.

- Элджиии! Отееец! Хеттииии!

В ответ молчание. Только дребезжит на ветру плохо закрепленная оконная рама.

Да куда они все подевались?! Лорд Соль сбежал по лестнице и устремился по коридору в то крыло замка, которое они занимали с Элджи. Пустые комнаты с распахнутыми дверями и окнами, анфилады покоев... словно все вымерло в родовой цитадели Халемов. Только звук собственных шагов по коридору слышал лорд Соль.

- Элдж! Чахи тебя побери!

Смутное беспокойство поползло по спине стружкой горячего пота. Сжатый кулак врезался в каменную кладку. И словно в ответ откуда-то слева раздался протяжный крик. Не протестующий, не проклинающий, не зовущий – безнадежный и жалобный, как плач попавшего в капкан зверя.

- Элджи!

- Лорд Соль! – окрик из-за спины. Ледяные, как жабья лапа, пальцы... *Как он посмел ко мне прикасаться!*

- Лорд-канцлер?

Странно, что у меня нет сил повернуться и врезать ему по физиономии. Стою и жду, что он дальше будет делать. Куда дальше поползет нахальная жабья лапа. Слава прекрасной Лулулле, отец показался в глубине коридора с каким-то здоровенным тюком на плечах... увидел нас, выругался негромко, завернул в чуланчик, где мы с Элджи храним мечи, перевязи и всякие причиндалы для заточки и правки лезвий, вышел уже без своей ноши.

- Ааа... Соль...

Что это у него с голосом? И вообще, вид – краше в гроб кладут. На безрукавке темные пятна – кровь? вино? Не могу рассуждать здраво, когда от лорд-канцлера так пахнет. И не могу, Чахи меня раздери, понять чем! Надо взять себя в руки.

- Отец, что у вас здесь происходит?

- Видите ли, лорд Соль, - вкрадчиво отвечает над ухом лорд-канцлер, - королева отдала нам приказ. И в исполнении его Вам придется участвовать.

2 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Ну так-то лучше, так по крайней мере понятнее. Она приказала какую-то гадость. Лорд Дар-Эсиль, как водится, млеет от удовольствия, что может кому-то напакостить, а отец мучится угрызениями совести.

- Сочту за честь, милорд.

- Вот как?

И что я такого смешного сказал?

- Эсиль, хватит, - лорд Дар-Халем морщится, как от боли. – Если ты готов, давай быстренько сделаем все, что надо, и я вернусь к Элджи. Мальчик в таком состоянии, что мне не хотелось бы надолго...

- Что ты несешь! – взвизгивает лорд-канцлер. – Этот же не идиот!

Соль понимает, что говорят о нем. Он успевает ощутить еще, в каком бешеном темпе запускает отец внутреннее время, удивиться тому, зачем он проделывает это в коридоре собственного замка, в присутствии лорд-канцлера Аккалабата, мысленно поежиться от того, какие колючие и злые глаза у лорд-канцлера сегодня вечером, и подумать, как странно то, что шершавые пальцы отца нажимают на горле *те самые* точки.

3 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Ко Дар-Халем

Мальчишка сидит на кровати, упершись руками, и что-то вполголоса напевает. Лорд-канцлер прислушивается: это старинная умбрэнская баллада. «Будет конь, будет и всадник, И оба они уйдут...»

- Ко...

- Я все знаю. Мечи я уже отстегнул, они в углу.

Надо, наверное, звать лорда Дар-Халема, но лорд-канцлер почему-то не торопится. Ему вспоминается: «И этот Ко, который смеется над всем на свете...» Действительно, глаза у Ко всегда прищурены и на дне прячутся искры – то иронично-обжигающие, то теплые, ласковые. Поэтому радужка кажется не такой, как у Хетти, черной, как смоль, а скорее темно-ореховой, как кора молодого чала. Но только кажется, потому что таких глаз не может быть у чистокровного Дар-Халема. Таких пустых и обреченных глаз не должно быть у Ко Дар-Халема.

- И долго Вы собираетесь так стоять?

- Ты куда-то торопишься?

- Боюсь, что сестры расхватают самые модные платья. И самых выгодных муженьков. Вы уже решили, куда нас пристроить? Отец говорил, в указе не сказано.

- Тебе сейчас не об этом беспокоиться надо.

- Да? А о чем же? – если бы у змеи было полстолько яда, сколько у Ко в голосе, она бы захлебнулась им и умерла.

- Нуу... - лорд-канцлер решает рубить сплеча. – Постарайся, например, мне понравиться.

- Что еще Вам постараться?

- Все остальное, - лорд-канцлер выдает самую обаятельную улыбку Дар-Эсилей.

- Прекратите улыбаться – тошнит.

- Какой ты... чувствительный, - рука сама собой тянется к острому подбородку, поднимает его, заставляет мальчишку смотреть взгляд в взгляд.

- Ну вот чего Вам надо... - вздыхает Ко, будто он старше лорд-канцлера по крайней мере вдвое. – Получили приказ, выполняйте. Чего от меня хотите-то?

- Ты же «все знаешь», - не выдерживает лорд-канцлер.

- Угу, - серьезно кивает Ко. – Только можно одну просьбу?

- Смотря какую.

- Отца звать не надо. Не надо его больше мучать. Я обещаю делать то, что Вы скажете.

Лорд-канцлер на мгновение представляет своего сына на месте Ко и себя на месте лорда Халема. Сиду бы он не поверил ни на секунду, даже если бы предварительно обыскал три раза и убедился, что тот не прячет под безрукавкой кинжал, а во рту – отравленную иглу. Но этот... он ершистый, смешливый и сумасшедше порядочный, как все Дар-Халемы. Сказал, что не будет сопротивляться – ляжет и сделает все, как надо. И деле красивая получится, между прочим... Отчего-то лорд-канцлеру так казалось.

- Ко, я могу тоже попросить у тебя одну вещь?

3 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Вы – все можете. Вы первый вельможа Аккалабата.

Видно, что он устал от словесной пикировки. Забирается на кровать поглубже, подтягивает к груди колени, устанавливается подбородком, продолжая смотреть сквозь лорд-канцлера. Крылья вывернуты вверх и распластаны по стене. «Ему, наверное, ужасно неудобно, но интуитивно он пытается быть от меня подальше», - думает лорд Дар-Эсиль.

Лорд Дар-Эсиль разглядывает пальцы Ко, сомкнувшиеся чуть пониже коленной чашечки: несколько длинных царапин указывают, что парень не один вечер провел, упражняясь с кинжалами, ногти обкусанные – Сиды бы лорд Дар-Эсиль за это убил сразу, мозоль от дужки меча на тыльной стороне правой кисти. Взгляд поднимается выше – на рельефные предплечья, крепкие плечи, одно из которых украшено незарастающим шрамом: Хетти не сдержал удар еще на детском турнире. Взгляд спускается ниже – на открытую грудь: только накачанные мускулы, ни одной боевой отметины (мальчишки Халема не бьют друг друга в опасные места, а другим до них не дотянуться). Лорд-канцлер представляет себе кружевные складчатые рукава, из-под которых будут аккуратно и нежно высовываться кончики пальцев – без единого шрама, без малейшего изъяна – на несколько сантиметров, как предписывает этикет. Представляет себе открытое бархатное платье, обнажающее ровно настолько, насколько положено, точеные белые плечи – округлые, мягкие... Представляет себе грудь, задрапированную или выставленную напоказ и подпертую жестким корсетом – по желанию мужа. И понимает, что ему не хочется видеть только то, что ему пожелают показывать. Ему хочется видеть все, всего Ко Дар-Халема, или как там ее будут звать. В любую пору дня или ночи.

- Страшно выглядите, - тем временем сообщает Ко. – За Вами во сне гоняются демоны?

- Если бы.

Если бы он знал, что лорд-канцлер Аккалабата с трудом заставляет себя проспать два-три часа в сутки! Независимо от того, насилует он молодых даров Халема или нет.

- Ко, я приду завтра. Не делай глупостей.

- Это не я.

- Что не ты?

- Собираюсь наделать глупостей.

- Без твоих советов.

Уходя, лорд-канцлер протягивает руку и треплет мальчишку по волосам. Тот не убирает голову, и всю ночь лорду Дар-Эсилю снятся сны. Не хорошие и не плохие. Просто снятся, в первый раз после смерти матери Сиды.

Глава 4. По-настоящему

Ко Дар-Халим

Пришел бы уже он скорей, этот лиходея. Задрало его дожидаться.

Ко не мерял шагами комнату. Он давно уже ее измерил: шесть шагов в ширину, десять в длину. Света ему не оставили. Было погано. Но не от темноты и не от горьких раздумий, которые одолевали его весь вчерашний день и улетучились куда-то прочь с явлением лиходея – лорд-канцлера. Ко пытался заставить себя переживать за братьев и за свою почти уже загубленную молодую жизнь, но получалось плохо. Все прочие чувства вытеснило на задний план лихорадочное ожидание. И какое-то предвкушение, что ли. Дрянь. Дело дрянь.

Звякнул засов на двери. Высокая фигура в ораде выставилась на пороге. Мрачно сказала:

- Ну что ж, пойдём.

Ко нерешительно отступил в сторону, поправил волосы, спросил ломким голосом:

- Разве не здесь?

- Пошли.

Повинуясь жесту лорд-канцлера, Ко вышел из комнаты. В коридоре было полутемно, но он все равно зажмурился.

- Прямо. Налево. Вверх по лестнице, - командовал лорд-канцлер за спиной.

Ко не выдержал.

- Лорд Дар-Эсиль, я не первый раз у Вас в замке. Скажите, куда мы идем.

- Ааа... - в голосе лорд-канцлера прозвучала нерешительность. Он, как будто, правда, забыл, что Ко в крепости Эсилей ориентируется немногим хуже его самого. – В главную залу.

- Хорошо.

Ко поднялся еще на несколько ступенек, прошел через небольшую комнату, в которой во время знаменитых эсильских балов выставляли вдоль стен столики с закусками, толкнул дверь в обеденную залу.

- Эт-та еще что? – остолбенел на пороге.

Стол в главной зале хаяросской резиденции Дар-Эсилей был накрыт к парадному ужину. Нет, стоп. Не к парадному. К торжественному... Стооооп! Это что же... К романтическому ужину на двоих. Свечи. Цветы. Сумасшедших расцветок циконии в это время года. Стоят, наверное, немеряно, как объезженный жеребец из конюшен Дар-Кауда. Лучшая скатерть. Я не разбираюсь, но похоже, что лучшая. Вообще, лучшая на Аккалабате. У нас такой нет, а в большинстве замков даже в праздничные дни на стол ничего не стелят. И эти штуки... Кааак называются эти штуки?! Я забыл. Не говоря уже о том, как ими пользоваться. Нет, последнее я не забыл. Я никогда и не помнил. Да! Салфетки! Салфетки они называются. С монограммами, вышитыми золотом. Умереть. И все это для меня? Он из ума выжил, честное слово. И смотрит затравленно, будто это я его трансформировать собираюсь.

4 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Ко, тебе не нравится?

- Мне? Нет. То есть да, мне нравится. А зачем это все?

- Я хочу, чтобы все было по-настоящему.

Оооо! Вириды выкрали нашего лорд-канцлера. Выкрали и подменили. Хотя... Сейчас лучше всего зажмурить глаза, сделать два шага вперед и сказать. Громко и четко.

- Я тоже.

- Чтооо?

- Раз уж это должно произойти, я хочу по-настоящему. Со всеми делами.

Ну вот, он совсем расстроился. А что, интересно, *он* имел в виду? Я имел в виду то, что, если уж мы собираемся... ээээ... совокупляться, то лучше сделать это по-человечески, а не так, как с Солем и Элджи. Я же не собираюсь сопротивляться.

- Почему?

Хороший вопрос. Он, что, читает мысли на расстоянии? Да нет, если бы он это умел, давно б уже перевешал пол-Аккалабата. Даже три четверти. Это минимум столько его терпеть не могут. Откуда я знаю, почему я не собираюсь сопротивляться?

- Ко?

Ааааа, не подходи ко мне! Не надо так изысканно кланяться. Не надо брать меня за локоток и церемонно сопровождать к креслу. Я не слепой и не хромой. И вот этих глаз – Чахи тебе в глотку – не надо! Я не перевоплощенная королева Лулулла. Я Ко Дар-Халем, пусть даже последние часы в этом качестве. И я хочу жрать! Ягненка вон того жирного я хочу! Сыру вонючего вон с того подноса. И артишок. Лучше два. А что это там у нас, фаршированный кролик? И его давайте сюда. Я весь день просидел взаперти и перенервничал. Буду раздирать мясо руками.

Почему он сидит, подперев щеку рукой, ничего не ест и глядит на меня с умилением? Понял. Он хочет меня отравить.

- Ко, вина хочешь?

Ох, как же трудно разговаривать с набитым ртом. Хочу, разумеется. Не всухомятку же всю эту роскошь жевать. Мням! Мням-мям-мям... Братцам дважды не повезло. Их не кормили, прежде чем сделать девочками. Спасибо моему личному обаянию.

- Ко, еда нравится?

- Ага. Вкусно. А Вы отчего не едите?

- Ты кушай, Ко. А что тебе еще нравится?

Глаза закатил и разговаривает со мной томным голосом. Нет, точно сейчас отравит.

- Лошади. Фехтовать – но теперь уже это не имеет значения. Играть с Китти.

- С этим? Тебе бы все равно не разрешили взять его в дойе. Он полукровка.

- Вам-то что?

- Мне ничего. А ты должен был искать себе пару получше, - лорд-канцлер говорил жестко и назидательно.

4 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Кажется, мы сейчас поссоримся. Потому что лучше Китти никого нет. Только к парам типа «дойе – карун» мы с ним не имеем никакого отношения. Я и не чесал его никогда, его всегда лорд Хару вычесывал. Просто Китти маленький и забавный. И без меня он пропадет.

От этой мысли, только сейчас пришедшей в голову, Ко холодеет.

Я здесь сижу, жру, «хочу, чтобы все было по-настоящему», а Китти останется один, против всех тех, кто считает его полукровкой, никчемным мечником... хотя мечник он, правда, будет никчемный... один... если только Хетти... Святая Лулулла, что я делаю?!!!

- Ко?

- Я. Не. Хочу.

- Ты же только что говорил...

- Мало ли что я говорил! А теперь понял, что я не хочу. И ненавижу Вас, ненавижу! И буду ненавидеть всю жизнь, так же, как мои братья!

Лорд Дар-Эсиль смотрел, как красное вино разливалось по белой скатерти. Смотрел и не видел. Он сам себя ненавидел в этот момент. Увлечись, повестись на какого-то мальчишку с большими глазами и поцарапанными костяшками пальцев! Понадеяться на «по-настоящему», на то, что тот тоже что-то почувствовал! И услышать это отчаянное «Ненавижу!»

Говорят, что легче усмирить демона Чахи, чем привести в ярость лорд-канцлера Аккалабата. Говорят, что легче остановить падающие воды Эль-Зимбера, чем ударить по щеке дара Халемских холмов. Говорят...

От увесистой оплеухи Ко отлетел на середину комнаты. Сжав зубы, попытался подняться, но наткнулся на неумолимые ладони лорд-канцлера, пихающие в плечи, опрокидывающие на спину. Застежки на безрукавке сорвались с треском, последний крик заглушили сухие, торопливые губы. Последний – потому что не было больше криков, потому что жадные хрипы одного эхом отозвались в призывных столах другого, а потом молча тискались двое, сжимали, переворачивали, путая черные волосы с белокуроыми, перемешивая кровь, слюну, слезы. До рассвета, до того самого момента, когда, с трудом поднявшись на шаткие ноги, лорд-канцлер Аккалабата взвалил на плечи молодое, томное после ночных ласк, со спиной – залитой кровью, с шеей – покрытой поцелуями, - тело и понес в спальню. На ту постель, которую после матери Сида никогда ни с кем не делил гордый лорд Дар-Эсиль.

5 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Лорд Дар-Эсли

- Койя, - посмотрел на создание... эээ... рук своих с тайной нежностью, провел по волосам рукой, по округлой груди - только взором, разбудил.

- Милорд...

Приложил палец к губам – не хотел слышать от нее своего титула. Никогда больше.

- Корво. Ты можешь звать меня по имени, Койя, дорогая.

Она улыбнулась, попробовала подняться – он удержал.

- Не надо сейчас, тебе еще больно.

Она не сопротивлялась, только спросила насмешливо:

- А почему – Койя? Обычно к таким именам прибавляют *-ра*. Ко-ра.

- Не знаю, - смутился он. – Так сказалось. Тебе не нравится?

- Нет. То есть – да, - поправилась, увидев его огорченное лицо. – То есть нет, *не* не нравится.

Вместе расхохотались. И тут же вспомнили.

- Койя, я должен сообщить твоему отцу.

Она все-таки приподнялась – с трудом, закусывая губу, собралась в комочек под одеялом у самой стенки, завесила лоб волосами. Он потянулся – отпрянула.

Лорд-канцлер понял, что настаивать бесполезно. Полез в шкаф за новым серебристым орадом. О старом после вчерашнего можно было забыть.

- Корво...

- Да, милая.

- Что с нами будет? Что с нами со всеми будет? – истинно женский страх в голосе.

- С тобой – то, что захочешь. Говори. Или ты еще не решила? - между железной уверенностью первой фразы и смятенной нерешительностью последней – одно слово и целая пропасть.

Койя откинула одеяло, на четвереньках перебралась через сбившуюся простыню и подушки, спотыкаясь и путаясь, на край кровати, не глядя, протянула лорд-канцлеру руку:

- Помоги. К зеркалу.

Он за руку брать не стал, наклонился, поднял, понес бережно, как только что сорванную циконию.

- Смотри.

Смотрела долго, тяжело опираясь на его локоть, с трудом поворачиваясь, заглядывая через плечо. Отводила, туда-сюда перекидывала волосы, поднимала, пробовала высокую прическу, открытый, закрытый лоб... Наконец спросила:

- А тебе... нравится?

Слова прилипли к сухой гортани – просто кивнул.

- Оставишь меня у себя?

На этот раз смог, справился с собой, в ответ выдавил:

- Хочешь?

Лихорадочно обнял за плечи, прижал к себе:

5 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Койя! Хочешь?

- Больно. Пусти. Хочу.

И побрели, спотыкаясь, обратно в постель. Заснули до вечера, ничего не сообщив лорду Халему. И правильно сделали, потому что *при рождении не знает своей судьбы ни один дар Аккалата*.

...

8 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата

- Когооо? Кого вы оставили?!!

У старой волчицы, затравленной на последней охоте, был менее страшный оскал, чем у правящей королевы Аккалабата, услышавшей краткий доклад лорд-канцлера. Покатились по полу пергаментные свитки, разлетелись перья и печати, крошечные женские кулачки с неожиданной силой забарабанили по инкрустированному столику.

Но лорд-канцлер пришел не один. Не один пал на колени перед своей королевой. За ним, не поднимая глаз, маршал Аккалабата, тут же – верховные дары Фалько, Пассера, Эрзеля... В малом тронном зале не видно пола под черными и темно-фиолетовыми орадами.

- Когоооо? – воет разгневанная, обманутая, ограбленная волчица.

И в третий, и в пятый раз повторяют верховные дары ответ:

- Хетти, Ваше Величество. Он лучший. Он больше других нужен Аккалабату.

Внезапно она успокаивается. Разглядывает лорд-канцлера сквозь сощуренные узкие щелки, водит обломком пера по пергаменту, будто в забытьи, неожиданно – поднимает голову, одним росчерком расписывается, бросает Дар-Эсилью в лицо исписанный лист. И хохочет, хохочет, хохочет, приплясывая, пока он читает... пока у него перед глазами плывут строчки.

- Сола – ты оставишь ее себе, понял. Я хочу каждый день ее видеть.

- Ваше Величество, я готов...

- Вот и славно.

Я не это хотел сказать. Но если я сейчас назову имя той, которую я готов оставить себе, то она не переживет этот день.

...

В большом зале яблоку негде упасть. Обычно при таком скоплении даров даже лорд-канцлеру приходится прокладывать себе дорогу где громким окриком, а где и железным плечом. Но не сегодня. Сегодня перед ним расступаются: весть о хорошо выполненном приказе королевы уже распространилась, и одни дары шарахаются к стенке от ужаса и отвращения, другие – спешат посторониться, потому что не знают, какое правильно сделать лицо.

Ничего, это не надолго. Зная Аккалабат, лорд Дар-Эсиль легко может предсказать, на сколько хватит этой отчужденности. Дня на два, не больше. Он все еще первый вельможа Империи. И – он издает внутренний стон – почти женатый первый вельможа, пропади оно все пропадом.

Створку двери, ведущей из парадного зала на лестничную площадку, лорд-канцлер отбрасывает от себя с такой силой, что с нее сыплется позолота. Натывается на чью-то спину. Какой идиот застыл здесь в дверном проеме?!! Идиот отлетает на несколько шагов, поворачивается, смотрит угрюмо.

- Сид, я просил подождать меня в парадном зале. Сейчас мы должны...

- Отец, я не хочу тебя видеть.

8 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

В роду Дар-Эсилей не принято перебивать старших. Но лорд-канцлер знает, что, если сейчас он сорвется, если хоть на йоту повысит тон, он уже не сможет остановиться. Поэтому интересуется холодно:

- Что произошло?

- А ты не догадываешься? Теперь ни Хетти, ни я не можем пойти под дуэм друг к другу.

- Ты и Хетти? – лорд-канцлер смеется так же истерично, как королева десять минут назад. – Хетти и ты?! Да об этом никогда не могло быть и речи!

Случившиеся на площадке дары вдруг вспоминают, что должны именно сейчас быть совсем в другом месте, и торопятся вниз по лестнице. Сид говорит, не поднимая головы:

- Это ни о чем другом не может быть речи.

Канцлер про себя от души поминает святую Лулуллу вкупе с демоном Чахи. Вслух же он произносит, стараясь, чтобы голос звучал спокойно:

- Лорд Сид, что за дурь, честное слово! Я уверен, что, в отличие от тебя, у лорда Хетти есть достаточно разума, чтобы не принимать детскую дружбу за нечто большее.

- Я бы не торопился этого утверждать.

Лорд Дар-Эсиль внимательно разглядывает сына. Как всегда, безукоризненно. Все до малейшей складочки на ораде, до тончайшей пряди молочно-белых волос. И такой бардак в голове.

- Сид, мне сейчас не до твоих выдумок. Нам следует вернуться в городской дом, чтобы подготовиться к прибытию новой леди Дар-Эсиль.

Сид резко вскидывает голову.

- Ты... Ты... Ты и здесь сумел урвать лакомый кусок! А обо мне даже не подумал.

Лакомый кусок со стола Ее Величества... Лорд-канцлер уже не старается, чтобы голос звучал спокойно. Он просто *надеется*, что голос звучит спокойно, в силу многолетней придворной выучки и блестящей наследственности Дар-Эсилей.

- Я думаю только о том, о чем необходимо. Сегодня ты в этот список неходишь. Ты мой единственный сын и следующий лорд-канцлер Аккалабата. Кто будет твоей деле, определит королева. Пойдем.

Несколько секунд отец и сын буравят друг друга взглядами. Потом Сид поворачивается, громыхнув мечами по балюстраде.

- Пойдем.

20 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Наследный лорд Сид Дар-Эсиль

- Сола...

- Кто разрешил тебе войти?

- Я просто хотел сказать...

- Убирайся!

- Сола, я...

Не переставая уклоняться от летящих в него предметов (Сола швыряет все, до чего может дотянуться), Сид успевает с удивлением отметить, что внутренним временем Дар-Халемов здесь и не пахнет. Не составляет никакого труда увернуться от бронзового пресс-папье, которое, если бы его кидал любой Халем с включенным внутренним временем, непременно попало бы Сиду в висок. Наконец, Сиду удается выбраться за дверь, откуда он кричит, пытаясь переорать проклятия, низвергаемые на его голову неиствующей Солой:

- Да успокойся же ты! Уже ничего не поделаешь! Ты живешь у нас в доме, и я просто хотел с тобой подружиться!

- Подружиться? – несется в ответ – Подонок! И сын подонка! Я тебя ненавижу, слышишь? Тебя и твоего отца! Я всю жизнь буду вас ненавидеть! Я у них в доме живу! Я – живу?! Подыхаю я, а не живу в твоём поганом доме!

Сид слышит, как об дверь разбивается что-то стеклянное. Наверное, декоративная тарелка, стоявшая на камине. На плечо опускается ладонь отца. Сид вздрагивает.

- Я не слышал, как ты подошёл.

- Неудивительно, она так вопит.

- Она всегда такая будет?

- Возможно. Лучше держись пока от нее подальше.

- Жаль, - тихо говорит Сид, упираясь лбом в дверь, которую продолжают сотрясать удары от падающих предметов.

- Что «жаль»?

- Ну, мамы же больше нет с нами... - Сид никогда не говорит о матери «умерла», и отец это знает. Но сейчас он сосредоточен на другом. Внезапно лорд-канцлер понимает мысль Сиды и весь обмирает. *Не может быть! Нет, такой напасти еще не хватало на мою голову!*

- Сид, милый, - осторожно спрашивает лорд Дар-Эсиль, - Ты, правда, думал, что она может заменить тебе маму? Я полагал, что ты уже взрослый и не нуждаешься...

- Что значит «заменить маму»? Маму никто не заменит. Просто... я думал... - наконец Сид решает. - Я думал, что если уж она будет жить тут, с нами, она будет за всем следить... ну, сад там, скатерти, как раньше мама... мы обедать могли бы все вместе, хоть иногда, по праздникам. Помнишь, ты посередине, а мы – по сторонам от тебя, со свечами, с теми тарелками... мамиными любимыми. И на охоту можно было бы вместе... ты же купишь ей все эти женские штучки? Седло специальное – для деле, лошадь с пумпонами в гриве, как у леди Дар-Акила.

20 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Лорд Дар-Эсиль негромко и строго откашливается.

- Мне ничего не надо, на самом деле, - быстро прибавляет Сид. – Я просто, как это сказать? Рассчитывал. Совсем немножко.

- Это непредусмотрительно. Рассчитывать на такие вещи, - лорд-канцлер специально говорит грубее, чем следовало бы. Он чувствует себя виноватым. Виноватым именно в том, что ему тоже виделась гнедая с пумпонами в гриве лошадь, а на ней женская фигурка в платье для верховой езды – только не светло-, а темноволосая, с золотистыми капельками света на дне зрачков. Он посмел мечтать, забыв о семейной предусмотрительности Дар-Эсиль, и теперь за это расплачивается Сид. Сам лорд-канцлер знает, что переживет, что сможет выгнать из своего воображения высокую молодую женщину с мелодичным голосом и изящными движениями, заставить замолчать в ушах звенящий колокольчик ее смеха. Он будет верным и почтительным мужем леди Солы – наперсницы королевы Аккалабата, каким бы исчадием ни оказалась эта высокородная (Чахи ее заberi!) деле. А Сиду будет трудно: потеряв Хетти, он пытался найти хоть какую-то опору в мире, где именно дарам Эсиль отказано в возможности проявления чувств, и оказался ненужным, нежеланным, более того, ненавидимым. И все, что может пока сделать его отец, всесильный лорд-канцлер Аккалабата, это увести сына от проклятой двери, ласково обняв за плечи и уговаривая:

- Потерпи. Давай подождем немножечко. Может быть, все образуется.

Сид не понимает этого перехода от резкой отповеди к нежности и сочувствию, но принимает утешение, утыкается носом в отцовский орад, позволяет проводить себя до постели и уложить спать. А лорд Дар-Эсиль еще долго стоит у окна, прислушиваясь к начинающемуся дождю, и смотрит в зеленую мглу, как будто пытается разглядеть будущее.

Глава 5. Он кричал над моим сыном...

Китти Дар-Умбра

Плотно запахнув орад, Китти сидит на карнизе стрельчатого окна самой высокой башни Дар-Аккала и пытается не разреветься. Не то чтобы он на что-то рассчитывал...

Сзади грохочут две пары сапог.

- Чего окно открыл? Сквозняка мало в замке? – грубо спрашивают над самым ухом. Китти испуганно поднимает глаза. Так и есть: Меери и Рейвен Дар-Кауда. Голубая кровь и кладовые, полные золота. Дар-Кауда – один из трех древнейших родов королевства, наряду с дарами Фалько и Эсиля. Их предки служили еще на Дилайне королю Онпеху, оруженосцем которого был отец прекрасной Лулуллы. Многотысячелетняя история и неслыханные богатства. Дар-Кауда все умеют доводить до совершенства. Да, быстры и красивы виридские скакуны, но, чтобы объездить, их отдают в конюшни дома Дар-Кауда. Там же делается лучшая на Аккалабате упряжь. Да, тонки и прекрасны кружева, которые ткут в дариате Фалько, но только в мастерских, принадлежащих Дар-Кауда, придумывают и воплощают удивительные фасоны платьев, для которых эти кружева предназначены. Да, искрятся и переливаются драгоценные камни Умбрена, но кто умеет огранить их и вставить в оправу так, чтобы стократно увеличить стоимость? И те мечи, которые по привычке все называют умбренискими, куются из северной стали в кузницах дариата Кауда.

Поэтому дары Кауда многое могут себе позволить. И позволяют. Даже женятся они только внутри своего рода, изредка разбавляя фамильную кровь путем дуэма с кем-то из Фалько или Эселей. Всякие там Пассеры, Халемы, Спэры, Умбры, Эрзели – это мелкая шваль для потомков тех, кто сидел за одним столом с королем Онпехом. Более того, дары Кауда не берут в жены деле королевской крови, которых по генетическим соображениям или в знак признания заслуг того или иного клана «выдает» из-за ширм сама королева. Дар-Кауда не нуждаются в улучшении породы. Они сами – лучшие.

И сейчас возглавляющие клан братья Меери и Рейвен Дар-Кауда грозно нависли над Китти. Он и так уже все глаза выплакал и с ужасом ожидал известий, которые отец принесет из парадного зала. Убежал на окошко, где так любили сидеть они вместе с Ко, съезжился там подальше от чужих глаз, дрожал от обиды, от собственного бессилия.

Китти весь был на нервах с того момента, как услышал, что случилось с его старшим другом, поэтому, когда голоса братьев Дар-Кауда как гром прокатились у него над головой, он, неизвестно почему, вдруг почувствовал себя виноватым, сжался в комок еще больше, неловко пошевелился... и полетел вниз с карниза. Пытаясь удержаться, взмахнул руками – пола орада застряла между стеной и оконной рамой, металлическая застежка сдавила шею. Собственного, хотя и небольшого, веса Китти оказалось довольно, чтобы орад превратился в петлю, которая моментально затянулась. Из горла мальчика вырвался хрип, глаза закатились. В ту же секунду он ощутил на

25 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

плечах крепкие руки, которые втаскивали его через подоконник обратно в башенный коридор.

Лорд Рейвен откуда-то из-за спины рявкнул:

- Меери, бросай уже этого недоделка и пошли! Мы опаздываем.

Китти поднял глаза: спасителем оказался лорд Меери, который теперь бережно усаживал его у стены.

- Как ты себя чувствуешь? – спросил Меери, ловкими движениями избавляя Китти от орада.

- Хо...хорошо, - запинаясь, пробормотал Китти. Ему было мучительно стыдно: так опозориться перед двумя дарами Кауда, которые и без того считают его недоноском.

- Меери!

- Иду-иду.

Но прежде чем повернуться к брату, лорд Меери быстро провел рукой по верхушкам крыльев Китти, поправляя перья. Так часто делают на Аккалабате старшие дары по отношению к младшим. Со стороны благородного дара Кауда, конечно, это был широкий жест: так снизойти до «порченого» Дар-Умбры. Поэтому Рейвен негодуя хмыкнул, повернулся и пошел по коридору. Точнее, поднял ногу, чтобы сделать первый шаг, и застыл. Звук, раздавшийся за спиной, не был похож на звуки, издаваемые человеческим существом в здравом уме и трезвой памяти. Рейвен аккуратно опустил ногу на пол. Звук повторился. Это было что-то среднее между воем горного волка-оборотня, заставляющим сбиться с ноги и испуганно захрипеть даже самую вышколенную лошадь, и весенним криком игну – водяных дикобразов со светящимися иголками, танцующих бесконечные брачные хороводы на темных Халемских холмах в лунные мартовские ночи.

- Меери? – все еще надеясь на то, что ослышался, слабым голосом позвал Рейвен.

В ответ еще один такой же животный звук.

- Ну все, хватит, - Рейвен решительно повернулся, снял руки Меери с Киттиных крыльев, дернул за плечи, разворачивая за собой. Меери оттолкнул брата и сделал шаг обратно к Китти. Тот, ничего не понимая и ощущая только нервное напряжение, возникшее вдруг между братьями, вжался в стену.

По коридору раздался топот шагов. Из-за дальнего поворота показалась кряжистая, увенчанная копной темно-каштановых волос фигура отца Китти – лорда Хару Дар-Умбры.

- Меери, пожалуйста, - настойчиво произнес Рейвен и взял брата под руку. Тот оторвался мутным взглядом от Китти, потряс головой, как будто стряхивая наваждение:

- Да-да, конечно, не надо. Уведи меня, Рейвен.

Голос у него был надтреснутый, точно больной. И за братом он пошел послушно, как тяжелораненый боец, которого уводят с поля боя. Китти перевел дыхание: слава прекрасной Лулулле, они уходят! А то Меери повел себя как-то странно. Этот отсутствующий взгляд, эта закушенная губа, руки, которые он по приказу Рейвена отдернул от Китти, как от чумного.

- Папа!

25 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Лорд Хару на полпути разминутся с дарами Кауда. Рейвен что-то сказал ему – резкое, злобное, как показалось Китти. Отец непонимающе качнул головой, переспросил – ему ответили, еще резче, еще настоятельнее. Тогда лорд Хару тоже бросил что-то неодобрительное, попрощался коротким кивком головы и быстро подошел к Китти.

- Китти, они не обидели тебя? Что у вас здесь случилось?

Китти жутко не хотелось рассказывать отцу про свое падение, но Дар-Кауда могли начать глумиться на каждом углу по этому поводу, так что он изложил свою версию, слегка приукрашенную.

- ... И тогда лорд Меери втащил меня в коридор, посадил у стены и стал расстегивать пряжки. А потом, знаешь, пап, произошло что-то странное.

- С Меери?

- Да. У него руки стали такие горячие, а глаза... ненормальные. И он открыл рот, как будто что-то сказать, а оттуда не слова вышли, а какой-то крик. Как у животных – скажем, у горных шакалов. Или у игну. Бессмысленный. Просто пронзительный звук... и какой-то зовущий, - поразмыслив, добавил Китти. – Люди так не говорят.

- Китти, это был именно крик? – наклонился над сыном лорд Дар-Умбра. Вид у него был встревоженный. – Не пение, не курлыканье, а крик. Он над тобой кричал, так?

- Пап, именно крик. Только не надо мной, а рядом со мной. А что такое?

- Это просто так говорится – «над», - словно сам себе, пробормотал лорд Дар-Умбра. Внимательно посмотрел на сына:

- А ты?

- А что я? Я, честно говоря, еще не мог как следует продышаться. Я вообще испугался, что мне все эти крики почудились или что я от нехватки воздуха сошел с ума и перестал понимать человеческий язык.

- Крики?

- Ну да. Он два или три раза так сделал.

- А потом?

- Появился ты, и Рейвен его увел. Такое ощущение, что почти силой. Словно его околдовали – вот он какой был. А почему тебя это так взволновало, пап?

- Нет-нет, ничего, Китти. Просто сейчас нам надо идти. Там все затянuloсь в парадном зале и только сейчас начинается.

- Ой! – Китти попытался одновременно зажать глаза и уши руками. – Нет, я не пойду. Давай ты один, а потом мне расскажешь. Как договаривались.

- Ты идешь со мной, - таким железным голосом отец с ним никогда не разговаривал. – И не отходишь от меня ни на шаг. Обстоятельства изменились, Китти. Не спрашивай, почему – все равно ты не поймешь. Просто держись рядом со мной.

25 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

И пошел размашистым шагом по коридору. Китти подобрал свой орад и, застегивая его на ходу, поспешил за отцом. Лорд Хару шел, погруженный в глубокое раздумье, не отвечая на приветствия знакомых, только губы его шевелились грозно, будто шептали проклятия.

Лучше пусть Китти увидит своими глазами, что стало с Ко, какое бы позорное действие ни устроила из этого наша королева, чем я оставлю его одного, после того как Дар-Кауда кричал. Дар-Кауда кричал над моим сыном!

Лорд Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата

Среди королев Аккалабата нередко случаются опасные сумасшедшие. Но даже они умеют обуздывать себя, если речь заходит о безопасности и стабильности Империи. Ее Величество хорошо понимала тяжесть удара, нанесенного верховному маршалу, его гнев и отцовскую боль. Поэтому, если кто-то из завистников и недругов дома Халемов ожидал увидеть во дворце скабресный спектакль, они должны были почувствовать себя разочарованными. Главный королевский герольд хорошо поставленным голосом возвестил, то и дело сверяясь с пергаментом, что «Для укрепления... и воссоздания баланса... по приказу Ее Величества Королевы была произведена трансформация лордов Элджи Дар-Халема, Соля Дар-Халема и Ко Дар-Халема... и сегодня леди Элла и леди Койя будут представлены ко двору, так что любой желающий дар может заявить на них право и тут же, не сходя с места, получить королевское благословение и взять их в жены. Леди Сола не присутствует на сегодняшней церемонии, так как отдыхает в своем новом замке: сам лорд-канцлер Аккалабата изъявил желание сочетаться с ней браком».

Никаких обсуждений, выкриков с мест, слез, смеха и тыканья пальцем. Двух указанных деле даже не провели, как обычно при представлении ко двору, по ковровой дорожке от входа в парадный зал до королевского трона, а выпустили из-за балдахина, покрывающего трон, сразу на ступеньки, спускающиеся от него в залу. Лорд-канцлер церемонно взял каждую из них за руку и назвал ее имя. Дальше дело было за дарами Аккалабата - в первую очередь, доживающими свой век в одиночестве вдовцами или, напротив, теми из молодых, кто по какой-то причине (распутство, бедность, застенчивость, бесталанность в фехтовании или что там еще может препятствовать созданию союза «карун – дойе») не видел другого способа обзавестись парой.

- Ну, мои дары, доставьте удовольствие своей королеве и стоящим перед вами прелестным девушкам. Выбирайте, - призывно улыбнулась Ее Величество.

Лорд Дар-Эсиль нахмурился. Дары молчали. Некоторые – угрюмо уставившись в пол, другие – делая вид, что ничего не происходит, с недюжинным интересом разглядывая стенные панели и гобелены, как будто видели их впервые, третьи... Вот этих третьих лорд-канцлер удушил бы своими собственными руками: тех, кто не удовлетворился крушением дома Халемов и хотел большего – публичного унижения, втоптывания в грязь той халемской гордости, которой многие восхищались, но многие и завидовали. Если до королевы сейчас дойдет, что без маленького и

25 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

грязного спектакля обойтись не удастся – что ж, властительница Аккалабата пойдет по пути наименьшего сопротивления, это ясно. И ничего, ничего нельзя сделать.

Лорд-канцлер беспомощно оглянулся. Лицо верховного маршала, как обычно, стоявшего за спинкой королевского трона, не предвещало ничего хорошего тому, кто первый дерзнет превратить официальную церемонию в надругательство над ним и его девочками. Если только это будет не королева...

Девушки стояли на расстоянии вытянутой руки друг от друга: темноволосая – гордо расправив плечи, насмешливо оглядывая толпящихся внизу даров; светленькая – вся в напряжении, как в ожидании удара, затравленно озираясь вокруг. Видно было, что ей хочется прижаться к сестре, но ей не позволили. Лорд Дар-Халем жестко проинструктировал дочерей, приказав им вести себя точно так, как предписано, и «Да даст нам святая Лулулла пережить этот день!» Леди Элла пыталась начать всхлипывать, но Койя решительно отхлопала сестру по щекам, придав ей таким образом «хоть какой-то здоровый румянец». Так и вышли.

Пауза затягивалась. Лорд Дар-Эсиль уже с облегчением ждал, что вот-вот королева произнесет равнодушное «Ну нет, так нет» и распорядится, чтобы лорд Дар-Халем сам занялся пристраиванием «своих девок, которые все равно никому не нужны». И тут... Все произошло за малую долю секунды, но сердце его за эту секунду упало в мрачную холодную пропасть и закатилось на дне ее в самую сырую и безнадежную трещину. Потому что Койя, очевидно, тоже почувствовав, что дело идет к концу, и концу благополучному, немного повернула голову в его сторону и улыбнулась – краешком рта и одними глазами, так, как умела улыбаться только она одна, Койя, и только ему одному – насмешливо, ласково и одновременно грустно. Глядя только на него, только ему даря блеснувшие на мгновение в ее глазах искры. Глядя только на него... и не замечая мгновенный, но все прочитавший, понявший, расшифровавший взгляд королевы. «Койя!» - мысленно возопил лорд-канцлер, но было уже поздно.

Властительница Аккалабата выпрямилась на троне.

- Как я понимаю, мои дары проявляют рассудительность и осторожность. Весьма похвально. Разве можно покупать кота в мешке? Брать товар, который не показали вам лицом? Разденьте их!

Последняя фраза была брошена по направлению к дарам, стоящим за тронном. Среди них послышался недовольный ропот, который, однако, сразу стих под грозным взглядом Ее Величества. Тоже ропот, но весьма оживленный, прокатился и в рядах даров по обе стороны ковровой дорожки. Старый лорд Дар-Фалько, хранитель мощей прекрасной Лулуллы, утирая платком покрасневшую лысину, выступил из-за трона и склонился к ногам королевы:

- Ваше Величество, я прошу Вашего разрешения покинуть зал. Все окна распахнуты, но все равно здесь так душно! Пожалейте старика, мне все равно не до молодых прелестей.

Нервным кивком королева разрешила старику удалиться. От взора лорд-канцлера не укрылось, что вместе с ним за дверь просочились и несколько других даров. Он постарался

25 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

запомнить, из каких кланов: такая смелость заслуживает благодарности. В то же время в зал втиснулись новые персонажи. Лорд Дар-Халем хрипло выругался.

Никогда еще лорд-канцлер не был с ним так единодушен. Только семейки Дар-Кауда тут и не хватало! Хотя явление их, не баловавших своим присутствием королевский дворец, было предсказуемым: вряд ли они бы упустили возможность еще раз поглумиться над Элд... Эллой. Но то, что они опоздали и вошли так демонстративно, обратив на себя всеобщее внимание, подстегнет всякую сволочь. Об особом отношении братьев Дар-Кауда к Элджи Дар-Халему знали многие.

А вот тех, кто пролез в приоткрытую створку за ними, лорд-канцлер совсем не ждал. Хару точно сошел с ума: явился сам и притащил своего... недоделка. Что он хочет ему показать?

- Лорд-канцлер, я, между прочим, отдала приказ, - вкрадчиво напомнила королева. Нет-нет, она совсем не настаивала, она просто напоминала... *Змея*.

- Корво, пойдем, - выдохнул в самое ухо лорд Дар-Халем. – Лучше уж мы с тобой. Не хочу, чтобы моих девочек кто-то трогал.

Пошатываясь, на негнущихся ногах верховный главнокомандующий Аккалбата, лучший мечник Империи, гроза ее врагов и мятежников, лорд Дар-Халем сделал несколько шагов вперед.

- Ну давай уже, Корво! – нетерпеливо окликнул он.

Прочие верховные дары смотрели в сторону, не двигаясь с места.

Происходившее могло быть воспринято как неповиновение королеве, а лорд-канцлер не хотел казней и пыток. Он тоже шагнул к девушкам, стоявшим у подножия трона. Несмотря на запрет, светловолосая немного придвинулась к сестре, потянулась, ища ее руку, и, взвизгнув, отдернула от удара хлыстом. Королева смеялась.

Неожиданно к одному женскому смеху, злорадному и хриплому, добавился второй – мелодичный, как ледяной звон Эль-Зимбера под копытами в ясное зимнее утро. Леди Койя обернулась к лорд-канцлеру:

- Нет-нет-нет! – проговорила она сквозь смех. – Я сама разденусь. Не хочу, чтобы чужой мужчина трогал меня руками до свадьбы. Что я скажу мужу, а, лорд-канцлер?

Он хотел остановить ее, сказать что-то специально ей предназначенное, забыв уже и про королеву, и про все на свете, но не успел. Она одним движением развязала ленту, поддерживающую на плечах сильно декольтированное платье, стянула его донизу, перешагнула через груды парчовой материи, выставив напоказ ничем уже не прикрытую грудь – высокую, смуглую, с коричневыми выступающими сосками. Тонкие руки вспорхнули к высокой прическе, вытянули шпильки, выпустили на свободу роскошные вьющиеся волосы – такие густые и длинные, что за ними можно было бы укрыть свою наготу. Но девушка не стала прятаться, кокетливо пожала плечами в ответ на восхищенные возгласы, которые не могли не прорваться в зале, полном мужчин, не избалованных вниманием женщин, громко поинтересовалась:

- А вы что думали?

25 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

И повернулась к королеве – торжествующе смеясь ей в лицо.

- Ваше Величество, Вы мною довольны? Я могу поцеловать Вашу руку?

Королева от неожиданности кивнула. Она явно была захвачена врасплох и не имела никакого представления о том, что делать с юной нахалкой, опустившейся на колени перед тронем и выставившей при этом на обозрение всем присутствующим... Властительница Аккалабата, да и большая половина ее даров даже про себя не могли произнести это слово. Леди Койя между тем оторвалась губами от холеной королевской ладони, поднимаясь на ноги, приблизила свои губы к лицу Ее Величества и еле слышно сказала:

- Он все равно мой. Пусть даже живет с твоей Солой. Тронешь его – убью. Я все помню.

- Что ты можешь помнить, дрянная девчонка? – королева скривила губы и шипела, как стая гадюк.

- Все, - девушка окончательно разогнулась и вновь обернулась к залу. – Эй, лорды, жениться будем или как?

В зале одобрительно зашумели. Будь то Ко или Койя, мужество на Аккалабате ценилось превыше всего. Но королева не любила проигрывать.

- Вторая, - прошипела она. – Почему не раздета вторая?

Лорд Дар-Эсиль, который с того момента, как солнечные лучи, врывавшиеся в зал через широко раскрытые окна, осветили грудь и живот Койи, уже ни о чем не мог думать, перевел взгляд на вторую сестру. Элла стояла на ступеньках вся сотрясающаяся от рыданий – с платьем, спущенным до пояса и открывавшим грудь – много меньше, чем у сестры, но такую же гладкую и точеную. Позади нее лорд Дар-Халем безнадежно возился с застежками, а она, заведя руки за спину, отчаянно отбивалась, пытаясь ему помешать.

- Папа, не надо, не надо, папа, пожалуйста...

- Лорд Дар-Халем, - голос королевы звучал холодно. – Пожалуйста, прикажите Вашей старшей дочери перестать плакать. У нее покраснеют глаза, опухнут губы, и никто ее не возьмет. Так мы никогда не закончим... церемонию.

- Элла, милая, успокойся, родная, прошу тебя. Давай мы сейчас разденемся. Это ничего, это не страшно. И потом очень скоро пойдем домой. Постоим здесь еще немного, и домой.

Отчаяние, звучавшее в голосе лорда Халема, могло бы разжалобить камни. Но не королеву Аккалабата. Удар хлыста пришелся по сцепленным в яростной борьбе за застежку пальцам отца и дочери. Элла с криком отдернула руку. Верховный маршал не повел и бровью. Крючки подавались один за другим.

- Полностью, Дар-Халем, полностью. И чтобы она перестала плакать.

Напряжение за тронем и ропот в зале становились все ощутимей. Лорд Корво впервые всерьез задумался о том, ради чего дары Аккалабата могут пойти против своей властительницы. Мятежи и заговоры случались нередко, но, судя по всему, страдания и унижения молодой

25 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

женщины не относились к тому, из-за чего благородные лорды вытащили бы мечи из ножен. Однако не все верховные дары были одного с лорд-канцлером мнения.

- Корво, ты не находишь, что сейчас мы плавно перейдем от церемонии бракосочетания к умирению небольшого восстания? – лорд Дар-Пассер, ректор военного корпуса, даже не старался понизить голос. – Хуже всего это кончится для Дар-Халемов. Девочку могут и обезглавить за подстрекательство.

- Ты ошибаешься, - лорд-канцлер голоса тоже не понижал, так что его могли слышать все стоящие возле трона. – Никто не заступится. Это может продолжаться бесконечно.

- Ты можешь что-нибудь сделать? – Койя говорила через плечо так уверенно и спокойно, будто не стояла сейчас раздетая перед парой сотен мужских глаз, с большим или меньшим интересом оценивавших ее прелести. Аккалат есть Аккалат: обнаженная красотка, выставленная на всеобщее обозрение, занимала даров больше, чем ее зареванная сестрица, брыкавшаяся на другом конце тронной лестницы.

Если кого-то и удивило, что Койя обратилась к лорд-канцлеру на «ты», вида никто не подал. Лорд Дар-Эсиль нахмурился:

- Койя, она все-таки должна раздеться. И перестать плакать. Тогда я что-то придумаю.

- Хорошо. Дай мне кинжал.

- Не давай, - встрял лорд Дар-Пассер.

- Дай. А Вы – помолчите.

Уловив недовольство, мелькнувшее в глазах Дар-Пассера, Койя пояснила:

– Я теперь прекрасная деле и могу говорить с Вами так, как хочу.

- Ты должна быть воспитанной.

- Вот еще! Воспитанные деле не разгуливают голышом по парадному залу. Корво, дай мне кинжал.

Лорд Дар-Эсиль нагнулся и вытащил узкий кинжал из-за голенища сапога.

- Подходит?

Койя не ответила. Взяла кинжал точно таким же движением, каким держал его лорд Дар-Эсиль, быстро подошла к отцу и сестре, все еще возившимся на краю лестницы, обхватила Эллу рукой за горло, немного придушив при этом, и разрежала кинжалом платье сверху донизу. Стащила его с сестры, подняла ее за плечи, встряхнула, развернула лицом к залу. Так же деловито подобрала кинжал с пола, протянула Дар-Эсилью, вернулась на свое место.

- Ну, что теперь?

Лорд Дар-Эсиль скосил глаза. Элла стояла на удивление спокойно и ровно, как мраморная статуя. Не пытаясь заслониться руками, прекратив плакать, она просто обводила зал глазами – и в них не было ничего. Так же, как в глазах лорда Халема, безостановочно комкавшего в руках обрывок светло-синего платья. Тогда лорд-канцлеру стало страшно. Он отодвинул рукой Койю,

25 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

которая занялась тем, что рассылала воздушные поцелуи направо и налево, опустился на колени у трона.

- Ваше Величество, пора заканчивать.

- Даже не уговаривайте меня, лорд-канцлер. Такое славное развлечение, - королева беззаботно обмахивалась веером. Вид у нее действительно был крайне довольный.

- Ваше Величество, как Ваш лорд-канцлер, я обязан предупредить Вас...

- Как наш лорд-канцлер, ты обязан сделать что-нибудь, чтобы королева не потеряла лицо! Хоть одну из них немедленно выдай мне замуж! Или вот что... - в глазах королевы зажегся веселый и злой огонь. Она привстала на троне. Шум в зале стих.

- Мои дары, вы очень разочаровали меня. Очень. Королева делает вам подарок, а вы отказываетесь. Придется вас наказать.

Тишина в зале стала мертвой. Только кто-то, неосторожно пошевелившись, брякнул мечами и тут же замер испуганно. Королева продолжала:

- Даю пять минут. Поскольку эта истеричная дурочка, - кивнула она на Эллу. – никаких желаний вызвать не может, мы ее отпустим. Пока. С одним условием: вторая (кивок в сторону Койи, радужно ей улыбнувшейся) срочно находит себе мужа. Если же она за пять минут не обретет семейного счастья с кем-либо из моих даров, тогда... лорд Дар-Халем, будьте добры, приведите для своей дочки одного из тех бедных итано, которые обивают порог моего дворца с просьбами о лучшей жизни. Там – с черного хода. Можете выбрать почище и посимпатичнее. Детей, правда, у них не будет, зато...

- Папа, пожалуйста! – звонкий голос взвился под своды парадного зала.

- А кто это у нас перебивает свою королеву? – спросила Ее Величество тоном доброй, но строгой бабушки. Такая нотка была сейчас весьма к месту. Отвлекала внимание от лорда Халема, почему-то схватившегося одной рукой за сердце, а другой – за плечо рядом стоящего оруженосца, и от других верховных даров, моментально склонившихся над ним и заслонивших своими орадами от всех присутствующих.

- Простите, Ваше Величество.

Лорд Хару Дар-Умбра, тяжело дыша, выбрался на середину зала. Замер в коленопреклоненной позе.

- Говори.

- Это мой сын, Ваше Величество. Мы просим нас простить.

Не дождавшись ответа, лорд Хару выпрямил свои медведеподобные плечи и, уже глядя в лицо повелительнице Аккалабата, продолжил:

- Клан Дар-Умбра, конечно, не какая-нибудь придворная знать, но мечники в Аккалабате мы не последние. Вот мы с сыном посовещались и решили. Я вдовец. Так что, если леди Койя не возражает и лорд Дар-Халем сочтет меня подходящей парой, то я... это самое...

25 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Что Вы *это самое* – мы уже поняли, – насмешливо оборвала королева. – Время идет. Говорите или сами сходите за итано для леди Койи.

- В общем, я беру ее в жены. Если, конечно, она не против.

Лорд Хару поднялся с колен, встал, упрямо набычившись, бросая по сторонам вызывающие взоры. Через минуту, однако, он убедился, что бросать вызов в сущности некому: все смотрели спокойно и понимающе, а кое-кто даже кивнул одобрительно.

- Вот как, - протянула королева. Она выглядела разочарованной, но игра шла по правилам, возразить было нечего:

– Леди Койя?

Лорд-канцлер вздрогнул. Он понимал, что сейчас сделает леди Койя, знал, что это неотвратно, и боялся этого больше всего на свете. Койя быстро взглянула на сестру – Элла не реагировала, будто ее здесь не было; на отца – его уже подняли и держали с обеих сторон, а он озирался жалобно по сторонам, как потерявшийся ребенок, не знающий, что делать – заплакать или бежать со всех ног искать маму; на лорда Дар-Эсиля... Тихо сказала:

- Зубы с губы убери – у тебя кровь идет.

Нагнулась, подобрала свое платье, повесила на плечо, спустилась по лестнице мягкой, танцующей походкой и замерла... стоя в десятке шагов от Дар-Умбры, словно не решаясь приблизиться.

Королева вновь воодушевилась:

- Похоже, она не хочет. Предпочитает Вам итано, мой лорд. Вернитесь на место.

- Не надо! – снова детский голос, только уже не звонкий – осипший от слез и волнения. – Ко... Койя, пожалуйста! Мы будем тебя любить!

- Я согласна.

Не двигаясь с места сказала, не глядя ни на лорда Хару, ни туда, в глубину зала, откуда донесся срывающийся мальчишеский голос, ни назад – туда, где лорд-канцлер уже не только зубами нижнюю губу – ногтями в кровь разодрал ладони.

- Ну и живите, - жизнерадостно заключает королева. Для нее уже все закончилось. – Халем, забирай свою жалкую дурочку. Сам пристраивай – потом доложишь. Всех прошу в День слияния лун на бал в честь десятой годовщины моего восшествия на престол. Герольды объявят. Будет весело, мои лорды, будет весело.

Благосклонно кивнув головой склонившимся перед ней дарам, властительница Аккалабата покидает зал через проход, скрытый от чужих глаз портьерой и ведущий в ее личные апартаменты. Лорд-канцлера, чересчур заботливо приподнимающего для нее портьеру, она дружелюбно треплет по щеке и заговорщицки шепчет:

- Бал будет великолепный. Вы с Солой должны танцевать.

- Повинуюсь, Ваше Величество.

25 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

В зале с ее уходом воцаряется изрядная суматоха. Лорд Дар-Пассер, недовольно ворча, заворачивает Эллу, которая ничему и никому уже не сопротивляется, в растерзанное платье, похлопывает по плечу лорда Халема, вручает ему дочь, что-то утешительно приговаривая, сопровождает их к выходу.

Лорд Хару подходит вплотную к Койе, проводит рукой по щеке, оглаживает линию плеч, бедер, громко хлопает по ягодице:

- Оденься, бесстыжая!

- Легко сказать, - огрызается Койя. – Ты хоть знаешь, как завязывать эти ленты?

- Откуда?

- Ну и отвяжись. Помощи от тебя...

- Он научится, - тихо произносится сзади.

- Китти! – Койя быстро накручивает на себя платье так, что оно, если придерживать одной рукой, скрывает все самое откровенное. Поворачивается к мальчику:

- Ты меня спас.

Тот смущенно отводит глаза.

- Это не я, это папа. Мы сразу хотели. А потом ты скинула платье, и стало как-то...

- Противно, - заключает лорд Хару.

- Нет! – протестует Китти. – Просто ты стала такая красивая, что мы подумали... мы решили...

- Ты решил, что я не захочу с вами жить? – грустно улыбается Койя. – Что я не захочу стать твоей мамой?

Китти с размаху утыкается головой ей в живот. Ревет он громко и честно, хлюпая носом и сморкаясь в бархатную ткань платья, поэтому не слышит, как над его головой отец говорит Койе:

- То, как ты взяла кинжал, когда резала Элле платье... я не знаю, понравилось мне это или нет.

Койя вскидывает голову, внимательно изучает наклонившееся над ней лицо с грубыми резкими чертами, с мясистым носом и тяжелыми веками. Дар-Умбра. А соображает, как... Хорошо, в общем, соображает. Даже слишком. Уживемся.

- Я потом тебе расскажу, что это значит.

- А я знаю, - просто отвечает Дар-Умбра. – Асгир все помнил. Это всегда бывает, когда двое очень любят друг друга.

- Ну, значит, не надо ничего и рассказывать, - так же просто соглашается Койя. – Это был лорд-канцлер. И навсегда. Примешь?

Лорд Хару показывает подбородком на взрагивающий у Койи на животе мальчишеский затылок.

- Ты еще спрашиваешь? Пошли уже в укромное место, попытаемся одеть тебя так, чтоб добраться до городского дома. Китти, ты мужик или что?

25 мая 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Он встряхивает сына за плечо, скорее нежно, чем грубо, и, обняв Койю за талию, ведет свою семью к выходу.

В арке, соединяющей парадный зал с лестницей, они натываются на Рейвена и Меери. Братья явно на взводе: мечи еще в ножнах, но разговор идет на таких тонах, что до взрыва недолго.

- Ты! Ты во всем виноват! – кричит Рейвен и вдруг упирается взглядом в лорда Хару. – И ты тоже! Какого демона ты всюду таскаешь своего ублюдка? Голых девок ему захотел показать? По-другому он их не увидит? Никто не пойдет за такое убожество!

Меери пытается утихомирить брата, но широкие мечи лорда Хару уже вылетели из ножен.

- Китти, Койя, отойдите к стене.

- Хару, не надо, - Койя отходить к стене явно не собирается. – Я тебе потом объясню. Не обращай внимания.

Что-то есть такое в ее тоне и взгляде, которым она смотрит на лорда Рейвена (сочувствие? жалость? презрение? разочарование?), что лорд Хару отступает назад и вкладывает клинки в ножны.

- Идемте отсюда, - теперь уже Койя подхватывает своих мужчин за талии.

Уходя, она успевае замечать, как Рейвен, судорожно пытаясь закрепить неслушающиеся мечи в перевязи, бросается к Меери, как к душевнобольному, гладит по голове, начинает увещевать, уговаривать... и в то же время крепко прижимает к стене всем телом, чтобы он не мог двинуться.

16 июня 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Глава 6. Лучше сдохнуть в хаяросских подземельях

Койя Дар-Умбра, Элла Дар-Халем

Резные листья хангафагонских чалов напоминают формой женскую ладошку с растопыренными пальчиками. В саду столичной резиденции рода Халемов, хотя она и отделена от Хангафагона всего лишь десятками сантиметров крепостной стены, растут почему-то чалы с завивающимися зубчатыми листьями, завезенные с севера. Леди Койя Дар-Умбра стряхнула песок с широкой скамейки и выкладывает из листьев замысловатый узор. День солнечный, и золотые искры вспыхивают у нее в волосах, в глубине зрачков, перебегают по краю блестящей тесьмы широкого платья.

Если Койя словно притягивает к себе солнце, то сестра, сидящая рядом с ней, вся в тени, вся словно из тени. Леди Элла следит задумчиво за руками сестры, иногда поправляет то один листок, то другой. Говорит отстраненно:

- Койя, все просто. Один удар кинжалом.

- Элла, не смей.

- Койя, вспомни, как они смотрели на нас. Им было противно. Мы были им отвратительны.

- Тебе-то что? – легкомысленно отвечает Койя. – Замуж хочется? Это, дорогая моя, не только удовольствия, но и обязанности.

- Койя, я прошу тебя...

«Элджи сказал бы: Ко, заткнись!» - недовольно думает Койя. Сердиться на сестру глупо, но неузнаваемость спокойного, чуть меланхоличного Элджи в этой ипоходричке раздражает. Бесит.

- Ой, леееди! – слышится сверху глумливый голос. Рейвен Дар-Кауда, даже не потрудившись сложить крылья и обдавая молодых женщин песком и опавшими листьями, пикирует на дорожку. За сим следует куртуазный поклон, мало вяжущийся с нахальным блеском в глазах посетителя.

- Леди Элла. Леди Койя.

- Лорд Рейвен, - приседает в реверансе леди Элла.

- Привет, придурок, - машет рукой леди Койя, не потрудившись привстать со скамейки. – Тебя еще не убил наш брат Хетти?

- Я очень похож на мертвого? – в тон огрызается Рейвен.

- Нет, - со знанием дела отвечает Койя. – Но на придурка очень похож, - с неискренним сожалением добавляет она.

- Докажи, - Рейвен пристраивается за спиной у вновь опустившейся на скамейку Эллы. Та слушает разговор, будто выполняет тяжкую обязанность.

- Не требует доказательств. То, что ты собираешься сделать сейчас, уже само по себе... свидетельствует... однозначно тебя характеризует... на лбу у тебя написано... - бормочет Койя, быстро удаляясь по узкой дорожке к дому. Элла, спохватившись, тоже встает.

- Лорд Рейвен, простите. Мы не должны с Вами разговаривать наедине.

16 июня 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Почему он молчит? У него всегда был наготове ответ. Это Элджи, «неженка Элджи», «белая крыска», никогда не знал что сказать. И Элла Дар-Халем тоже не знает. Ничего, кроме:

- Лорд Рейвен, Вы меня слышите?

Только тяжелое дыхание за спиной. И сквозь него – хрипло:

- Что же ты не уходишь?

Она поднимает руки к лицу, словно хочет защититься, прижимает к глазам запястья, кусает дорогое кружево, скрипит по нему зубами, сдерживая слезы. Гладкие, прочные кружева из дариата Фалько. Их носят только первые леди Аккалабата.

- Лорд Рейвен, зачем Вы пришли?!!

Этот отчаянный выкрик действует на него как удар хлыста. Он весь подбирается, хватая ее за плечи, поворачивает к себе, говорит очень серьезно:

- Леди Элла, я пришел поинтересоваться, пойдешь ли ты за меня. Прости, что я не сделал этого раньше.

Сжатая пружина распрямляется. Дальше диалог катится по наезженной колее.

Она:

- Лучше сдохнуть в хаяросских подземельях.

Он:

- Ну и дура.

Она:

- Иди к Чахи.

Он:

- Ути-пути, какие мы гордые. Вот поэтому нас никто и не берет в жены. Только гнусный, пошлый, похотливый, зато богатый до отвращения лорд Рейвен. Последний раз спрашиваю: пойдешь за меня, дурочка ненормальная?

Она:

- Не обзывайся.

Он:

- Не буду. Пойдешь за меня? Пожалуйста. Не пожалеешь.

Она:

- Пойду. Ты же знаешь, что да.

И громко всхлипывает у него в объятиях. А он, запуская всю пятерню ей в волосы (пошлomu, похотливому лорду Рейвену все равно, если кто-то увидит), шепчет удушливо:

- Знаю? Да я и помыслить... Я и надеяться... Святая Лулулла!

20 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Сола Дар-Эсил, любимая фрейлина королевы

- Хетти? Что ты здесь делаешь?

Это действительно неожиданность. С *того самого дня* Хетти сторонится старшей сестры. А теперь вот он здесь, в саду лордканцлерской резиденции, и прячет за спиной... букет золотых и розовых циконий? В это время года?

- Ааа, Сола, здравствуй, - парень отводит глаза, словно навестить старшую сестру – это что-то порочное, чего надо стыдиться. – Вот. Я, вроде, пролетал мимо.

Поняв, что циконии за спиной не спрячешь, вытягивает вперед руку. В глаза по-прежнему не смотрит.

- Пролетал мимо с роскошным букетом циконий? И решил меня навестить? Спасибо, Хетти, очень мило с твоей стороны, - Сола делает попытку вынуть букет из застывшей в воздухе руки Хетти, но пальцы его вцепились в мясистые темно-зеленые стебли, будто влитые. – Спасибо, Хетти.

Да что же он так держится за этот букет, словно отними – и у него подкосятся ноги? Сола перестает выдирать цветы из судорожно сжатой ладони брата, отступает назад, делает приглашающий жест:

- Ты войдешь?

Хетти подпрыгивает на полметра, будто его укусила болотная жаба.

- Нет! Что ты! – на лице его изображается ужас. – Мне же нельзя!

- Тебе? – Сола в недоумении. – Моему брату запрещается навестить меня в этом склепе? И кто же посмел?

- Кто же что? – Хетти отступает еще на шаг к садовой ограде.

- Кто, интересно, может запретить первой, после королевы, леди Аккалбата видеться с братьями... то есть с братом? – поспешно поправляется Сола.

Хетти еще ниже опускает голову, бормочет что-то уже совсем несусветное. Сола не слушает. Еще чего не хватало! Если уж она жена этого мерзостного лорд-канцлера, то будьте добры – она желает пользоваться всеми правами и привилегиями своего положения! Пусть даже и не спит с Дар-Эсилем в одной кровати.

- Вот что, - она берет Хетти за руку и тащит вперед. – Если уж ты в кои-то веки решил навестить меня, то давай сделаем это по-человечески. Я приглашаю тебя на ужин. И не вздумай отказываться.

- Сола! – в голосе Хетти призыв к милосердию. – Ради прекрасной Лулуллы! Мне нельзя у вас ужинать!

Она останавливается и оборачивается так резко, что не будь Хетти даром Халема, он врезался бы ей головой в плечо.

- Ты не понимаешь, Хетти? Или прикидываешься бестолковым? Это мой дом, и я вправе пригласить на ужин кого мне вздумается. Тем более своего пустоголового брата. Топай в

20 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

столовую и брось упираться. У нас сегодня суп из морской рыбы и тушеная оленина. Пальчики оближешь!

Хетти стоит близко-близко, и Сола вдыхает знакомый запах пота и конской упряжи, оружейной смазки и нагретых летним солнцем густых волос – запах Ко, Элджи, Хетти. Она всегда была самой высокой в семье и всегда была для них старшей: сопливые носы, утыкающиеся ей чуть пониже ключицы, выводили из себя, но сейчас... полжизни отдала бы первая леди Аккалабата за сбивчивое «... Я тебе расскажу, только тебе, ладно? А папе ни-ни! Ты обещаешь? Ты обещаешь? Пообещай!» и напряженные пальцы, вцепляющиеся ей в ладонь, требующие выслушать, пообещать, не рассказывать.

- Сола!

Насколько же больше у него мозолей на пальцах, чем у утонченного дара Эсиля! Заскорузлые подушечки царапают нежную кожу ладоней, но шепот такой же, как в детстве:

- Сола! Ты только обещай никому не рассказывать!

- Разумеется, милый.

Но в этот момент за спиной раздаются шаги – ненавистные, упругие, легкие. Лорд-канцлер Аккалабата собственной персоной. Решил ужинать дома, Чахи заведи его черную душу!

- Наследный лорд Дар-Халем!

Хетти мгновенно отлипает от Сола, тарашится полсекунды, как слепой крот, на хозяина дома, извиняющаяся пятится назад. Лорд Дар-Эсиль безжалостно продолжает:

- Как вижу, Вам, наследник рода Халемов, непонятна была моя просьба – весьма настоятельная, надо сказать – обходить этот дом, и чем дальше, тем лучше? Иначе как объяснить Ваше появление здесь, надеюсь, что кратковременное?

- Я... я... - Хетти сам на себя на похож, в темных радужках у него полная кутерьма, а букет циконий он, кажется, готов проглотить на месте.

- Он прилетел меня навестить. И я не вижу ни единой причины, по которой это может быть запрещено, не так ли, лорд-канцлер? – из голоса Сола можно было бы выковать десяток кинжалов. – Ее Величество будет крайне недовольна, найдя меня завтра в расстроенных чувствах, и, конечно, будет искать виновника.

- Моя госпожа, - лорд-канцлер склоняется в изысканном поклоне. – Есть причины, по которым присутствие Вашего брата в этом доме нежелательно...

- Не желаю ничего слышать. Хетти прилетел в гости, и он ужинает у нас. Должны же у меня быть хоть какие-нибудь развлечения, - Сола ультимативно обнимает брата за плечи и подталкивает к дому. – Если Вы против, можете принимать пищу где-нибудь в другом месте.

- Сола! – умоляюще шепчет Хетти. – Я лучше пойду. Не стоит из-за меня ссориться.

- Не из-за тебя. Просто так... Мы всегда ссоримся, - Сола пропихивает его в полуоткрытые двери и визжит как резаная на всю резиденцию:

20 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Я пришла! Немедленно подавать ужин! Муж мой, проводите меня в столовую! И велите, чтобы на стол поставили эти прекрасные цветы! Их мне принес мой брат! Слышите? Брат!

Лорд-канцлер, покачивая головой, затворяет дверные створки, подает жене руку. Так троица и прибывает в обеденный зал: на полшага впереди леди Сола, на одной руке у которой висит полностью утративший волю к жизни Хетти, другую руку церемонно обвил своею лорд-канцлер. Выражение лица у последнего едкое – с таким он обыкновенно казнит мятежников из Кимназа.

- Вот, - Сола отцепляет от себя мужа и обводит роскошно накрытый стол победным жестом. – Смотри, Хетти, нас ждет роскошное пиршество!

- Угу, - без энтузиазма соглашается тот, хотя в столовой даров Эсиля есть на что посмотреть. Блещущая белизной скатерть, сверкающие приборы, изысканно украшенные кушанья расставлены продуманно и изящно. Сами Халемы, особенно с тех пор, как их осталось двое, завтракают, обедают и ужинают на непокрытом дубовом столе, из походной посуды. Едят для того, чтобы жить. Бытовые удобства их мало интересуют.

- Куда мне сесть? – грубовато спрашивает Хетти, чтобы нарушить воцарившееся молчание.

- Вот сюда, родной, по мою правую руку, - распоряжается леди Сола. Она уже вошла в роль радушной хозяйки, принимающей своего брата. Но не успевает Хетти опуститься на указанное ему кресло, воздух над ухом у него взрывается от истошного крика:

- Мальчишка! Дар-Эсиль, где твой поганый мальчишка?!!

Лорд-канцлер смотрит на беснующуюся жену невозмутимо, не моргнув бровью.

- Я спрашиваю, где Сид? Ему, что, не писаны правила? Или требуется отдельное приглашение? Или я ошибаюсь и в доме лорд-канцлера Аккалабата, когда в столовую вводят гостей, в ней не должны уже находиться все члены семьи?!! Или мой брат не считается таким гостем, ради которого соблюдаются правила этикета? – продолжает наяривать Сола.

- Лорд Хетти, - поклон лорд-канцлера как с картинки в учебнике придворных манер. – Вы предпочитаете слушать эти завывания дальше или позвольте мне заткнуть Вашу сестру единственным известным мне способом?

- Папа, не надо! Я уже здесь!

Сид с трудом переводит дыхание, держась рукой за край уставленного столовым серебром комода. На Хетти он старается не смотреть.

Сола успокаивается мгновенно: то ли от его появления, то ли осознав смысл угрозы, прозвучавшей в голосе мужа.

- Сядь, - тычет она рукой на противоположный конец стола. – У нас сегодня ужинает мой брат Хетти. Не забудь поздороваться.

- Лорд Хетти! – Сид склоняется чуть ниже, чем это требуют правила этикета, но лорд-канцлер делает вид, что не заметил – полностью сосредотачивается на разворачивании салфетки.

Хетти подскакивает над креслом:

- Лорд Сид!

20 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Видно, что он хочет что-то прибавить, но в это время в зал вносят самоцветную вазу умбреной работы, наполненную цикониями, принесенными Хетти. Сид ахает от восторга.

- Нравится? – самодовольно спрашивает Сола. – То-то же. Мой брат это умеет. Не то, что вы, Дар-Эсили. Тупая роскошь без малейшего вкуса.

Лорд-канцлер Дар-Эсили

Обвинение было настолько абсурдно, что в другой момент лорд-канцлер рассмеялся бы. Аристократический вкус Дар-Халемов! Рассказать верховному лорду Дар-Фалько, так с ним случится удар от смеха и старика увезут на кладбище! Хотя, надо признать, в случае с данным букетом малыш Хетти превзошел самого себя. И золотые циконии великолепны: такие растут только...

Чахи меня побери! Если королева заметит исчезновение цветов со своей клумбы, головы полетят направо и налево! Надеюсь, что он, правда, нарвал их для Сола.

Обед протекал в молчании, изредка прерываемом вопросами леди Сола. Как отец? Ожеребилась ли гнедая – та, бывшая, леди Эллы? Закончили ли ремонт западной стены замка? Хетти отвечал односложно, зато ел за двоих, не забывая отпускать повару положенные комплименты. Казалось, наваристый рыбный суп и рагу из оленины занимали его целиком. Сид, напротив, вяло ковырялся в тарелке. К десерту леди Сола уже исчерпала все свои вопросы и отказалась от попыток внести хоть какое-то оживление в процесс принятия пищи. Лорд-канцлер наблюдал за ней, не скрывая своего удовольствия. За все дни, что наперсница королевы провела в его доме, она ни разу не проявила никаких добрых чувств ни к нему самому, ни к челяди, ни к последней кляче в его конюшне. Не говоря уже о Сиде, который так наивно сделал шаг ей навстречу и наткнулся на железную стену.

Конечно, она знала, она не могла не знать, какое место в его жизни занимает Койя и куда он улетает при каждом удобном случае и возвращается настолько примиренным с жизнью, что может смотреть без отвращения на нее – Солу, свою нелюбимую жену, свою самую ненавистную жертву. Но вины перед ней лорд-канцлер не ощущал. Они были квиты. Поэтому сейчас он не мог сдержать тонкой усмешки, когда она пыталась радушно принять своего братца. Ту еще сволочь.

Только одна мысль не давала лорду Дар-Эсили покоя. Неужели мальчишка прилетел действительно к ней? Успокаивали цветы. Сид бы не принял. Тем более сейчас, когда все разъяснено и запрещено. Хороший мальчик. Послушный сын.

- Сид, ты закончил?

Младший Дар-Эсиль вскинулся, посмотрел на отца исподлобья, аккуратно сложил вилку с ножом на тарелку.

- Да, папа.

- Можешь идти. Леди Сола хочет пообщаться со своим братом. Не стоит им мешать.

- Хорошо, папа.

20 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Да пусть остается, - небрежно махнула рукой леди Сола. – Ему полезно хоть иногда посмотреть на настоящих благородных даров. А то трется обо всякую придворную шваль.

- Смею заметить, моя госпожа, - лорд-канцлер завелся с пол-оборота. – В семье Халемов совсем недавно тоже была придворная шваль, а не только бравые мечники. Бравые мечники, правда, преобладали. Придворная шваль присутствовала в единственном числе. И ей это нравилось. Мне даже казалось, что своих размахивающих мечами братишек эта ш..валь считала малость слабоумными.

Как давно он мечтал ей это сказать! Его, самой судьбою поставленного блюстителем традиций и обычаев Аккалабата, до глубины души возмущала даже не сама связь Соля Дар-Халема с королевой, а та самоуверенность и снисходительная насмешливость в обращении с окружающими, которая появилась в молодом даре Халема как результат этой связи. Этот слегка отстраненный взгляд свысока предназначался лордом Солем не только для царедворцев типа самого лорд-канцлера, тщетно протиравших, по мнению королевского фаворита, орады перед тронном Ее Величества, когда все было так просто, так легко... Обласканный вниманием властительницы Аккалабата, Соль и своих братьев поставил на низшую ступень табели о рангах: балбесы, ничего не видящие дальше «в стойку – удар – сбив – поворот в воздухе...» Он продолжал снисходительно любить и Элджи, и Ко, и Хетти, но больше уже жалел их как безнадежных и не понимающих всей мудрости жизни. Они не замечали: Соль оставался всегда для них старшим братом – надежным и верным.

Заметил лорд-канцлер. Заметил и не смог простить. Чтобы ни происходило между ним и верховным даром Халема, но воспитанное веками уважение к фехтовальному мастерству, преданности и прямоте лучших мечников Аккалабата заставляло кровь бросаться к его щекам каждый раз, когда лорд Дар-Эсиль видел (а он видел все!) холодное пренебрежение в глазах Соля, к которому прибежал радостно докладывать об очередном выигранном турнире Хетти, выплеснул на старшего брата свою важную новость, дождался сдержанного одобрения и только что повернулся к нему спиной... Когда лорд Дар-Эсиль слышал (а он слышал все!) нотку усталого презрения в голосе Соля, которого пытались наперебой растормошить Элджи и Ко, задумавшие вместе с молодняком Дар-Умбра очередную зловредную шалость «дрожи, Хаярос!», настоятельно требовавшую санкции старшего брата...

Даже глупая блажь, неизвестно как заползшая в голову Сиды и Хетти, не могла помешать лорд-канцлеру уважать и ценить Дар-Халемов. И сейчас, зная, что того Соля, которому он так хотел отомстить, уже нет, лорд Дар-Эсиль довольно откинулся на спинку кресла, наблюдая, как искривились, угрожая отчаянным плачем, губы жены. Ложечка от мороженого упала ей на колени. Леди Сола не заметила. Она, казалось, хотела ответить что-то резкое, но не смогла.

- Это неправда.

Иногда лорд-канцлеру даже удивительно было, что Хетти вырос в семье Дар-Халемов, а не в его собственном родовом гнездышке. Наверное, обе луны должны упасть на Хаярос, чтобы младший

20 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Дар-Халем повысил голос. Других интонаций, кроме спокойной и очень спокойной, у него просто не было.

- Это неправда. Соль никогда не был... таким, как Вы сказали. Он просто любил ее.

- Ее? – лорд-канцлер был сама ирония. Теперь мальчишка в западне. Он же не осмелится произнести это слово вслух.

- Ну да, королеву, - невозмутимо пояснил Хетти. – Ему безразличны были придворные почести. Он никогда ничего не требовал. А мечом... не всем же мечом махать.

- И давно ты об этом знаешь? – это уже были не шутки. Глаза лорд-канцлера сузились угрожающе. Сид, который маялся все это время между столом и дверью, сместился поближе к столу.

- Недавно. Мне Койя сказала. И Вы же все равно сделали все по-своему.

- По-своему?

- Да. Трансформировали его. Хотя могли бы меня. Но решили, что, раз я лучший мечник, то лучше меня оставить. Вы не сказали Ее Величеству. Это правильно, это я понимаю. Государственные интересы. Но она разгневалась и велела Вам жениться на Соле.

Излагая все это, Хетти ухитрился параллельно залезть ложкой в миску с мороженым и бросить себе добавки. Помахал миской под носом у Соле: мол, будешь? Она отрицательно качнула головой. Хетти пожал плечами, установил миску обратно на стол, засунул за щеку здоровый кусок мороженого, почмокал.

- Вкусное. Так вот. Сола здесь не при чем. Она тоже жертва. Как Вы. Или Койя. Не надо к ней придирается. И выдумывать всякие ужасы про то, что она нас не любила. Будете делать ее несчастной – я Вас убью.

Он на секунду задумался. Лицо его вытянулось и стало совсем мальчишечьим.

- Ох! Нет. Я не могу Вас убить. Как же Койя? И Сид. Ну, в общем, от Соле Вам надо отстать. И она тоже будет вести себя прилично. А то она как мегера – так Койя сказала. Кидается на всех, вредничает. Ты не будешь кидаться, Сола? Эй, Соооола?

Сола рыдала, размазывая по щекам слезы вместе с мороженым. Сид топтался на месте уже совсем отчаянно.

- Пааап, пааапа... - тихо прошелестел он. – Пойдем, а? Пусть они тут поговорят. Одни. Правда, идем, а?

Лорд-канцлер усмехнулся. Дело приняло неожиданный оборот. Не то, чтобы он не любил неожиданности. Он их обожал. Хорошо предусмотренные и подготовленные неожиданности. Не такие, как сейчас. Он поднялся:

- Пошли, Сид. Пусть разговаривают. Только знаешь, что, Хетти? Наивность, свойственную Дар-Халемам, тебе придется оставить в детской. Если ты, конечно, намерен стать верховным маршалом Аккалабата. Ненависть, как и любовь, это два чувства, неподвластные холодной воле рассудка. А так сложилось, что из трех твоих сестер одну я люблю - больше жизни, представь, люблю, вторую – так же сильно ненавижу. И жить с этим не только мне, но и тебе, малыш. А

20 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

циконии, правда, великолепные. Я не буду рассказывать королеве, кто их стащил с ее клумбы, но ты обязуешься доставить такой же букет ко дню рождения леди Койи. Это приказ, наследный лорд Дар-Халем.

Развернув за плечи оторопевшего Сида, лорд-канцлер Аккалабата покинул поле боя. Он предпочитал думать об этом бое как о выигранном.

Хетти Дар-Халем, Сола Дар-Эсиль

- В эти салфетки можно сморкаться? – Хетти примостился на подлокотнике сестринского кресла и тычет Соле в нос кусок белой материи с монограммами Дар-Эсильей.

- Можно, но нежелательно, - сварливо говорит Сола, однако салфетку все же берет и проводит ей по лицу, испытывая садистское наслаждение. Будь ее воля, она бы высморкалась во все монограммы Эсильей в этом замке.

- Ты зачем его злишь? – рассудительно интересуется Хетти. – Живи уже.

- Ты, правда, сорвал циконии на королевской клумбе?

Хетти делает преувеличенно покаянную мордочку.

- Правда.

- А смысл? Я и так могу видеть их каждый день. Просто хотел нагадить Ее Величеству? Поздравляю, тебе это удалось. Завтра начнется разбирательство, которое может вылиться, между прочим, в пару-тройку показательных казней. Ты об этом подумал?

Хетти покаянно трясет головой.

- Нет. Я... Сола, они не тебе.

И становится таким же, как два часа назад в саду – непохожим на себя Хетти. На щеках – бордовый румянец, хваленое спокойствие куда-то подевалось, рука, обнимающая Солу за плечи, непроизвольно сжимается.

- Ооо! – разочарованно тянет Сола. – Ты решил покорить сердце лорд-канцлера? Поздно, дорогой, оно уже занято твоей средней сестрицей, плетущей кружева и интриги на холодных скалах Умбрена. Оставь мою домашнюю гниду леди Койе. Ей же нечем больше заняться в той жалкой лачуге, которую ее муж называет замком.

- Нормальный замок. И защищен, между прочим, лучше, чем многие. Я бы не пробовал взять его иначе, как с воздуха. И только если... - Хетти, опомнившись, замолкает.

- Только если что? – подначивает Сола.

- Я не заметил там никаких погрешностей в обороне, - твердо отвечает будущий главнокомандующий Аккалабата. – Идеальная защита. Лучше и не соваться.

При этом он прямо смотрит сестре в глаза. «Да, пожалуй, лорд Дар-Эсиль недооценивает Хетти, - отстраненно думает Сола. – Детской наивностью здесь и не пахнет. Он же точно знает, где слабые места у умбренской твердыни, но не проговорится даже под пыткой. И если ненависть моей бывшей любовницы к моей сестре перехлестнёт через край и мы действительно, - она внутренне

20 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

содрогается от этого слова, – пошлём войска в Умбрен, то они разобьются об эти скалы, как волна Эль-Эсила о каменный берег. Тем более, если Хетти примкнет к защитникам замка. А он это сделает...» О том, что армию, брошенную на уничтожение гнезда мятежа и разврата в Умбренских горах (иначе Ее Величество не величает замок Хару Дар-Умбра), придется вести верховному дару Халема, Сола предпочитает не думать. Она и так доходит до полного изнеможения, пытаясь отвлечь внимание королевы от непокорной Койи.

- ... И я решил, что от одного букета не будет вреда. Ну что он ходит, как в воду опущенный? Просто хотел порадовать: положить цветы на окно и смыться. Он бы понял, от кого они. А вот как все получилось.

- Хетти, ты про кого?

- Ты не слушала меня, Сола, - обескуражено констатирует Хетти. Он сползает с кресельной ручки, одергивает орад:

- Мне пора.

- Хетти, - Сола приподнимает руку с колен, словно желая задержать брата, но вместо этого снова роняет ее обратно. На светлой ткани домашнего платья пятно от мороженого, Сола легонько трогает его пальцем, чтобы определить, можно ли отстирать. Это платье ей нравится, очень нравится.

– Кто ходит как в воду опущенный? Кого ты хотел порадовать?

- Ну... Сида. Я же тебе объясняю. А ты не слушаешь... - Хетти старательно прячет разочарование, но по тому, как нерешительно он то запускает пальцы в застёжки орада, то делает шаг по направлению к двери, Сола чувствует, что отпускать брата *так* она не имеет права. Хотя от одного упоминания пасынка ее тошнит... Бесцветная, жалкая, не заслуживающая и плевка Хетти в ее сторону болотная жаба. Даже не жаба, а жабка! Жабеныш. Слизняк.

- Хетти, он, что, тебе нравится?

Хетти с энтузиазмом кивает. В темных глазах, где суматошно пляшут отблески от десятков свечей, озаряющих парадную залу дома Эсилей, обожание и надежда.

- Поверить не могу! Что в нем хорошего?

- Он замечательный, Сола! Он лучше всех!

«Видно, сегодня мне судьба повидать столько разных Хетти, сколько ни я, ни отец, ни братья не видели за все прежние годы! - с раздражением думает Сола. – Сначала он бекал и мекал в саду, теперь пышет гордостью за свой выбор, на редкость идиотский. Только и был тогда самим собой, когда ставил на место зарвавшегося лорд-канцлера». Она вспоминает, как мялся меж двух огней бесцветный жабёныш, и выразительно морщится:

- Хетти, он ни-ка-кой! Абсолютно. Поверь мне – я живу с ним в одном доме.

- Ты совсем его не знаешь.

Зато я знаю вот этого Хетти. Снова присевшего в кресло, твердо вознамерившегося мне все объяснить. *Сейчас я тебе все объясню* – от этой Хеттиной фразы бежал даже рассудительный

20 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Элджи. Ко, так тот и вовсе затыкал уши руками или даже падал на спину в траву или на солому в тренировочном зале и начинал шутливо отбрыкиваться: «Не на-до мне ни-че-го объ-ясн-ять! У меня еще тысяча дел до старости!»

Хетти между тем вынул из ножен кинжал, срезал оплавленный воск с ближайшей свечи и мнет его в пальцах.

- Он замечательный, - твердо повторяет он. – Он всегда меня слушает. До конца. Он отлично ездит на лошади. Даже лучше, чем я. Но никогда надо мной не смеется. Знаешь, сколько я раз летал вперед головой через бурелом, пытаюсь его догнать? Жутко нелепое зрелище. И лошади его любят. А меня недавно укусила та в яблоках, которую подарили Пассеры, помнишь?

- Было бы странно, если б она тебя *не* укусила, - Сола недовольно потирает лоб. Гнедая в яблоках норовом не уступала главе пассерского клана. Копытами она шарашила щедро и во все стороны. Сола вообще без запущенного внутреннего времени не заходила в конюшню с момента появления там этой зверюги. Хетти, очевидно, такими мелочами пренебрегал.

- А вот Сид умеет с ней договариваться. Потчует ее сахаром и целует в морду. Ей нравится, - Хетти явно гордится приятелем. Приятелем?

- А тебя он тоже целует в морду? – желчно спрашивает Сола. От того, как Хетти опускает глаза, ей хочется швырнуть в него канделябром. Она знает, что не попадет: куда ей, леди Дар-Эсиль, против будущего маршала Аккалабата – но очень хочется.

- Ну, мы попробовали всего раз-другой, - серьезно отвечает Хетти. Он скатал из воска, обрезанного со свечей, огромный комок и лепит что-то напоминающее лошадку. Сола вдруг вспоминает, что Хетти на ярмарках всегда тянуло к лоткам, где умельцы-итано выставляли глиняные фигурки и разного рода лепные украшения для каминов. Он даже в детстве пытался намешать глины в оружейном сарае, но отец его здорово выдрал... Будущему маршалу Аккалабата полагалось махать мечом и изучать стратегию, а не заниматься народными промыслами. Взгляд Солы дрейфует по направлению к каминной полке. Вот она бы сейчас взмахнула мечом, с бооооольшим удовольствием бы взмахнула, чтобы смести с этой полки... гадость какая! Лошадки, женские статуэтки с гордо запрокинутыми головками и тонко вылепленными веерами, кораблик с глиняным парусом, раздувшимся так, что, кажется, в него бьется шквальным морским ветер, и миниатюрная копия эсильского замка – единственное, что во всей этой выставке вызывало у Сола добрые чувства (уж больно ловко и точно было сделано!), и она любила вертеть в руках это крошечное сооружение, наслаждаясь аккуратностью передачи фактуры стен и расположения окон. Она не спрашивала у мужа, откуда это взялось, но он как-то сам, увидев ее интерес к миниатюрному замку, сообщил: «Это Сид покупает. Нравятся ему безделушечки...», чем еще больше утвердил Солу во мнении о никчемности пасынка.

Значит, не покупает... «Заложить Хетти отцу – и от будущего маршала Аккалабата останется мокрое место», - злорадно думает Сола. Хетти тем временем, проследив направление ее взгляда и, очевидно, мыслей, просит:

20 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Отцу не рассказывай, ладно? Нам нравится, что я могу это делать.

Сола вопросительно приподнимает бровь. Ясность последней фразы оставляет желать лучшего.

Хетти, вероятно, сам чувствует это и поясняет:

- Нам с Сидом нравится, что я умею что-то, кроме как быть будущим главнокомандующим Аккалабата.

- А зачем тебе еще что-то уметь?

- Соооола... Слушай, ты никогда не задумывалась, как это ужасно? Однозначная причинная связь. Внутреннее время, мышечная память и прочие уникальные способности Дар-Халемов из поколения в поколение делают одного из них лучшим мечником и главнокомандующим Аккалабата. От тебя ничего не требуется, кроме того, чтобы родиться в нашей семье и – ап! – выиграть все турниры и получить в нужное время из рук королевы маршалский жезл. Когда-то давно этот пост еще могли занимать Дар-Эсили или Дар-Акила, но теперь... Сплошная череда Дар-Халемов, сменяющих друг друга во главе армии Ее Величества. И ни один не отличается от другого. Маршал Хьелль Дар-Халем, маршал Соль Дар-Халем, маршал Хьелль Дар-Халем, маршал Хет Дар-Халем, опять маршал Хьелль Дар-Халем... Посмотри хотя бы на Дар-Кауда: прадед Рейвена и Меери чуть не примкнул к кимназским мятежникам, дед стал основателем аккалабатского флота и сгинул неизвестно где, отплыв в очередной раз неизвестно куда и зачем, отец их...

Сола смотрит как замороженная. Кто бы мог подумать, что Хетти тоскует по индивидуальности! Что ему, уже по рождению своему отличающемуся ото всех, поставленному над всеми, хочется, чтобы в нем увидели не просто еще одного безукоризненно владеющего мечом Дар-Халема, а просто Хетти, который умеет лепить из глины и воска чудные замки и хуже, чем Сид Дар-Эсиль, ездит на лошади.

- И поэтому ты выбрал Сида?

- Я не знаю, почему я его выбрал. Может быть, это он выбрал меня, - запальчиво говорит Хетти. Восковой скакун с развевающейся гривой и грациозно поднятой передней ногой уже почти закончен, и Сола твердо намерена оставить его себе. Не все же жабён... ладно, Сиду!

- А лорд-канцлер, естественно, против, - ядовито замечает она. Еще один черный штрих к портрету ее мучителя.

- Ну, а как он может быть за? – Хетти обретает прежнюю рассудительность. Придвигает лошадку по столу к Соле. – После вашей-то трансформации. Я – единственный Дар-Халем, Сид – единственный Дар-Эсиль. Никто не может идти под дуэм.

- Я вижу, что ты переносишь это не особенно тяжело.

Хетти поднимает голову, и в грудь Соле вонзается такая же тупая игла, как тогда, утром, в халемском замке, когда она встала и впервые посмотрела на себя, новую, в зеркало. Стоя на четвереньках, не в силах даже волос от лица отвести, вся мокрая от пота – своего и чужого, от крови, запекшейся вместе с ошметками перьев. Она тогда ударилась головой о стекло и закричала.

20 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Потому что испугалась не своего внешнего вида, а той пустоты, той бессильной усталости, которую увидела у себя в глазах. Которую она сейчас видела в глазах Хетти, беззаботным тоном *всё объясняющего*, почему он легко переносит невозможность быть вместе с Сидом.

- ... И мы останемся лучшими друзьями. И будем охотиться вместе. И пить эгребское. А потом королева выделит нам прекрасных деле королевской крови. А когда-нибудь Сид, да продлит святая Лулулла дни его отца, станет лорд-канцлером, а я, да продлит святая Лулулла дни отца нашего, буду главнокомандующим Аккалабата. И он станет отдавать мне приказы, и я...

- Хетти, если ты не заткнешься сейчас, я завою.

Сола сама не заметила, как восковая лошадка превратилась в ее руке в бесформенную массу. Она растирает ее между пальцами, пытается отлепить – словно очиститься от чего-то грязного, скверного, в чем провела она эти дни, как злобная паучиха, затворившись в замке Эсилей. Как злобная, эгоистичная паучиха...

- Нет!

Хетти тарашится во все глаза. Он уже привык к тому, что сестры ведут себя совсем не так, как вели бы себя его братья в такой ситуации. Но что-то Сола совсем уже... непредсказуемая. Он снова поднимается с кресла.

- Позови этого своего. Жаб... Сиды.

Командному голосу Сола невозможно не повиноваться. Тем более, что она старшая сестра и прекрасная деле. Хетти даже забывает свой страх перед лорд-канцлером и бегом вылетает за дверь. Спустя пять минут, в течение которых Сола сидит, некрасиво насупившись, и крошит оставшийся в ладони воск в пустую тарелку, в столовой появляются Хетти и Сид. Выражение лиц у обоих растерянное, и они стараются незаметно держаться за руки.

- Я бы хотела услышать условия дуэма, - с королевской величием оповещает Сола.

- К-к-какого дуэма?

Она даже не поняла, кто из двоих спросил или они выдохнули это хором.

- Вашего, разумеется. Ну? Кто карун, а кто дойе? Если я услышу, что вы еще не определились, я вас четвертую.

Никого четвертовать она, естественно, не намерена, и вопрос кажется совершенно излишним. Достаточно посмотреть, как Сид, приоткрыв от напряжения губы, прижимается к Хетти, а тот покровительственно поглаживает ему верхушки крыльев, стараясь защитить и успокоить. И эти циконии. Но все-таки Сола не зря столько лет провела в будуаре у королевы. Она не может отказать себе в удовольствии: пусть сами скажут.

- ННуу... эээ... стало быть... - глубокомысленно мычит Хетти.

- Под дуэм иду я. Как дойе.

Впервые за тысячу лет кто-то из Дар-Эсилей высказался напрямую. Сола восторженно взвизгивает:

- Какая прелесть! И кто же, скажи на милость, тебе позволит?

20 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Сид, сам оторопев от своей смелости, прячется за спину Хетти.

Сола шипит угрожающе:

- Ах ты, змееныш! Без лорд-канцлера Империю оставить хочешь? Что же твой папочка, верховный и предусмотрительный лорд Дар-Эсиль, не наплодил побольше себе подобных? Молчишь?

- Сола, сейчас я тебя зарежу, - спокойно предупреждает Хетти. – Зачем ты нас позвала? Чтобы поиздеваться? Или?

- Или, - кажется, что настроение Сола меняется каждые пять секунд. Только что она пребывала в каком-то истеричном возбуждении, а сейчас сидит, выпрямившись в кресле, холодная и непреклонная, как сама королева. – Катитесь.

- Куда? – все-таки перед тобой будущий маршал Аккалабата, сестрица. И отступить без боя он не намерен.

- Ты – к себе домой. Не попадаясь больше на глаза моему мужу. Можешь поцеловать своего будущего дойе на прощание. А ты, – палец с остро наточенным ногтем указывает на Сиду. - После того как мой брат тебя поцелует, притащишь мне сюда своего папашу. И побыстрее, а то я передумаю.

Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата

В центре переносицы у нее выступает широкая косточка. Такая же, как у отца. И родинка над верхней губой, в самом уголке рта. Косточка делает Солу похожей на рыбу, холодную толстолобую рыбу с мятыми плавниками, которой так хвалится повар Дар-Эсиль, когда ему удастся достать ее для званого ужина. Это редкая рыба. Она попадает в сети прибрежных итано не каждый день. Родинка в уголке рта – как у рыси. Белой рыси умбрениских гор – главного объекта охоты в дариатах семейства Умбра. Роскошные упругие усы растут у белой рыси из темных припухлостей, расположенных по обе стороны пасти. Леди Сола одновременно похожа на рысь и на рыбу. Это отвратительно. От ненависти сводит челюсти, и лорд-канцлер натужно зевает.

- Так и будем молчать?

Сид, глядя на него безумным и умоляющим взглядом, притащил его в эту комнату «для важного разговора». Двадцатиминутное молчание начинает действовать на нервы.

- Миледи, либо Вы скажете мне, зачем пожелали меня видеть, либо – прошу извинить – я пойду ко сну. У меня завтра нелегкий день. Не хочется думать, что вы позвали меня, чтобы продемонстрировать, какой большой шар можно скатать из наших парадных свечей.

- Ко сну мы пойдем вместе. В полном смысле этого слова, - голос Сола звучит глухо и жестко. - Я желаю иметь от тебя ребенка. Лучше двух. На всякий случай.

Она встает и делает несколько шагов по направлению к мужу. Белая рысь. Холодная скользкая рыба. Он взрагивает, но находит в себе силы не отступить. Отступить сейчас, когда хочется бежать от нее на край света, значит проиграть.

- Я не хочу к тебе прикасаться.

20 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Горячая, нежная, ждущая меня на заснеженных скалах Умбрена... Койя! Что за безумие охватило сегодня всех твоих родственников?

- Мне наплевать. Твои желания не имеют значения. Сегодня ночью мы ляжем в одну кровать. И будем делать это, пока я не понесу от тебя.

Не дождешься.

- Хочешь плотских утех - я пришлю тебе парочку тейо посимпатичней из моего дариата.

- Ты думаешь, я не найду способа тебя заставить? Прямой приказ королевы, например.

- Сола, я лорд-канцлер Аккалабата. Неужели ты веришь, что я не найду способа обойти этот приказ?

Интересно, как она собирается выковыривать этот воск из-под ногтей? Завтра ей во дворец, а королева внимательно следит за идеальной внешностью своей первой фрейлины.

- Корво...

Впервые – по имени. Но этим меня не проймешь. Хотя... Немножко откровенности она все-таки заслужила.

- Я не собираюсь из-за твоих бредней изменять любимой женщине.

- Койя не будет против.

Внезапно лорд-канцлер начинает хохотать. От души, запрокинув голову, сотрясаясь всем телом – как никогда не смеются дары рода Эсилей.

- Ты умалишенная. Ты соображаешь, что ты говоришь?

- А если Койя тебя попросит?

Я никогда не бил женщину. Я даже не ожидал, что получу от этого такое полное удовлетворение. Такое полное, что я больше не ударю ее никогда в жизни. Единственное, чего я не могу понять, это выражение полного удовлетворения в ее глазах.

...

25 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Дар-Эсил, лорд-канцлер Аккалабата

Рев Зимберского водопада заглушает все звуки на километры вокруг. Тонны падающей воды, разбивающейся о камни, чтобы дать начало главной реке королевства. Во владениях Дар-Эселей река набирает полную силу, раскатывается, миновав халемские холмы, по болотистой равнине и двумя широкими рукавами огибает Хаярос, впадая в бесконечное море, за которым нет ничего кроме небесной голубизны.

Никто из даров, решившихся исследовать морские просторы – на крыльях или на корабле - не возвращался назад, никто никогда не приплывал из-за синего моря. Давно уже не нуждается Аккалабатская империя во флоте для охраны своих берегов, да и был этот флот в лучшие времена при последнем адмирале Дар-Кауда, оставшемся в смутных детских воспоминаниях лорд-канцлера грозным старцем с вечно недовольно наморщенным горбатым носом, невелик – всего шесть или семь кораблей, мало чем превосходивших простые рыбацкие шхуны.

Никто из даров, пытавшихся пересечь Умбренские горы, чтобы узнать, есть ли что-то за кажущимся бесконечным нагромождением ледников и каменных пиков, не вошел снова под своды дворца Дар-Аккала, не сразился вновь на его песчаной арене. Попытки выведать у могучих вершин их главную тайну были оставлены так же давно, как дерзкие вылазки в открытое море. Море и горы Аккалабата положили предел стремлениям крылатых даров, и те смирились.

Но с самой высокой точки Эль-Зимбера Аккалабат кажется беспредельным в те редкие осенние дни, когда туманы не заслоняют от взора темные холмы и густые леса, тянущиеся до среднего течения Эль-Эсиля и где-то там, в уже недоступном самому острому взгляду далеке, сменяющиеся цветущими садами дариата Кауда и плодоносными полями и пастбищами южных владений. Сегодня именно такой день. Но лорд-канцлеру Аккалабата не до созерцания подвластных ему земель. Он вообще не понимает, что он тут делает. Что они тут делают.

- Койя, зачем мы здесь?

Женская фигурка скорчилась на камне чуть поодаль. Он хотел обнять, обогреть (*Ты замерзла, родная?*), она не подпустила, жестом велела отойти. Откинула капюшон, запустила обе руки в роскошные волосы, замерла, как окаменела.

Это все книги, Чахи их заберу, над которыми она часами просиживает в библиотеке Умбренского замка! Старинные глупые закорючки – ни слова не разберешь. Предания глупого рода Дар-Умбра. Зачем она их читает?

- Корво...

- Койя...

- Сделай то, о чем просит Сола.

Он хватает ее за предплечья и трясет долго и бешено. Он не желает в этот момент помнить, что она его любимая женщина, он хочет вытрясти из нее эту дурь, эту заразную дурь. Сола чуть-чуть подождет, у нее такие скользкие бальные туфли, а лестница в Дар-Аккала очень крутая - если

25 октября 1500 года со дня пришествия королевы Лулуллы

леди Дар-Эсиль упадет на глазах у десятка придворных, то никто не подумает... ничего такого. Но Койя... почему она подчиняется этой умалишенной?

- Ты закончил?

Внезапно он успокаивается. Опускается на колени на жесткие камни, заглядывает Койе в глаза.

- Я ведь мог и не передавать этого письма.

- Ты не мог. Я знаю, что Сола всегда мне пишет, - холодно и устало отвечает она. – Было бы подозрительно... Но без разницы. Ты сделаешь то, о чем я тебя прошу? Мне очень надо.

- Хоть объясни... - он уже знает, что сделает. Что угодно. Когда она так смотрит...

На какое-то мгновение кажется, что, да, Койя сейчас начнет объяснять. Тогда разговор перейдет в рациональную плоскость и, может быть, Корво удастся заставить ее понять, *о чем* она его просит.

Сжав руки в кулаки, она отстукивает костяшками пальцев какой-то ритм, смотрит мимо лорд-канцлера – в пространство, вытягивает губы трубочкой... Решительно встряхивает головой. *Нет.*

- Нет. Корво, тебе просто придется поверить, что для меня это важно. Важней, чем для Сола.

- Хорошо, - просто отвечает он. Протягивает ей руку, чтобы помочь подняться. Койя испытующе смотрит на него, вздыхает:

- Корво, ты мне обещаешь?

В этот момент ему больше всего на свете хочется быть лордом Дилайны.

- Обещаю.

Когда лорд-канцлер Аккалбата тяжело взлетает в густеющую зелень вечернего неба над главным Умбренским хребтом, прижимая к себе закутанную в плащ девичью фигурку, он знает, что это последний раз.

2 мая 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Леди Сола Дар-Эсилл

Ключ щелкнул в замке, опустились одна за другой бархатные гардины, свечи всколыхнулись последний раз и погасли. Сумрак в личных покоях королевы, в малом ее будуаре. Легкие шаги по медвежьим шкурам, едва различимый шепот в ухо:

- Сола...

Самая моя, от первой слезинки до последней капельки крови моя, одна из всех моих фрейлин, из всех моих лордов. Тонкая, как тростник на берегах Эль-Эсиля, бледная, как туманные горные тени, с холодной ненавистью, застывшей на дне черных глаз – когда-то теплых и ласковых.

- Ваше Величество...

Моя королева – предавшая, обманувшая и меня, и саму себя. Вместо любви на чужих костях – ежедневная пытка. Встречами, прощаниями, самим моим существованием, нахождением рядом... «Леди Сола, подайте мне веер!» «Леди Сола, сядьте рядом со мной!» «Леди Сола, почитайте для нас!» «Леди Сола...»

- Леди Сола, что Вы думаете о приближающемся празднике? У Вас есть идеи? – спрашивает Ее Величество преувеличенно бодрым тоном.

Леди Сола отрешенно кивает головой. Чтобы не расстраивать королеву, она с утра обложила толстыми фолиантами, в которых описывается история придворных празднеств с до-дуэмных времен. Даже выписки сделала – об украшении сада, о некоторых старинных блюдах, которые было бы уместно подать на банкете в честь десятилетия восшествия нынешней королевы на трон. Но это все не то.

Сола сама не уверена, что ей нужно. Где-то на задворках памяти копошится смутная картина: зимний вечер в небогатой библиотеке дома Халемов, они с Элджи сонно перелистывают первые попавшиеся под руку тома. Учитель, которого наняли с целью придать хоть немного образованности молодым халемским дарам, пожаловался отцу на полное отсутствие прилежания. «Брали бы пример с молодёжи клана Эсилей! Так интересуются прошлым Империи и устройством государства!» - лицемерно причитал ученый хмырь, не обращая внимания на зверские рожи, которые мальчики строили ему из-за отцовской спины.

Лорд Дар-Халем сам особой ученостью не отличался, но не хотел, чтобы его наследники прослыли бестолочами. Поэтому разъярился и запер их с Элджи – двоих, кто уже научился читать – в библиотеке, пригрозив, что они не выйдут оттуда, пока не продемонстрируют существенный рост знаний. А именно: взял обоих за уши (Соля за правое, Элджи за левое), оттащил в полутемную, плохо протопленную комнату, подбросил в камин пару брёвнышек, сунул остальные под мышку и, метнув на своих отпрысков последний грозный взгляд, захлопнул за собой дверь. Была середина декабря, уже через два часа холод стал ощутим даже сквозь зимние орады, и первоначальное стойкое нежелание грызть гранит науки и у Соля, и у Элджи поубавилось. Соль тогда нехотя вытянул с полки книгу... по крайней мере на первом развороте её был изображён бой на мечах. Как же она называлась? «Увеселительные сражения Второй эпохи: вариации правил»?

2 мая 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Он еще помнил, как подпихивал ее Элджи, желая удивить того кровожадной изобретательностью предков, а тот отмахивался: нашёл что-то поинтереснее – про выездку ямбренических лошадей.

- Я бы хотела, чтобы у праздника была существенная фехтовальная составляющая, - королева игриво присаживается на край стола, за которым задумалась Сола. Такое ощущение, что Ее Величество иногда забывает, кто перед ней. Вот и сейчас, кокетливо склонив головку набок, она словно дожидается знаков внимания. Сола незаметно вздыхает, берёт повелительницу Аккалабата за руку, подносит кончики пальцев к губам.

- Моя дорогая, чем же я могу Вам помочь? Здесь требуется лорд Дар-Пассер или мой досточтимый отец. Согласитесь, Ваше Величество, что две женщины, обсуждающие фехтовальные развлечения, выглядят нелепо.

- Но я хочу, чтобы ты мне помогла! Чтобы ты поучаствовала! Ты же моя...

- Да, я твоя, - Сола не то морщится, не то улыбается. – И, знаешь, кажется, у меня есть идея.

Она встает с кресла и начинает возбужденно прохаживаться по комнате. Теперь она точно знает, чего она хочет. Отомстить. Красиво, по-женски. Всем, кто приложил руку к ее позору. И не только им. Главное – что не только им. Ударить по невиновным, по тем, кто ни сном ни духом не слыхивал о блестящем плане избавления от засилья Халемов, задуманном старшими дарами и реализованном первым лордом Империи. По их детям, внукам, по тем, кто наивно и оптимистично строит планы на жизнь. Отнять у них эту жизнь, в лучшем случае подсунув другую – так, как случилось с ней самой, с сестрами!

Королева выглядит обрадованной. Она того и гляди захлопает в ладоши. Сола, ее Сола, наконец-то проявила интерес хоть к чему-то!

- Ну? Говори-говори-говори скорее! Что ты придумала?

- Устроим турнир по старинным правилам. Из Второй эпохи. Сейчас я тебе расскажу. Только... - Сола подходит к королеве близко-близко, притягивает ее к себе. Пряный аромат циконий – любимые духи Ее Величества – сливаются с легким запахом умбренического первоцвета (подарок Койи - при всех разногласиях между сестрами Сола не в силах отказаться от этой редчайшей вытяжки, которую делают только в дарияте Умбра). Изысканные, аристократические запахи, но кажется, что королева задыхается в объятиях младшей подруги. Та, к тому же, сквозь черные точки в глазах выглядит такой... как злая ведьма на картинке из детской сказки. Королева пытается разжать руки Соле, но они держат крепко.

- Только? – жалобно вскрикивает повелительница Аккалабата. Ноги ее слабеют, она уже не стоит, а висит на Соле.

- Только обещай мне, что всё будет по-моему. Именно по тем правилам, которые я предложу. Даже если дары будут протестовать. У тебя есть основание: это действительно старинная форма турнира, - с нажимом на «действительно» говорит леди Дар-Эсиль.

- Хорошо.

- Хорошо? – улыбка на лице Соле все больше похожа на звериный оскал.

2 мая 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Хорошо-хорошо-хорошо. Отпусти же.

Фрейлина Дар-Эсиль разжимает руки. Послушная фрейлина своей королевы. Придвигает ей кресло:

- Садись, послушай. Тебе понравится.

И королеве действительно нравится. Она ведь тоже хочет отомстить. Верховные лорды перешли все границы, заставив ее принять решение, подкосившее род Дар-Халемов. Нет, ей, конечно, самой было приятно играть в эту игру, опасно сосало под ложечкой в ожидании того, что будет, хотелось узнать, далеко ли простирается ее власть над душами и телами даров Аккалабата, крепка ли преданность маршала Дар-Халема, безгранична ли беспринципность лорд-канцлера. Она получила ответы на эти вопросы, но цена не устроила королеву. Она жаждала реванша.

Итак, турнир. Во славу правящей королевы. Участвуют все неженатые дары – от мала до велика. Даже несовершеннолетние, имеющие за плечами не менее пяти детских турниров. (Сола прикинула: двенадцатилетние должны попасть все.) Правила просты: бои ведутся до смертельного исхода. Однако победитель в последний момент может сменить гнев на милость – взять проигравшего себе под дуэм. Если проигравший уже имеет своего дойе или каруна, прежние договоренности отменяются. Хотя не обязательно. Можно и отказаться. Но тогда – смерть.

Сола и королева, сблизив головы, еще раз склоняются над пергаментом, который они только что исписали быстрыми строчками. Нужно окончательно все проверить. Система прямого выбывания здесь не подходит: Соле вовсе не хочется, чтобы Хетти убивал целый день на глазах у всего Хаяроса. Будет случайная жеребьевка: королева вынимает из чаши (взять ту – эбриллитовую, вычеканенную как раз во Вторую эпоху в дариате Кауда и преподнесенную прапрапрабабушке царствующей королевы в день восшествия на престол!) бумажку с именем одного из даров, обреченных на участие в состязании (никого не забыть! никого!), тот подходит к чаше и тянет имя соперника. По одному поединку для каждого: либо ты выиграл, либо ты проиграл. И две задушевных подруги – королева и ее любимая фрейлина – смогут вполне насладиться смятением на лицах победителей и побеждённых, мгновениями рокового выбора, всеми оттенками ненависти и любви, которые только возможны в человеческих отношениях. Дамы мурлычат, как дикие рыси в брачный период. Они довольны. Это будет сладкая месть.

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Глава 7. Дуэм

Неизвестно, чем были больше напуганы старейшие дары Аккалбата – радикальностью и жестокостью «мер», принятых королевой по отношению к Дар-Халемам, или неожиданной смелостью собственного решения «оставить Хетти», но поднять голос против предложенных правил праздничного состязания никто не осмелился. Верховный лорд Дар-Пассер, по обыкновению, взял на себя обязанности распорядителя турнира, под неусыпным надзором королевы составил списки и обеспечил полную явку участников. Лорды его клана денно и ночью облетали и объезжали дариаты Империи, чтобы донести до сознания всех недовольных и слабовольных: уклонения от участия Ее Величество не потерпит, наказание будет неотвратимым и быстрым.

Поэтому в первый же день празднеств, посвященных десятилетию восшествия на престол правящей королевы Аккалбата, на трибунах главной арены Хаяроса яблоку было негде упасть. В те стародавние времена на торжественные турниры еще допускались прекрасные деле, так что рядом с чёрными и тёмно-фиолетовыми орадами тут и там мелькали прозрачные серебристые шлейфы, вспыхивали в лучах солнца грани умбренических подвесок и золотая кайма вееров, в бряцание мечей и громкие мужские голоса то и дело вплетался шелковый шепот и серебристые колокольчики смеха. На лужайке за трибунами, где разносили вино и торговали всякою всячиной, золотые монеты и медяки переходили из затянутых перчатками ладоней даров в морщинистые и мозолистые пятерни торговцев-итано гораздо более активно, чем когда женщин в окрестностях арены не замечалось.

Тут и там образовывались маленькие группки, шепотом и вслух обсуждались последние новости, в числе них – неожиданное отсутствие леди Сола, сказавшейся «очень больной» (уж не прибил ли ее наконец лорд-канцлер за невыносимость характера?); первый выход в свет леди Эллы Дар-Кауда, оказавшейся (если не считать печально вытянутого овала лица и глаз вечно на мокром месте) не меньшей красавицей, чем ее сестры; неукротимое нахальство леди Койи, осмелившейся сразу по прибытии на праздник растолкать столпившихся возле лотка оружейника даров («Ну я же прекрасная деле, Чахи вас побери! Уступите мне место!») и перепробовать там все кинжалы. После чего нарушительница спокойствия сунула приглянувшийся ей клинок в руку подоспевшему мужу – вот этот! – и величаво проследовала на трибуну. Не забыв по дороге, впрочем, опрокинуть стаканчик эребского. Китти восторженно волочился за ней, как к шлейфу пристегнутый, и ни на что не обращал внимания.

Условия поединков были, конечно, из ряда вон выходящими, но и щекотали кровь. Первые бои завершились ожидаемым смертельным исходом: по счастливой – или несчастливой? – случайности в них сошлись представители издавна соперничавших родов, для которых каждая схватка, будь то в злачном притоне Хаяроса или на турнирной арене, длилась до победного конца. В четвертой паре дрались прыщавый переросток Дар-Фалько и симпатичный парнишка из стопятидесятого колена рода Пассеров. Ставки делались на Пассера. Просто потому, что он был

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Дар-Пассер. Тем не менее выиграл Фалько. Поймал соперника на незатейливый переход, уловил момент, когда тот опоздал взять защиту, и, раскрутив до немыслимой – для даров Фалько – скорости свое внутреннее время (Хетти с Койей чуть усмехнулись, задев друг друга глазами), оказался в позиции для решающего удара. Верховный дар Фалько на трибуне, видимо, тоже поддерживал свое внутреннее время на хорошей скорости, поэтому успел угрожающе выкрикнуть: - Лео!

И тот, спохватившись, вместо того чтобы опустить меч ребром на открытую шею соперника, перехватил за клинок и ударил со всей силы рукоятью между лопаток. Пассер упал на колени, жалобно дернув крыльями. Победитель быстро опустился на землю, придавил свою жертву коленом вдоль поясницы, на всякий случай поинтересовался взглядом у старейшины Дар-Пассеров: «Я выиграл?» Распорядитель с досадой кивнул головой, он уже понял, что сейчас будет (хотя лучше поздно, чем никогда: Ее Величество уже беспокойно поерывала на троне, всем своим видом показывая, что ей хочется разнообразия – больше смертельных исходов она не желает, требуется игра нервов).

- Тогда дуэм, - заявил молодой Фалько.

- Ты согласен? – неуверенно переспросил он, наклоняясь к поверженному противнику. Тот промычал что-то нечленораздельное.

- Это спрашиваю я, Лео Дар-Фалько, - грозно прорычал верховный лорд Дар-Пассер.

- Извините, - парень уже совсем растерялся и вовсе не выглядел победителем. Зато в глазах побежденного снова светилась надежда. Умирать ему явно не хотелось.

- Я согласен!

- Я еще тебя не спрашивал, - лорд Дар-Пассер был вне себя от ярости. Трибуны гоготали в голос.

- Мы согласны, - радостно подытожил победитель схватки. Вид у него был такой, будто гора с плеч свалилась. Видимо, убивать ему хотелось не больше, чем побежденному умирать. Старший Дар-Фалько с трибуны показывал огромный кулак – знак одобрения.

- Оба совершеннолетние? – на всякий случай строго спросил Дар-Пассер, чтобы напомнить, кто на арене хозяин.

- Ты совершеннолетний? – Лео Дар-Фалько уже разговаривал со своим визави по-хозяйски.

Тот выругался сквозь зубы:

- А то. Коленку убери с поясницы, урод. Будет тебе кривая прекрасная деле...

Прыщавый Лео как-то судорожно убрал коленку, помог молодому Пассеру подняться, даже отряхнул с него пыль суматошно-бережными движениями. У того то на лице было выражение облегчения, то, казалось, что у него жутко болят зубы.

- Дуэм совершен, - торжественно провозгласил верховный дар Пассера, нисколько не смущаясь тому, что вид главных действующих лиц вовсе не соответствовал пафосу его интонации. – Подойдите к королеве, молодые люди.

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Молодые люди потащились к Ее Величеству. Тем временем публика на трибунах явно разделилась на две части. Одни – те, чьи близкие уже выступили или не выступали, продолжали следить за разыгрывавшейся на арене трагикомедией, с удовольствием отпуская сальные шуточки и предлагая разные сценарии грядущих событий. В частности обсуждалось, прыщавые или миловидные у «молодых людей» пойдут дети и есть ли у кого-нибудь из них шанс стать верховным жрецом Прекрасной Лулуллы. Действующий верховный жрец – старший Дар-Фалько – лучился от счастья, как начищенный таз. Дарам его семьи редко случалось обратить на себя внимание на турнирной арене.

Вторую часть присутствующих, более многочисленную, мало занимало происходящее перед королевским тронем. Сейчас, когда альтернатива смертельному исходу стала реальностью, на лицах у матерей и отцов еще не выступивших участников читалась напряженная работа мысли. Некоторые старшие дары поманили к себе членов своих кланов, которым предстояло сегодня сражаться, или их родителей и вступили в серьезные обсуждения. Открывались перспективы. Да, несомненно, вначале весьма туманные и осознанные только самыми искушенными в дуэнных хитросплетениях – такими, как дары Эсиля или Акила. Но теперь... инструкции сыпались как из ведра, прорабатывались варианты, шелестели в руках у старших даров списки участников, матери хмурились или улыбались, отцы кивали или недовольно качали головами, даже двенадцатилетние подростки морщили брови, пытаясь понять, что им втолковывают старейшины клана.

Ни одно из этих телодвижений не ускользнуло от королевы, поэтому первая церемония возле трона получилась несколько скомканной. Как и следующая. Как и остальные. Королеву больше увлекало следить, как меняют и перетрясают свои планы после каждого нового заключенного дуэма или после нового кровавого пятна на белом турнирном песке ее такие непобедимые и такие покорные дары, чем освящать своим авторитетом уже заключенную сделку. Поэтому вновь образовавшиеся пары просто подходили к трону, кланялись и подталкиваемые в спину придворными дарами убегали «отдыхать под трибуны».

На самих трибунах появлялось все больше свободных мест. По мере того как главное действие (обсуждение дня и места свадебных торжеств, размера приданого, границ нового дариата и т.п.) переносилось в подтрибунное помещение, туда перемещалось и все больше старших даров. Главы семейств, однако, оставались на своих местах: им предстояло досмотреть спектакль до конца, управляя его ходом. В небе погромыхивало, и было неясно, спускается ли зеленоватая тьма и тянет с запада холодком от того, что садится солнце, или от приближающейся грозы. В вазе оставалось восемь записок. Четыре пары.

Лорд-канцлер Дар-Эсиль зевнул и позволил себе присесть на высокий табурет по левую руку своей госпожи. Четыре пары, и в них ни одного Дар-Эсиля. Семейство уже решило все свои проблемы, и, судя по тому, как благосклонно мотнул головой в его сторону, покидая трибуны, двоюродный дядюшка, по старшинству возглавляющий многочисленный клан Эселей, решило успешно. Значит, и лорд-канцлер всем своим видом должен выражать расслабленность и

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

удовлетворенность. Он и выражал, хотя сердце высшего и самого непоколебимого вельможи Аккалбата билось неровно. Он вновь и вновь находил взглядом - там, под самым козырьком из осиновых прутьев – черные внимательные глаза, четко очерченные брови, небрежно распущенные густые локоны (уже ниже пояса – когда только она успела?), обнаженные смуглые плечи в оправе из белоснежного кружева с розовой окаемкой (его подарок)...

Он не навещал Койю с того самого дня, когда она поставила... прижала его к стенке чудовищным условием: «Ты попадешь в постель ко мне только после того, как полностью удовлетворишь Солеу». Он остолбенел тогда – от вероломства, от режущего душу осознания того, что он никогда не был и не будет для нее дороже, чем сестры, от той простоты и естественности, с которой она – как делала все – отказалась от своих единоличных прав на него. Чтобы доставить удовольствие Соле. Соле, которая сейчас (он подумал об этом с чувством сладким и мстительным) корчится от боли в их семейной опочивальне, на роскошной кровати под золотым балдахином. Одна. Без помощи и сочувствия, потому что ни одной деле Аккалбата не нужно иной помощи и сочувствия, кроме как от ее мужа. А этого он ей не даст – никогда. Так же, как никогда не будет уже его единственной стройная темноглазая женщина с по-мальчишески угловатой походкой и когда-то вечно улыбающимися глазами...

Дернулись в его поле зрения белые кружева, взметнулись черные локоны:

- Нееееет!!!

Койя! Радость моя, печаль моя, боль души моей! Что случилось? Кто посмел обидеть тебя? Почему тащит тебя вниз, на скамью, то ли успокаивая, то ли выговаривая резко, лорд Хетти? Почему они вдвоем с лордом Хару держат тебя, как вырвавшуюся ямбренскую лошадь, а ты бешено трясешь головой, словно обуревают тебя демоны?

- Китти Дар-Умбра!

Меери Дар-Кауда

- Меери Дар-Кауда!

Меери, усмехаясь, приближается к чаше. Он спокоен. Хетти Дар-Халем уже выступил: вон с удовлетворённым видом сидит на трибунах, со своей ведьмой-сестрицей и ее домашним медведем, то есть супругом. Не повезло сегодня Дар-Спэрам: Хетти расправился со средним сыном их главной ветви за три минуты. Даже не стал останавливаться, пугать их дуэмом. Просто вонзил меч парню под левую лопатку и, не оборачиваясь, пошел на трибуны. Досматривать.

Меери кланяется королеве, лорду Пассеру, поворачивается к чаше и запускает руку на самое дно. В список он не заглядывал. Кроме него, великовозрастного неженатого остолопа, семья Дар-Кауда выставляла пятерых молодых даров из северных замков. О дуэме речи не шло: Кауда не заключают дуэмов на турнирной арене. Убить или умереть. «Вот только если ты выиграешь у Дар-Халема», - шутил Рейвен, инструктируя молодых. Ребята все правильно поняли: все пятеро выиграли свои бои, оставив после себя недвижимые тела с распростертыми крыльями и кровавый

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

след на арене. Иного от них и не ожидалось. Трибуны проводили покидающих турнирный песок даров Кауда уважительными аплодисментами.

Теперь то же самое предстояло Меери, сильнейшему бойцу дома Кауда. Он даже заметил, что, когда лорд Дар-Пассер назвал его имя, кое-кто на трибунах лениво зевнул, а пара-тройка молодых даров незаметно проскользнула на выход. И верно, чего тут смотреть? Устали все, и над ареной собрались тяжелые тучи. Недоумение вызывал только Рейвен: общение с леди Эллой – занудой и ипохондричкой – слишком быстро наложило на него свой отпечаток. Из нормального богатого лоботряса, каким полагалось быть лет до сорока главе рода Дар-Кауда, он немислимим образом превратился в образец серьезности и ответственности. Вот и сейчас – чинно восседал на трибуне, листая списки, на Меери даже взгляда не поднял. Обиделся? Да, я тоже обиделся, когда это благообразное чучело моего старшего брата вознамерилось со мной обсудить тактику и стратегию поведения – прямо во время турнира, когда на арене летели пух и перья – выясняли стародавние отношения дары Эсиля и Гавиа. Мне было гораздо интереснее, кто из них из кого сделает отбивную, чем слушать наставления Рейвена. Так что я показал ему неприличный жест, изрядно повеселив нашу молодежь, и этим все общение ограничилось.

Меери не спеша разворачивает бумажку. Кто остался-то? Судя по тому, какие семейства еще сидят на трибунах, из Умбра и Акила какая-то мелочь, прочие тем паче не составляют серьезной конкуренции. А если взять – проиграть? Губы сами по себе растягиваются в глумливую усмешку от такой дикости. Даже если он проиграет – нет дураков убивать дара из рода Кауда. Возьмут под дуэм. Гнусно, конечно, но в сущности ему все равно. Он ничего ни к кому не испытывает. И не испытывал. Рейвену теперь не нужна его помощь дразнить крошку Элджи: очаровательная леди Элла Дар-Кауда восседала на лучших местах вместе со своим подкаблучником-мужем. Они ведут, что называется, уединенный образ жизни: даже Меери стали реже приглашать. Ожидают второго наследника.

Ну, что там у нас?

Первое, что хочется сделать Меери, когда он опускает глаза на развернутую бумажку, это бросить ее обратно в вазу. Кажется, что она жжет пальцы, но лорд Дар-Пассер строго нахмурился и уже протянул руку. Меери тупо сует бумажку в его ладонь и поворачивается – спиной ко всем, к этой проклятой арене, лицом к неизвестно зачем выскочившему из-за туч, словно вспомнившему, как бешено шпарило оно сегодня весь день, солнцу. Яркие всполохи режут глаза, вышибая слезы. Хоть бы ослепнуть, что ли, или оглохнуть! Чтобы не слышать вот этого:

- Китти Дар-Умбра!

И одинокого женского возгласа:

- Нет! – оттуда, сверху, где сидит – точнее, уже стоит на ногах, семейство Хару Дар-Умбра.

«Держите ее семеро, трое не удержат», - мрачно думает лорд Меери Дар-Кауда, сбрасывает орад и, еле волоча ноги, отправляется к месту арены, с которого следует начать схватку.

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Койя Дар-Умбра

- Нееет!

Целый месяц она уговаривала. Отговаривала. Договаривалась. Солу отговаривала от ее дурацкой затеи. Китти – от участия в турнире. Уговаривала сказаться больным. Пробовала договориться с Хетти, что он, победив, потребует в обмен на жизнь и свободу своего соперника такого же права для Китти, кто бы у него ни выиграл. Хетти посмотрел на нее как на умалишенную. Сола отказалась ее принять. Китти обиженно поджал губы: «Почему ты думаешь, что я проиграю?» Потом она пробовала уговорить мужа. Она на все была готова: бежать, спрятаться в самом сердце Умбренских гор, только бы не отдавать Китти на растерзание. Лорд Хару был непреклонен: «Китти – дар Аккалабата, он должен драться, когда призывает его королева». На все попытки объяснить Хару, что одно дело драться, когда речь идет о защите Империи или расширении ее границ, например, накостылять наглеющим мятежникам в Кимназе, а другое – глупо погибнуть на устроенном сумасшедшей сестрицей Солой турнире, лорд Дар-Умбра отвечал только одно: «Ты женщина, ты не понимаешь».

Самое ужасное состояло в том, что ни он, ни Китти не осознавали, насколько Китти *не может* выиграть. Только случайно, только у самого распоследнего ямбренского толстяка, которого вряд ли и пригласят на турнир в честь десятилетия правления королевы. Там будет цвет аккалабатского воинства, избранные дары из лучших семейств – с отточенными рефлексами, идеальным (или близким к нему) владением крыльями, великолепной мышечной памятью и уровнем внутреннего времени, который Китти даже не снился. Но разницу можно было прочувствовать, только будучи Дар-Халемом: ни лорд Хару, ни Китти не ощущали, насколько велико отставание, насколько предсказуемы приемы, насколько неуклюже выглядит в воздухе мальчик, четверть крови которого принадлежит не дарам, а тейо. Койя знала. Всегда.

Несколько лет назад на детском турнире сердце неумолимого насмешника Ко дрогнуло, потому что ужасно нелепый малыш с перевязками цветов Дар-Умбра на предплечьях устал от грубых подначек зрителей и разрыдался. Ко на глазах у всех перелез через ограждение, схватил плачущего Китти в охапку и утащил в Хангафагон. Посадил там на скамейку под чалами, угостил грязным яблоком, вытасненным из кармана – и с удивлением обнаружил, что этого оказалось достаточно, чтобы за ним стали преданно следить огромные черные глаза, каждое его слово – ловить уши, похожие на два больших лопуха с эсильских болот, а по утрам – когда он просыпался в хаяросской резиденции Дар-Халемов – его все чаще и чаще стало будить осторожное постукивание в окно и умоляющий голос: «Кооо! Это я! Давай позавтракаем вместе!»

Трансформация не только не заставила Койю забыть нежные чувства к «бессмысленной мелочи», как иногда в сердцах именовали Китти старшие братья Халемы. У леди Дар-Умбра теплело на душе, когда она находила на тумбочке возле кровати очередной букетик скромных умбренских цветов, и тягуче сжималось сердце при виде Китти, еле волочащего ноги после тренировки с лордом Хару. Не говоря уже о том, что на второй день после переезда в замок Хару

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Дар-Умбра Койя обнаружила себя гневно потрясающей кулаками на пороге спальни сына (именно как о сыне она и думала о нем с тех пор): в комнате был полный и окончательный беспорядок, который только и способен сотворить одиннадцатилетний мальчишка, лишенный материнского глаза. Кинжалы – детские затупленные и вполне взрослые, конская упряжь, какие-то свитки, потрепанные перчатки – все незамысловатое барахло аккалабатского дара валялось где ни попадя, и было очевидно, что к текущему состоянию комнату приводили не один месяц. Койя издала воинственный клич, который подкинул Китти с постели, и приступила к исполнению материнских обязанностей.

Несмотря на скептические ухмылки лорда Хару, ему скоро пришлось убедиться, что трансформация не затронула только боевые рефлексы Ко. В остальном его жена проявляла все черты истинной леди Аккалабата: беспорядка в доме она не терпела, садовника, посмеявшегося не выполнить указание по поводу одной разнесчастной клумбы, выгнала в тот же день, а Китти, при всей отчаянной любви к нему, держала в ежовейших рукавицах. О том, чтобы не явиться домой к обеду, увлекшись исследованием очередной бесконечной пещеры, которыми были изрыты все внутренние отроги Умбрана, он и думать забыл. Но при всей любви и уважении к Койе – жене и матери, мужчины семейства Дар-Умбра были единодушны в одном: в делах, касающихся турнира, она голоса не имела. Более того, когда Койя попросилась однажды посмотреть на тренировку, ответ мужа был не просто резким, но грубым. Китти только посмотрел извиняющеся и вздохнул. Койя попробовала поднажать – вечером, когда страсти, казалось бы, улеглись, но, к ужасу и изумлению своему, натолкнулась на ледяное: «Асгир себе такого бы не позволил, хотя не хуже тебя все помнил...».

Она и думать забыла, что у Китти была когда-то мать, леди Аса, смотревшая печально и строго с единственного портрета в небольшой семейной галерее Дар-Умбра и ушедшая так предательски, так слабовольно, когда мальчишка, обделенный способностями, больше всего на свете нуждался в ее заботе. «Что же ты, Аса? – безмолвно спрашивала Койя, придвинув подсвечник поближе к бледному, вытянутому лицу с миндалевидными глазами и тонко очерченной линией носа. – Что же ты их оставила? Тем более, если, как утверждает Хару, «все помнила»? Он же ничего не умеет, наш сын. Слышишь меня? Он ничего не умеет».

За этими ночными разговорами и дневными тревогами за Китти уходила на второй план жалящая тоска по своей любви, все реже вспоминалось ощущение сильных тонких пальцев, обводящих медлительно грудь; губ, сдавливающих сосок, поднимающихся вверх к шейной впадинке, застывающих там ненадолго, исследующих все тело – властно, но нежно; забывались пробуждения – у него на плече, под пеленой его светлых волос, перемешанных с ее, темными; истомленный желанием шепот в ухо: «Койя... наконец-то». Все уходило, заслоняясь хозяйственными заботами и надвигающейся катастрофой.

За год совместной жизни лишь один раз лорд и леди Дар-Умбра выбрались в свет – на свадьбу старшей сестры. Рейвен и Элла праздновали на широкую ногу. Жалко, что Хару не

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

согласился почему-то взять Китти. Да и тот особенно не настаивал. Очевидно, ссора во дворце еще пролегла тенью между семействами Умбра и Кауда. Койя сама тогда оторопела от того, как Рейвен, всегда насмешливо-высокомерный, сорвался на Хару, какую грязную брань он выкрикивал. Да, конечно, он был не в себе от собственной нерешительности, да, он завидовал неимоверно смелости лорда Хару, не побоявшегося взять в жены ее, Койю, раздетую перед всеми. Он, безответно и безнадежно столько лет мечтавший об Элджи, взрослый мужик, владеющий богатейшим дариатом Империи, растерялся, увидев любимого человека таким... униженным, сломанным, выставленным на посмеяние всем – до последнего – дарам Аккалбата. Растерялся и испугался что-нибудь сделать. Койя ему не завидовала. Представляла себе бессонные ночи, которые он должен был провести, чтобы явиться спустя неделю в резиденцию верховного маршала со своим предложением, представляла себе оттопыренную в усмешке губу Меери – у этого-то точно не было ничего святого.

Ей даже жалко было лорда Рейвена. И идеальное его поведение с Эллой после того, как предложение было принято, она оценила. Сами они с лордом Хару обвенчались по-тихому, среди своих. Свадебный бал леди Эллы роскошью мог затмить королевский. Койя даже не удержалась – приподняла сзади на сестре юбку: «Давай помогу тебе таскать самоцветы. Их же несколько килограммов!» Элла окрысилась и юбку отобрала. Но выглядела замечательно, хотя для порядку пару раз и всплакнула. Даже отец, казалось, оттаял, глядя на дочернее счастье. Красовался в новом, подаренном зятем ораде, с маршалским жезлом, ласково трепал Койю и Эллу по голове и называл «мои девочки».

Сола с лорд-канцлером, естественно, семейное мероприятие вниманием не почтили. Зато лорд Рейвен первым пригласил сестру жены танцевать. Это он умел делать, Койя даже задохнулась под конец быстрого танца – такое вытворяли с ней руки партнера. Поклонившись, он не сразу проводил ее к мужу, а посмотрел прямо в глаза и сказал: «Леди Койя, я хотел бы с Вами очень серьезно поговорить. Не сегодня. Но в ближайшее время». Пока она соображала, что бы ответить, снова сменил выражение на игривое и вручил ее с подобающими комплиментами лорду Хару.

Поговорить им так и не довелось. Леди Элла, неимоверно быстро оказавшись беременной, сразу же объявила, что переносить это тяжелое состояние согласна, только уцепившись мужу за полу орада. И лорд Рейвен, никогда не выносивший чужого давления, смиренно вздохнул и затворился у себя в замке. Меери сочинил по этому поводу глумливый куплет и распевал его по всем тавернам Хаяроса.

И вот теперь он стоял, усмехаясь, покручивая в руках мечи, словно в той же самой таверне, повздорив с каким-нибудь пьяным тейо, собирался научить его уму-разуму. Орад он уже сбросил. Солнце, казалось, попрощавшееся до завтра, по злой иронии судьбы снова выскочило из-за туч, и мелкий крап на породистых перьях Дар-Кауда выглядел под его лучами как частички слюды, нанесенные на черное, бархатистое полотно. С веселым ожиданием Меери наблюдал, как спускается по лестнице Китти. Ее Китти! Ее ребенок! Койя непроизвольно дернулась вслед за ним

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

и только тут обнаружила, какая железная хватка у мужа и какие холодно-осуждающие глаза бывают у Хетти. Скинула его руку с плеча, уселась, вцепившись ладонями в колени, зубами в нижнюю губу, ни на мужа, ни на брата не глядя.

И увидела. Как лорд Рейвен в первых рядах, чуть обернувшись, посмотрел на нее коротко и обреченно и опять голову склонил к списку участников, который держал в ладони. От этого взгляда снова надежда завелась в ее сердце: в нем было не сочувствие, нет, в нем была собственная беда, спускавшаяся сейчас на арену в облике Китти...

Неужели с Меери что-то не так? Что-то случилось с лучшим фехтовальщиком дома Дар-Кауда, что он может сейчас проиграть неумехе Китти?

А Меери действительно был у Дар-Кауда лучшим. Об этом много раз говорил Элджи, оправдываясь после очередной потасовки с назойливыми братцами, когда Ко и Хетти, подпрыгивая на стожках приготовленного для лошадей сена, наперебой верещали «Убей уже их! Смерть Дар-Кауда! Элдж, почему ты их не прикончил?!» Элдж отвечал рассудительно: «Рейвена одного я давно бы убил. Но пришибить его вместе с Меери – это, Хетти, ты, пожалуйста, сам. Меери остервенительно быстро соображает. И у него потрясающая координация рук, ног и крыльев. Во внутреннем времени он отстаёт, но ухитряется парировать на чистых рефлексках. Иначе бы я ему уже уши отрезал».

В любом случае он выше Китти на голову, физически много сильнее и опытнее.

Койя сама себя оборвала... Да о чем она рассуждает! Китти медленнее и неповоротливее любого, кто уже выходил или выйдет сегодня на эту арену. Опыт и боевые навыки Меери – это всего лишь вопрос времени, за которое он доберется до нашего мальчика.

Китти тем временем тоже снял орад и устроился напротив Меери. Тот улыбаться не прекращал, словно перед фокусником на ярмарке, слегка салютнул одним из мечей. Китти ответил. Он был небывало серьезен сейчас, воспринимая этот бой как возможность реабилитировать себя перед теми, кто, насмотревшись его «мастерства» на детских поединках, больше на турниры в Хаярос Китти не приглашал.

- Ичита!

В воздух плеснули крылья, звякнули первый раз друг о друга мечи. Койя закрыла глаза. Ни в одном бое на этом турнире разница в классе не была так ощутима уже на первой секунде: Меери не просто сразу оказался сверху над Китти, он еще заставил его развернуться так, чтобы было удобнее бить... нет, погоди-ка, что это я? Неужели трансформация до такой степени меняет восприятие боя? Это ведь Китти так удобнее! Он левша, и Меери об этом знает. Он же не может так ошибаться? Сознательно подставлять Китти подмышку, не закрытую кожаным нагрудником, под левую руку! Вытяни меч, малыш, просто вытяни меч! Не успел.

- Ух ты, а у тебя есть внутреннее время, сестрица, - ошарашенно и одобрительно шепчет Хетти справа. – Ты только поосторожней его запускай, а то заметит кто. Развлекайся, когда я рядом.

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Действительно, у Хетти сейчас внутренний водоворот во всей его красе. Некоторые лорды Дар-Умбра даже отодвигаются потихонечку. Им неуютно рядом с воинственно настроенным Дар-Халемом. Но сестре и брату так даже удобнее – никто не мешает им следить за поединком в их собственном темпе, не только видя, но и предвидя удары. Обсудить они, конечно, их не успевают, но все понятно без слов: Меери делает что-то невообразимое. Вот он опять открылся – незаметно для других, но очевидно для Дар-Халемов, подставляя Китти уже даже не подмышку, а спину, лишь частично прикрытую кольчужной защитой.

- Самоубийца, - восторженно бормочет Хетти.

- Бей же, беееей, - беззвучно артикулируют губы Койи.

Китти снова не успевает.

На пятой минуте боя к Хетти возвращается рассудительность. Он дергает сестру за рукав платья: «Койя!». Дергает сильно, забыв, что рядом не Ко в черном ораде, и лиф сползает, полуобнажая грудь. Хетти краснеет, заслоняет сестру рукой, натягивает платье обратно.

- Койя! Чего это с ним? С Меери? Он умом повредился?

- Не знаю, - губы у Койи пересохла от напряжения. – Молчи. Никто пока не догадывается.

Самое удивительное - это то, что все время боя Меери не перестает улыбаться. То широко, по-мальчишески, подманивая Китти к новому переходу, после которого тому опять останется только вытянуть меч и... он опять промахнется. Тогда Меери усмехнется уже досадливо и снова затеет свою тактическую игру, смысл которой ускользает даже от тех, кто ее заметил.

Лорд Хару тоже улыбается – счастливо и довольно. Накрывает своей широкой лапищей руку жены:

- Вот видишь! Видишь, Койя? Какой молодец! А ты сомневалась. Это в нем говорит кровь леди Асы.

Койе не хочется разочаровывать мужа, но упоминание леди Асы выводит ее из себя:

- Замолчи! Ты сам ничего не видишь и не понимаешь. Опустись с небес на землю, Хару! Меери просто играет с ним, и скоро эта игра ему наскучит. Не веришь – спроси у Хетти.

Лорд Хару недоуменно переводит взгляд с жены на Хетти. Тот, не отрываясь от поединка, окончательно переместившегося в воздух, кивает. Ему, в отличие от Хару, видно, что Меери теперь не просто улыбается, он что-то говорит Китти, словно подначивая, словно... Святая Лулулла! Больше всего это напоминает танцевальное «раз-два-три», когда более опытный партнер ведет свою менее искушенную пару: раз-два-три, раз-два-три... все выше и выше, над землей, от земли. А солнце, не желающее снова уйти за тучи, мешает всем, даже Хетти, приставившему ладонь козырьком над глазами, рассмотреть, что там происходит.

А потом солнце прячется. Неожиданно и мгновенно – за краем тучки. Ни один сражающийся в небе мечник Аккалабата никогда не пропустит такой момент, и вниз, прямо на мраморный песок турнирной арены, несутся два переплетенных тела – две пары крыльев: черно-белые крапчатые Дар-Кауда и черные с двумя рыжими подпалинами по бокам Дар-Умбра.

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Дары, разгоряченные затянувшейся схваткой, выдыхают дружно. Когда так падают, то все понятно: это не неконтролируемое падение, просто один, приставив другому к горлу кинжал или загнав меч между ребер, тащит его вниз, чтобы в последний момент отпрыгнуть и дать возможность измученному, полубездыханному телу разбиться о землю или о камни. Это эффектно, это умеет каждый взрослый дар Аккалабата, выигравший хотя бы пару турниров. А у Меери их за плечами десятков.

Чахи меня возьми, Хетти, где ты выучил эту грязную ругань? Ну я потом с тобою поговорю, как сестра с братом! Хотя ругнуться есть от чего. На мгновение позже, чем Хетти, и на десять таких же мгновений раньше, чем все остальные, Койя видит, что разможенного об арену тела не будет, как и победного рывка Меери в сторону. Что приземляются они вместе, на ноги, хотя, конечно, контролирует их полёт Меери – Китти устал и совсем не может справиться с крыльями на такой скорости. Что... «Эй, сестрица! Так ругаются только на поле боя!» - Хетти смотрит расширенными глазами. *Некогда извиняться, братец!* Меери успевает вывернуть у самой земли так, что сверху оказывается Китти. А он сам – на земле, под ним, перед ним, на спине, больно врезавшись в шершавый песок локтями, высоко закинув красивую голову, с все той же нахальной улыбкой на губах, кисти рук с клинками разбросаны в стороны.

...

- Да! – кулаки лорда Хару взлетели в воздух. Счастливое торжество светило в маленьких глазках, что-то (благодарность прекрасной Лулулле?) прошептали толстые губы. – Вы видели? Все видели?

От тряс за плечо сидящего впереди лорда своего клана, обомлевшего, как и все остальные, и явно бывшего не в состоянии разделить его радость.

- Койя, ты видела?!!

Койя все видела. Она видела, как привстала на своем месте леди Элла, как что-то взбудораженно говорит она мужу, закрывшему лицо руками, будто он поменялся местами с женой и теперь настала его очередь плакать. Но слышала только произнесенное там, на песке, одними губами – так, что только тот, кто по-настоящему любит, мог услышать и догадаться:

- Бей!

Рядом Хетти остановил внутреннее время. Происходящее на арене было очевидным теперь для любого. Меери на этот раз не просто открылся. Он лежал, отбросив в сторону оба меча, и шурился на снова вылезшее из грозových облаков солнце. Китти переступил с ноги на ногу. «Он, наконец, сообразил», – поняла Койя.

- Не хочу.

- Китти, хватит валять дурака. Бей.

- Не буду.

Началось шевеление вокруг трона. Лорд-канцлер сполз с табуретки, соорудил угодливо-тревожную мину, навис над Ее Величеством. Лорд Дар-Пассер подлетел к месту действия,

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

схлопнул крылья так грозно, как умеет только ректор военного корпуса, сделал вид, что осматривает позицию, которую прочитал, естественно, одним взглядом. Торжественно объявил:

- Лорд Китти отказывается наносить последний удар, находясь в положении, позволяющем ему это сделать. Лорд Меери не ранен. Он имеет возможность дотянуться до мечей и продолжить бой, если, разумеется, он не склонен сдаться. Ваше решение, лорд Меери?

- Сдаюсь.

Распорядитель турнира поморщился. Издавна Дар-Пассеры считали себя хранителями воинских традиций Аккалбата. Сдающийся Дар-Кауда – это не укладывалось ни в какие рамки. Это было как личное оскорбление. Но оспаривать слово Дар-Кауда, ставить его под сомнение даже элементарным: «Простите, я не расслышал» - этого бы на Аккалбате не посмел сделать никто. Единственное, что позволил себе лорд Дар-Пассер, - от души прокашляться, прежде чем обратиться к Китти:

- Лорд Китти Дар-Умбра, Ваш противник сдался. Вы победили. Вам предлагается его жизнь или его свобода. Ваше решение?

Китти робко повел крыльями, сделал попытку оглянуться туда, где сидели отец и Койя, но лорд Дар-Пассер безжалостно встал между ним и трибунами. Лорд Меери изобразил на лице покорство судьбе:

- С Вашего позволения, пока он решает, я сяду. Все локти оцарапал об этот наш знаменитый мраморный песок Хаяроса.

Трибуны молчали. Слишком уж неожиданный и многообещающий поворот событий. Глаза у королевы горели. Лорд Дар-Пассер ощутимо злился. Китти жалобно перетоптывался между ним и Меери, не убирая мечи.

В тишине прозвучал насмешливый голос Рейвена:

- Похоже, малыш не собирается убивать моего брата, а всерьез задумался о дуэме. Китти, лапа, ну зачем тебе такая старушка? Раз – и все кончено.

Трибуны одобрительно зашумели. Китти яростно затряс головой, крылья у него за спиной трепетали так, что, казалось, в них уже поселилась приближающаяся буря. Королева громко вздохнула. Лорд Дар-Пассер набрал полные легкие воздуха. В этот момент Меери надоело изображать покорство судьбе, и он снова развеселился. Состроил умильную мордочку и воззрился на Китти снизу вверх преданным взглядом. Чуть ли язык не высунул. По присутствующим пробежал смешок. Немножко буффонады перед трагической развязкой – такие представления ценили дары Аккалбата. Но не их королева.

- Лорд Меери! Прекратите паясничать! – Ее Величество не пыталась скрыть раздражения. Ее должны были развлекать и забавлять, а ее бесили. - Лорд Хару! Вы, что, там совсем обезумели от восторга? Всем нам известно, что Ваш сын - тупой недоносок. Но портить турнир я не разрешаю. Я разрешаю Вам выйти на арену и выполнить последний удар за него. У вас полминуты. Иначе я

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

прикажу лорду Пассеру прикочить обоих. За нарушение правил турнира. Именно так делали во Вторую эпоху, и мы должны чтить традиции предков.

Услышав про традиции предков, лорд Дар-Пассер встrepенулся как боевой конь и вытащил меч из ножен.

...

Лорд Хару не тратит времени даром. Непокорные дары Умбра не заслуживают лучших мест, чем высоко, у самого края трибун и оттуда до Китти далеко – гораздо больше минуты, если бежать по ступенькам. Он, ломая ногти на левой руке, раздирает застeжки орада, одновременно правой вытягивая меч из ножен. Койя даже отшатывается от мужа: внутреннее время у него на пределе, и кажется, что орад падает на скамейку через звенящий, сгущающийся воздух. Все это время, все эти несколько секунд прежде, чем подняться в воздух, лорд Хару, не отрываясь, смотрит на Китти, пытаясь без слов на расстоянии донести до него одну мысль – насколько серьезна королева и насколько неизбежно сейчас его вмешательство. И до Китти, очевидно, доходит.

Он делает шаг вперед, отводит чуть в сторону меч, но вместо того, чтобы ударить, бросает его одним движением в ножны и говорит ухмыляющемуся во весь рот Меери:

- Дуэм.

Поскольку трибуны молчат в ожидании действий лорда Хару (только всхлипывает мужу в плечо леди Элла – но она всегда всхлипывает), то это слово услышали все. Все услышали, но не понял никто. Даже лорд Дар-Пассер, придвинувшийся поближе, чтобы, если лорд Хару не успеет, дать ход распоряжению королевы, спотыкается на полшаге и переспрашивает недоуменно:

- Ч-ч-то?

- Дуэм, - повторяет Китти, теперь уже оборачиваясь к распорядителю поединков.

Трибуны взрываются моментально. Хохотом, яростными криками, оскорбительным улюлюканьем. Среди всеобщей истерии островком спокойствия выглядят несколько мест на заднем ряду, где сидит с гордо выпрямленной спиной, но крепко сцепившись в руку младшего брата леди Койя, а на лице ее напряжение и страх уступают место недоверчивости и облегчению. И как кладбищенский памятник – холодный и неподвижный, прижимая к себе плачущую жену, замер в ложе для почетных гостей лорд Рейвен Дар-Кауда – глава одного из древнейших и, несомненно, богатейшего рода Аккалбата. Он смотрит на брата так, как минуту назад смотрел на Китти лорд Хару – словно в решающее мгновение просит его о чем-то, самом важном в жизни.

Но Меери не видит этого. Он продолжает смеяться, не обращая внимания на гул на трибунах, на брата, гипнотизирующего его взором, на лорда Пассера, который мнетя в нерешительности, будто губы его отказываются произносить стандартный вопрос, на королеву, мгновенно сменившую гнев на милость – получающую необыкновенное, исключительное удовольствие от того, что происходит...

- Лорд Дар-Пассер, Вы, что, язык проглотили? – осведомляется Ее Величество. – Ну, я за Вас. Ваше решение, лорд Меери?

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Какое тут может быть решение, ради святой Лулуллы?! Трибуны уже не гудят – они воют от смеха. Лорд Меери Дар-Кауда – дойе Китти Дар-Умбры. Дар-Кауда – дойе Дар-Умбры! Двадцатилетний Меери – дойе одиннадцатилетнего Китти! Ой, сейчас я умру! Ой, я не могуууу! Со всех сторон слышится хохот, переходящий в визг или хрипы, извлекаются из карманов носовые платки, кто-то уже сполз под лавку и давится там от восхищения. Только в почетных ложах, занимаемых старейшими семействами Фалько, Эселей и Кауда, вместо смеха – презрительные усмешки и недовольный ропот. Какое тут может быть решение, ради святой Лулуллы? Как он вообще посмел, этот мальчишка? Хорошо, что у лорда Меери есть честь. Он не бился в полную силу – пожалел убогого (глупость, конечно, но вот ведь выиграло в нем благородство – ладно, не запрещается, тем более, что убогий – пасынок сестры жены его старшего брата, а леди Койя – известная ведьма, в чем со времени ее трансформации убедились уже все дары). Но пойти под дуэм к несовершеннолетнему неумехе, полукровке, рядом с которым стоять-то благородному дару Кауда стыдно? Конечно, Меери выберет смерть. И это послужит наглецам Умбра хорошим уроком. Вон как грозно сведены у лорда Рейвена брови: оскорбление не пройдет даром, он оплачет младшего брата, но слезы его отольются кровавыми слезами клану Дар-Умбра.

- Да.

- Ч-ч-то? – похоже, лорд Дар-Пассер полностью утратил контроль не только над ситуацией, но и над собой.

- Я сказал, да, - лорд Меери уже не смеется. Он совершенно спокоен, чего не скажешь о зрителях на трибунах. Ее Величество торжествует: ради одного этого стоило устроить подобный турнир! *Сола, милая Сола! Как жаль, что ее здесь нет! Я душу из лорд-канцлера вытрясу, пока он не объяснит мне, что за внезапная болезнь свалила его жену! Приходится развлекаться одной.*

- Лорд Китти Дар-Умбра!

Королева – сама благосклонность. Она поощрительно кивает Китти, не забывая следить за светопреставлением на трибунах:

– Ну что же Вы не подойдете ко мне со своим избранником?

Китти, стоявший все это время как каменное изваяние, отмирает. Он выглядит таким же спокойным, как и Меери. Протягивает ему руку, делает жест головой в сторону королевы. Меери коротко кивает, почему-то, прежде чем вложить свою ладонь в ладонь Китти, натягивает перчатку, поднимается с колен. Они вместе делают несколько шагов в сторону трона, обходя по дороге застывшего в недоумении распорядителя. Дар-Пассеру не до них, он, как и все, смотрит на Рейвена Дар-Кауда. А лорду Рейвену не до того, что происходит на арене: он грозно рыкнул на нескольких молодых лордов своего клана, которые повскакали с мест при последних словах лорда Меери, и старательно вытирает слезинки с прекрасных глаз леди Эллы.

Только когда Меери, проходя мимо, все-таки ловит его взгляд, Ревен возводит глаза к небу и делает шутовской жест рукою по горлу, будто сам себя душит. Меери в ответ чуть заметно пожимает плечами. Смысл этой пантомимы ускользает, кажется, ото всех, кроме леди Койи,

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

нагнувшейся вперед так, что ее черные волосы закрывают поле зрения сидящим на переднем ряду дарам. Но они терпят – спорить с этим демоном в юбке себе дороже.

Китти и Меери тем временем, серьезные и решительные, добираются до подножия трона и получают разрешение королевы на дуэм. Друг на друга они не глядят. Радость Ее Величества, конечно, омрачается тем, что Китти несовершеннолетний. Но – как только, так сразу – она шутливо грозит им пальчиком и отпускает новоиспеченную пару «отдыхать под трибуны».

Китти Дар-Умбра

Китти чувствует, как железный кулак, сжимавший с утра его сердце, желудок и все остальные органы, медленно разжимается. Все уже кончилось. Он был как в тумане, но все правильно сделал, судя по тому, что оба они живы, их отпустили и сейчас, наверное, отец с Койей заберут его и можно будет полететь домой. А с этим Дар-Кауда они как-нибудь договорятся. Ведь Китти несовершеннолетний, а этому – уже целых двадцать шесть лет.

В подтрибунном помещении шум и суета. Кто-то кричит, размахивая руками, так наседа на собеседника, будто хочет кинжалом приколоть его к стенке. Кто-то жалобно всхлипывает. Прямо на коленях или на полу разматываются свитки, составляются какие-то документы. Словно сквозь сон Китти видит верховного лорда Дар-Акила, тычущего пальцем в какую-то строчку на пергаменте, повторяющего раз за разом «невозможно объединить... граница по горам... невозможно объединить...». Видит нескольких деле в лиловых платьях, какие носят только в семействе Эсилей, прикладываящих широкие рукава к шее светловолосого парня, у которого глаза расширены от ужаса, и приговаривающих: «Да, милый, тебе, безусловно, тоже пойдет... Не правда ли, лорд Дар-Гавиа?» И с легким южным акцентом, показывая белые зубы на темном от загара лице, соглашается лорд Дар-Гавиа, и нежно, приподняв кончик своей длинной косы, проводит ей мальчику по щеке. Тот заливается нехарактерным для даров Эсиля румянцем. Прекрасные деле хохочут.

Китти испуганно сглатывает, ему уже не кажется, что все закончилось и сейчас их отпустят домой. То, что творится на широких деревянных скамейках, поставленных вдоль стен, вовсе пугает. Обычно на них укладывают и обрабатывают раненых, вынесенных с турниров. Или сидят и напиваются после или во время боев старшие дары, уже пресытившиеся видом мечей и крови. Сегодня здесь сидят друг у друга на коленях или плачут друг другу в колени, уговаривают, обнимаются, гладят друг друга по волосам, рассматривают крылья, целуются... Молодость есть молодость, и, пока главы семейств заключают дуэмные соглашения, есть время и грешно его не использовать.

- Ты, что, правда, тупой? Кто должен кого теперь вести за руку? – шипит ему в ухо Меери, и Китти вскидывает на него полные слез глаза.

- Что я тебе теперь должен? – отчаянно спрашивает он.

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Ааа, - разочарованно машет рукой Меери и, прокладывая себе путь среди совещающихся старших даров, плюхается на свободное место.

– Иди сюда, - стучит он по скамейке ладонью.

Китти покорно делает шаг вперед и замечает, *что* происходит на соседнем месте, практически в полуметре от руки Меери. Это для него уже слишком. Сам Меери, скамейка, все полутемное помещение переворачиваются у Китти в глазах, и он летит вверх тормашками в мягкую тьму.

- Подлец! Скотина! Тебе нужно было сделать лишь шаг!

Голос отца выводит Китти из забытья. А может не голос отца, а струя холодной воды, стекающая по лицу и за шиворот. Койя старательно выжимает мокрую тряпку. Губы у нее осуждающе сжаты, на Китти она не смотрит. Что опять не так? Что еще он неправильно сделал? Китти немного приподнимается, и соображает, что кричат не на него, а на Меери. Тот сидит, вжавшись спиной в угол, скрестив на груди руки, над ним нависает отец, потрясающий кулаками, вокруг них – свободное место, образованное кружком негодующих даров.

- Что случилось, Койя?

- А, ты очнулся. Да, собственно, ничего. Просто ты грохнулся в обморок, а Меери мало того, что не подхватил тебя, когда ты падал – он не сделал и шагу, чтобы тебя поднять. Тебя чуть не затоптали. А теперь того и гляди затопчут Меери за то, что он тебе не помог. Это, знаешь ли, дары Аккалабата. Помнишь, как они неистовствовали на арене, когда ты осмелился объявить дуэм дару Кауда? Теперь, когда дуэм заключен, их настроение изменилось: дойе, не пришедший на помощь каруну, когда ему плохо – это не укладывается у них в головах, это удар по традициям Аккалабата. Меери сейчас для них – прямое воплощение демона Чахи. Так что, если ты не заступишься, ему придется несладко.

- Я за него? Койя, ты шутишь. Он в тысячу раз сильнее.

- Ты его карун. И ты сам этого захотел, позволь напомнить.

- Койя, я не думал, что это все так...

- Серьезно? – подсказывает она, и глаза у нее бездонные и ледяные, как жерла умбрениских пещер в декабрьские морозы.

Китти молча кивает.

- Когда-нибудь, если ты еще что-нибудь начудишь... подобное, - медленно произносит леди Койя, разглядывая зазубрину от меча на стенке в метре над его макушкой. – Я откручу твоему отцу голову. Не надо было держать тебя вдали от Хаяроса, прятать от реальной жизни за умбренискими скалами. Вот результат. Хару, отстань от Меери, - говорит она таким же ровным, безжизненным голосом. – Или ты хочешь, чтобы они (Койя поводит рукой в сторону угрожающе рокочущего кружка даров) разорвали в клочья дойе твоего сына? Отойди, и пусть эти двое разбираются сами. И всех это тоже касается...

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Койя ни разу не повысила голоса, но руку ее, скользнувшую в складки пышного платья, заметили все. Еще со времени свадьбы леди Эллы прошел слух, что леди Койя носит под фалдами пару острых кинжалов и неплохо умеет ими пользоваться. Кто распустил этот слух – неизвестно, но связываться не хотелось. День и так был чересчур богат на события. Поэтому кольцо даров разомкнулось, и каждый из них занялся (или сделал вид, что занялся) своими делами. Единственный, кто не прореагировал, был лорд Хару. Он по-прежнему угрожающе нависал над Меери и даже размахнулся для хорошей затрещины.

...

- Лорд Хару, успокойтесь. Мой брат не мог.

Не обязательно выглядеть медведеподобно, чтобы иметь стальные мышцы. И лорд Рейвен сейчас наглядно это доказывал. С легкостью перехватив руку лорда Хару, он медленно заводил ее тому за спину. Лорд Хару подергался – хватка была железная.

- Чего он не мог, твой брат? – нарочито грубо спросил Хару. Хватит с него этих рафинированных аристократов, этих вырожденцев, кичащихся своим древним происхождением, в то время как на самом деле они не далеко ушли от тупых животных, на которых мы охотимся в лесах и горах!

– Не кричать над моим сыном он не мог?

Лорд Рейвен отпустил его руку.

- Ах, Вы и это помните.

- А то б мне не помнить. Китти мне все рассказал. Малец сам не понял, что это значило, но я-то знаю.

- Да? – в голосе Рейвена зазвенела тихая ярость. – И что же Вы знаете?

- Койя, о чем они? – нервно заерзал Китти. Воспоминание о первом близком знакомстве с Меери было не из приятных.

- Понятия не имею, - честно сказала она. – Но, похоже, от кандидатов на смертоубийство здесь становится тесно. Господа мои, давайте выйдем на свежий воздух.

- Там льет, как из ведра, - бросил через плечо уже овладевший собой лорд Рейвен.

- Ничего. Зато охладитесь, - парировала Койя. – И мне показалось или мы собираемся обсудить нечто очень личное?

Задыхающиеся дары обвели глазами комнату. Народу в ней поубавилось, но лишних ушей оставалось достаточно. Они смерили друг друга ненавидящими взглядами и согласно кивнули.

- Меери, ты идешь с нами, - отрезал лорд Рейвен.

- Китти, ты тоже, - присоединился лорд Хару.

Меери, который на протяжении этой ссоры смотрел только на Китти, вытянул ноги, потряс ими, словно демонстрируя, как они у него затекли за время столь долгого и бессвязного разговора, и сразу за этим легко вскочил. Протянул Китти руку:

- Пошли, что ли, мой карун.

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Китти, секунду подумав, тоже протянул руку. Точнее, потянулся пальцами к ладони Меери, но не успел. Потому что между ними со свистом прорезал воздух узкий клинок лорда Рейвена. Китти едва сумел отдернуть ладонь. Меери картинно подул на кончики пальцев.

- Брат мой, - пафосно проговорил он. – Ты чуть нас не покалечил.

- Ничего, - серьезно ответил Рейвен. – Тебе бы было полезно. Не трогай мальчишку. Здесь я и дары Эсиля в количестве не меньшем, чем пять штук. Тебе кажется, ты недостаточно украсил собой королевский праздник?

Китти показалось, что в светлых глазах Меери мелькнул испуг. Во всяком случае «Извини» он проговорил поспешно и, вроде как, искренне. Койя и Хару недоуменно глянули друг на друга. Было видно, как им не терпится выбраться из этого душного помещения под освежающий дождь и вытрясти из Дар-Кауда все, что те имеют сказать в свое оправдание. Поэтому даже выходку с мечом они Рейвену спустили.

- Так что, мы идем или нет? – подала голос Койя.

Дары Умбрена и Кауда

На улице дождь хлестал, как водопад Эль-Зимбера. Укрытые под навесом лошади вздрагивали мокрыми боками, пугливо прижимали уши при каждом раскате грома. На лужах вспучивались и лопались огромные пузыри – похоже, что зарядило надолго. Не обращая внимания на то, что ее ноги по щиколотку увязали в траве и раскисшей глине, Койя первой добралась до брошенной торговцами большой крытой телеги на дальнем краю поляны, откинула полог и заползла внутрь.

- Лорды, - раздался из темноты ее голос. – Здесь сравнительно сухо, есть сено, а дождь шумит так, что нет необходимости опасаться, что кто-нибудь нас услышит. Если вы не побрезгуете, дорогие настоящие и будущие родственники, то мы могли бы уединиться здесь.

Дары переглянулись.

- У Ко всегда было неплохо с головою, - одобрительно пробормотал лорд Рейвен. – После тебя, Меери.

Меери покорно скрылся под пологом. Рейвен залез вслед за ним. Лорд Хару обернулся к Китти:

- Ну, что же ты?

- Пап, я не могу.

- Китти, ты не прекрасная деле. И никогда ею не станешь, судя по твоей сегодняшней выходке. О том, чем ты думал, когда решил притащить к нам в дом это сокровище (лорд Хару дернул плечом по направлению к отверстию, в котором только что исчез лорд Меери), я поговорю с тобой позже. Выбрав себе дойе, ты принимаешь на себя ответственность не только за свои, но и за его поступки. А ты капризничаешь... и реवेशь, как девчонка.

- Пап, это дождь.

Лорд Хару устало вздохнул. Девчонок у даров не было уже несколько сотен лет, но выражение сохранилось. Раньше он плохо понимал его смысл. Теперь же сомнений не было: его собственный

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

сын стоял перед ним измотанный и до предела опустошенный и ревел... как девчонка. Но если сейчас не затащить его в эту телегу и не заставить там на равных, как взрослого, участвовать в переговорах с Дар-Кауда, грош цена всему его воспитанию. И позора не оберешься. А позориться перед этими вырожденками-аристократами он не собирался. Поэтому жестко взял Китти за плечо и толкнул к телеге.

Выродки-аристократы тем временем не дремали. Старший из них высунулся из-под матерчатого полога и сказал неожиданно дружелюбно:

- Хару, пусть остается. Он, правда, маленький. Помокнет чуток, потом отпоишь эгребским. Залезай давай.

Хару в последний раз глянул на Китти, при первых же словах лорда Рейвена сползшего вниз и устроившегося в обнимку с колесом телеги, убедился, что ребенок во всяком случае уселся не в лужу, а на торчащий из травы камень, и полез внутрь. Там было сухо. Койя сидела, обхватив колени руками, уютно примостившись подбородком в гнездышко между коленями. Меери жевал сухую травинку. Весь его независимый вид куда-то исчез, даже в темноте было видно, что вокруг глаз – светлых, но не матовой непроницаемой белизной, как у даров Эсиля, а водянисто-прозрачных, будто в какую-то голубизну уходящих – залегли морщинки усталости. Рейвен выглядел как всегда, устроился удобно, сбросив мокрый орад и законопатив им щель, в которую дуло. Лорд Хару орад снимать не стал, пристроился рядом с женой, ждал терпеливо. Наконец, Рейвен поднял глаза:

- Хару, я хочу это закончить.

Лорд Хару взорвался мгновенно:

- Закончить? Ты, мразь...!

И ощутил не по-женски крепкую руку леди Койи у себя на запястье.

- Хару, не надо. Давай их выслушаем. Тем более, что я не поняла, что Меери кричал нашему Китти и почему это так важно.

- Не Китти. *Над* Китти. И не *что* кричал, а просто кричал. Просто умилительно, насколько в ваших, молодых кланах не интересуются историей Аккалабата, - в тоне Рейвена звучала такая грустная ирония, что Койя даже не стала протестовать. Ну не интересуются и не интересуются. Скорее бы он перешел к делу.

- Меери кричал, точнее, впервые крикнул над Китти в день, когда ты была... эээ, извини...

- Представлена ко двору, - подсказала Койя. – Не волнуйся, я этот день хорошо помню. Как и все вы. Согласись, ты единственный дар на Аккалабате, который прилюдно обращается на «ты» к чужой деле, будь она даже сестрою твоей жены. «Вы», по всей видимости, я не заслуживаю.

Рейвен застыл. Он действительно не заметил. Так же, как, понуждаемый воспитанием и долгой благородной линией крови, он, не задумываясь, говорил «Вы» любой прекрасной деле Аккалабата, так он автоматически обратился сейчас на «ты» к леди Койе. Непростительно. Но это казалось таким естественным. И как же теперь продолжать разговор?

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Брось, Ко. Не придирайся. Мы же тебе не мешаем носить кинжалы.

Голос Меери прозвучал глухо, как из подземелья.

Из груди лорда Хару вырвалось какое-то нечеловеческое рычание. Койя ловко перехватила его руку, протянутую к горлу Меери, сказала со вздохом:

- Ладно. Только называй меня Койей. Я все-таки женщина.

Спрятала руку мужа у себя на груди, навалилась всем телом. Он проворчал:

- Койя!

- Хару, пусть они мне расскажут.

- А чего им рассказывать? – взвился лорд Хару. – Я сам тебе объясню. Ничего нового. Просто вас, Дар-Халемов, гоняют и в хвост и в гриву по фехтовальной площадке, вот вам и некогда читать книжки. А у нас, в Умбрене, зимой, когда все застывает, или во время летнего урагана... библиотека, конечно, небогатая, но волей-неволей садишься и читаешь. Так вот, эти... Дар-Кауда. И остальные древние роды. Когда начались дуэмы, им, видишь ли, семейная гордость не позволяла. Они просто не могли, как другие, договариваться, уговаривать, заставлять иногда своего каша – *того, кто стоит за спиной* – стать своим дойе или каруном. И начали вымирать. Но природа им не дала. Начала сама ими распоряжаться. Не оставила выбора.

- Хару, какой ты красноречивый, - не сдержался лорд Рейвен. – Скажи просто: в нас заговорили животные чувства. Громко так заговорили.

- В общем, не знаю, как это получилось, Койя, но если кто-то из них чувствует физическое влечение к другому дару, то это нельзя контролировать. Это не так, как у всех: вычесывали друг друга, потом заключили дуэм, решили подождать еще годик-другой, потом поженились. Это неудержимо прорывается наружу – как крик, истошный звериный крик - когда одуревший от желаний Кауда видит свою добычу. Они полностью теряют человеческий разум, бросаясь на...

- Это когда же я на него бросился? Я прятался от него, сколько мог, а ты, как назло, таскал его всюду, - Меери весь зашелся от возмущения. – Хорошо хоть на свадьбу Рейвена сообразил не приводить. Мне бы пришлось весь праздник торчать у себя в комнате.

- Лорд Хару слегка передёргивает, леди Койя, - вставил Рейвен. – Но общую канву передаёт верно. Наши семейные летописи в красках рассказывают о том ужасе и стыде, который испытывали наши предки, когда их чувства – чувства, Хару, а не животная похоть! – прорывались наружу. Нас начали сторониться. Представь себе: кому это может быть приятно? Идешь ты с сыном по ярмарочной площади, задерживаешься у лотка с перчатками или там клинок поточить, а рядом останавливается лорд Дар-Кауда. Или Дар-Фалько. Пять минут смотрит на твоего дорогого ребенка, дожидаясь своей очереди, пока точатся кинжалы и меряются и подгоняются по руке перчатки, и вдруг ты слышишь над ухом... Это непередаваемо. Хару сказал, что это звериный крик. Я не знаю животного в наших лесах, которое издавало бы такие мерзкие и громкие звуки. И главное, это невозможность с собой совладать, переждать, сделать все в рамках общепринятых на Аккалбате обычаев. Тащить и обладать, не слушая крики и просьбы избранной жертвы. Вот, во

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

что нас превратила природа. Понимая, насколько мы стали опасны, мы стали прятаться, запирали себя в замках, заключать браки только среди своих. Тогдашняя королева разрешила нам присылать на турниры и отправлять в действующую армию только женатых даров.

Рейвен перевел дыхание.

- Ты сказал, Фалько тоже?

- Все три древнейшие рода. Эсиль, Фалько, Кауда. Только каждый из нас стал решать эту проблему по-разному. Фалько дюжинами свозили к себе в замки, где были, так сказать, юнцы на выданье, молодых даров из менее родовитых семейств, готовых на все, лишь бы вскарабкаться по придворной лестнице или сделать карьеру в храме Святой Лулуллы. Чем ниже и – извини, Хару – грязнее была кровь претендента, тем желаннее он был в качестве гостя в замках Дар-Фалько. Думаю, что они и тейо не брезговали.

Кричать они своим не давали. Сразу же в день совершеннолетия – в постельку с выбранным тебе родителями дойе. Когда древняя кровь оказалась разбавленной в должной мере, крик прекратился. Дары Фалько восстановили свое положение в обществе, пожертвовав внутренним временем и красотой породы. Обрюзглые, красномордые... дышат уже в двадцать лет, будто им шестьдесят. Ты знаешь хоть одного из них, кто фехтовал бы лучше среднего?

Койя отрицательно качнула головой. Рейвен продолжал:

- Самая главная тайна Аккалабата – то, что сделали со своим криком Эсили. Сами они не кричат, насколько я знаю. Но нам отзываются. Поэтому я и не разрешил Меери взять Китти за руку там – под трибунами. И вознес десять молитв королеве Лулулле за то, что он не стал его поднимать, когда парень грохнулся в обморок. Лорд-канцлер бы не сказал нам спасибо. Если бы мы вообще выбрались оттуда живыми...

- Это я не поняла, - Койе хотелось, чтобы самое отвратительное осталось, наконец, позади, но, похоже, Рейвен только к этому подбирался.

- У крика древнейших семейств, Койя, есть еще одно нехорошее свойство. Он заразителен. Действует, правда, только на тех, в чьих жилах течет кровь наша или Эсилей, но противоядия от этой заразы нет. Если один дар Кауда начинает кричать над своим избранником (я предпочел бы это слово, Хару, а не *жертва* или *добыча*), то при сем присутствующие Кауда (и говорят, что Эсили тоже – я лично не проверял) теряют контроль над собой. Только тогда они выбирают уже не предназначенную им природой... хмм... добычу, а бросаются, не разбирая, на любого, кто рядом. Или под любого, кто рядом. Хороши бы мы были, если бы позволили молодым Дар-Эсилям, случившимся под трибунами, выставить себя в таком свете.

- То есть они бы кинулись... - Койя остановилась, но заставила себя договорить. – Прилюдно, на первых попавшихся.

- Койя, позволь я буду жестоким. Кинулись бы. Сорвали одежду. Это было бы изнасилование почище, чем... ты понимаешь, кого я имею в виду.

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Ему показалось, или Койя вздрогнула всем телом? И Меери потянул его за край безрукавки: не надо, брат, хватит.

- Я не верю. Не верю вам, лорд Рейвен. Это невообразимо: Меери поднимает Китти на руки и...

- И теряет человеческий облик. А вслед за ним, скорее всего, и все находящиеся вокруг дары Эсиля. И, вероятно, я, муж вашей сестры, моя леди. Я ведь ее не трансформировал.

- Он говорит правду, Койя, - вставил лорд Хару. - Только нам с тобой от этой правды не легче. Наверное, тебе лучше было б не знать, кто будет расхаживать через три года у нас по замку. Они ведь поселятся с нами, лорд Рейвен? Я никогда не позволю, чтоб Китти...

В ответ раздался сухой смешок.

- Через три года Китти будет совершеннолетним. И сам решит, где они будут *расхаживать*. Смею заметить, лорд Хару, что данное слово по отношению к Вашему замку, учитывая его размеры, выглядит несколько неуместным. Меери, надеюсь, у тебя хватит ума объяснить своему будущему мужу, в какой из твердынь дариата Кауда хотела бы расхаживать его деле?

- Уж как-нибудь разберемся.

- Королева в вас еще не наигралась, учтите это, - Рейвен окончательно перешел на деловой тон. – Она, в отличие от леди Койи, прекрасно знает историю и будет настаивать, чтобы вы виделись эти три года. Но этот вопрос я решаю. Койя, не надо так яростно блеснуть на меня глазами – солома воспламенится, а мы на ней сидим. Так, я объяснил вам, почему Меери не мог помочь Китти, обрисовал ближайшие перспективы. Что-то еще?

Вроде бы, ничего, но была в стройном и страшном рассказе Дар-Кауда какая-то неувязка, не желавшая отпускать Койю, цеплявшая ее сознание, как репейник подол шелкового платья. Ага, вот оно!

- Последний вопрос, Лорд Рейвен. Меери и Китти держались за руки, когда подошли к королеве. И никто не кричал.

- Упоение боя, миледи. Всего лишь упоение боя. И застегнутые наглухо перчатки. Меери дрался с отпущенным внутренним временем. После этого требуется некоторое время, чтобы физиологические процессы пришли в норму. В том числе сексуальное влечение. Да, я забыл упомянуть, что, разумеется, после трансформации моего брата никакой опасности ни для Китти, ни для окружающих нет. Мы, Дар-Кауда, умеем быть верными.

Краска бросилась Койе в лицо. Конечно, Рейвену ничего не известно, если только Элла не проговорила, а с нее станется! Был ли это завуалированный намек на ее супружескую неверность, точнее, на то, что в глазах всего Аккалабата должно было выглядеть как супружеская неверность? Гнев вспыхнул в ней пламенем, и это пламя, не видимое снаружи, осветило ее сознание.

Нет, не то, что Меери и Китти держались за руки, уходя с арены, показалось ей не соответствующим рассказу Дар-Кауда! Было другое, главное, самое важное, и, пока она не выяснит этого, она не уйдет. Лорд Хару между тем, тронув ее за плечо, начал неторопливо

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

переваливаться через край телеги. Она сделала вид, что последовала за ним, но в последний момент замерла, повернув к Рейвену голову:

- Я не люблю, когда мне врут, милорд. Никогда не любила. Если это влечение, выраженное криком, так неотвратимо и не оставляет для даров Вашего клана возможности выбора, то почему Меери согласился идти *под* дуэм? Он же хотел Китти... - она сглотнула. - Хотел трансформировать Китти. А это разные вещи. Карун и дойе. Дойе или карун. Этими местами не меняются.

- Полная дура, - с сожалением проговорил Рейвен. - А такая красавица. Сказывается общение с лордом Хару. Кто тебе говорил, что он хотел трансформировать Китти?

- Рейвен, ты не объяснил ей разницу, - вступился Меери. - Койя, не обижайся на моего брата. Ему действительно неприятно про это рассказывать. Поэтому он, воспользовавшись тем, что Хару сразу назвал звуки, выдающие наше сексуальное напряжение, криком, не стал уточнять. Так и говорил тебе все время про «крик». А на самом деле...

Он остановился, провел рукой по лбу, почти жалобно попросил:

- Рейвен, пожалуйста, я сам не могу. Это так... противоестественно. Я имею в виду, для нее будет противоестественно. Для меня-то нормально.

Койя раскрыла было рот, чтобы произнести что-нибудь типа «Я долго буду сидеть здесь с одной ногой под дождем, а второй...», но от просительной интонации в голосе Меери рот тут же захлопнула.

- Хорошо, - просто согласился Рейвен. - Звуки, которыми мы выражаем наши желания, бывают двух видов, в зависимости от того, что мы хотим. Если бы я... смог когда-то дотронуться до Элджи. Не так, как мы делали, нарываясь на драку, с запущенным внутренним временем, а по настоящему. Это звучало бы так...

«Курлыканье, - подумала Койя. - Или воркование. Так бы я назвала это. Это не крик. Это зов. Жалко, что Элджи не довелось это услышать. Чрезвычайно приятные звуки. И теперь ясно, почему эти уроды всегда его так донимали. Рейвену просто хотелось дотронуться».

Неприятный, режущий уши звук заставил ее вздрогнуть.

- Вот. А это... я не совсем точно показываю. Должно быть в десять раз громче и омерзительнее. Это крик. Когда ты зовешь, чтобы *тебя* взяли. Я думал, я твоего Китти в окно выкину, услышав это первый раз от Меери. Вообрази: коридор королевского замка, мы сломя голову мчимся увидеть, что случилось с тобою и Элджи...

- Меня не приплетай.

- Хорошо, с Элджи. И тут эта мелкая дурость вываливается из окна, Меери хватает его за шиворот... И я слышу, как мой родной брат издает подобные звуки над одиннадцатилетним мальчишкой. А потом они еще ухитрились протиснуться в зал вслед за нами и встать неподалеку. Мне не до Эллы было, клянусь демоном Чахи, я пытался в толпе Меери от них оттеснить подальше. Только об этом голова болела. Ну а когда Вашим светлостям приспичило покинуть зал

1 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

ровно в тот момент, когда я на лестничной площадке голову готов был себе размозжить от стыда, что не помог своей девочке, что позволил над ней так измываться... И Меери снова повело к Китти.

- Ну хватит уже, она поняла. Да, Койя? – в такой темноте даже дары Аккалабата не видят выражения глаз друг друга, но боль, стоявшую в зрачках у Меери, Койя почувствовала физически.

- И ничего нельзя было сделать? – спросила она. И снова скорее почувствовала, чем увидела, как Рейвен помотал головой. Судя по шороху соломы, он одновременно выковыривал из дыры свой свалывшийся орад. Повеяло холодом.

- А что можно? Выбор-то сделан. Мы, конечно, планировали попрытаться еще годика три, пока малец подрастет. А потом уже что-то предпринимать. Все-таки родственники теперь, как-нибудь бы договорились. Только Меери нервничал все время, что вдруг бы Китти ушел к кому-нибудь под дуэм за эти три года.

- Не ушел бы.

- А что тогда?

Это Меери и Койя сказали одновременно. И одновременно друг другу ответили.

- Одиночество.

- Знаю.

- Ты уж уговори его как-нибудь, Койя, - резюмировал лорд Рейвен. – Конечно, когда прекрасная деле вдвое старше, чем муж, это не дело. Но кто знает? Может, стерпит-сялюбит. В крайнем случае, придумаем что-нибудь.

- Ага, а еще я могу попросить у лорд-канцлера, чтобы он ее отравил.

- Кого?

- Ну, его. Леди Меерю.

С осознанием того, что теперь она вряд ли что-то может попросить у лорд-канцлера, к Койе вернулось хорошее расположение духа. *Почему меня всегда так утешает, когда некоторым хуже, чем мне? Вот сейчас они разозлятся и задушат меня прямо здесь на соломе.*

Братья Дар-Кауда, однако, ничуть не обиделись. Будущая «леди Мееря» даже жизнерадостно хмыкнула, словно перспектива быть отравленной по приказу лорд-канцлера выглядела забавной.

- Койя, вылезай. Мальчик совсем продрог, - зашевелился снаружи лорд Хару.

- Иду уже.

Она протянула руку для поцелуя лорду Рейвену, да так царственно, что он не осмелился фыркнуть, хотя, очевидно, очень хотелось. Меери просто потрепала по макушке и, удивившись себе, чмокнула в лоб. Он обалдело пробормотал «спасибо».

«Что-то я совсем становлюсь «мамочкой», - вздохнула Койя, выпроставшись из-под намокшего полога и ожесточенно вытряхивая из нижней юбки солому. - Ну и хорошо, на личном-то фронте мне
ничего
не
светит...»

18 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Глава 8. На личном фронте и фронте военном

Лорд Дар-Эсиль, леди Дар-Эсиль

- Королева тобой недовольна. Ты долго собираешься валяться в постели?

Какое же заспанное и отвратительное у нее лицо! Опутанное волосами и изуродованное мелкой паутинкой синих сосудов на висках.

Леди Сола не достаивает его ответом.

- Я спросил тебя, как долго...

- Еще по меньшей мере три месяца, мой господин.

Сказала как выплюнула. Ненавижу-ненавижу-ненавижу.

- У тебя есть два дня. В выходные охота в честь...

- Папа, ты, что, сошел с ума?

- Сид, откуда ты здесь взялся? Я запретил тебе заходить в эту комнату!

- Папа, она беременна.

Сид заботливо наклоняется над постелью, подтыкает подушку, тянется за чашкой воды к прикроватному столику. Лорд Дар-Эсиль с силой бьет его по руке.

- Что это за спектакль? Что это за юродство, я вас спрашиваю?

- Корво...

- Не смей называть меня по имени!

- Лорд Дар-Эсиль, - с усталым безразличием произносит Сола, и он вдруг догадывается, как ей тяжело говорить. – Я еще раз повторяю Вам то, что сказал минуту назад Ваш сын. Я жду ребенка. Я не знаю, почему не смилостивится наконец над нами святая Лулулла и не даст мне выносить и родить без страданий и боли. Но я это дитя, зачатое от Вас, выношу. И зачну другое. И я не позволю себе умереть, пока у лорд-канцлера Аккалбата не будет троих – ты слышишь меня, лорд Дар-Эсиль! – троих наследников. Только потом я попрошу святую Лулуллу, чтобы она забрала мою душу к своему сияющему трону.

- К демону Чахи ты попадешь, а не к святой Лулулле!

- Отец, не кошунствуй!

Почему в последнее время от каждого разговора с сыном мне хочется выхватить меч? Эта ведьма ведь только того дожидается. Когда они успели спеться? Не могу поверить, как ловко ей удалось отдалить Сиду от меня. Мы постоянно с ним ссоримся, даже уже и не помню, когда последний раз разговаривали нормально. Вообще, создается впечатление, что он меня избегает. А судя по тому, как уверенно он вытаскивает из прикроватной тумбочки полотенце и утирает им нашей домашней мегере испарину на щеках, в этой комнате он завсегда. И она принимает его заботу как должное. Что происходит у меня в доме?

18 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Лорд-канцлер еще раз дзенькнул мечами, чтобы обратить на себя внимание сына. Никаких эмоций – стоит как стоял на коленках возле кровати, чуть ли язык не высунул от усердия. Тошнотворно. До омерзения тошнотворное зрелище.

Сид между тем распрямился. Что-то покатилося по полу, выпав из кармана орада. Он оживился, хлопнул себя по лбу:

- Сола, я и забыл совсем!

Молниеносно подобрал, приобрел вид торжественный и веселый.

- Это тебе из храма святой Лулуллы. Амулет, помогающий родам.

У лорд-канцлера глаза полезли на лоб. Он, как и все на Аккалабате, знал, чего стоит получить такой амулет от Дар-Фалько, издавна служащих посредниками между прекрасной родоначальницей аккалабов и ее потомками. С одной стороны, он находил правильным, что предки предпочитали надеяться на себя, а не на талисманы и воздвигли целую паутину требований и запрещений, преодолеть которые для обретения материализованной благосклонности святой Лулуллы решались не многие. В то же время его изворотливый ум подозревал, что частично препоны, предстоящие желающим заручиться поддержкой пресвятой королевы в виде амулета или ладанки с искрами от сияющего престола, были изобретены самими дарами Фалько. Те, в силу жирности своих не только телес, но и мозгов, не способные к тому, чтобы проявить себя на ином поприще, ревностно охраняли свои родовые привилегии. Среди лорд-канцлеров Аккалабата случались Дар-Кауда или Дар-Акила, на пост верховного маршала могли претендовать Дар-Пассеры или Дар-Эсили (все зависело от того, какие сражения собирались вести царствующие королевы – военные или дипломатические), но служителями храмов Лулуллы испокон веков были Фалько, и только Фалько. Судя по тому, что все предшественники нынешнего лорд-канцлера махнули на это рукой, ему оставалось последовать их примеру.

На Сиде, осторожно надевавшего Соле на шею цепочку с граненым шариком – деревянным, но искрящимся даже в полутьме спальни, лорд Дар-Эсиль смотрел с удивлением. Такой шарик – вспомоществование роженице – стоил по прейскуранту Дар-Фалько двухсот часов коленопреклоненной молитвы с железным отягощением. Иными словами, чтобы получить этот шарик алкающему предстояло провести в общей сложности почти пять дней на коленях в молебном приделе, где температура даже летом не поднималась выше нуля. Обнаженному, с руками, закованными за спиной, и «затвором таинств» на шее. На затвор таинств – приспособление из специально проржавленного железа, с шипами и гириями – даже смотреть было страшно, не то, чтобы нацепить его на себя. Ответ на вопрос, почему эта штука использовалась для сопричастий святой Лулулле, а не в пыточном подвале дворца Дар-Аккала, затерялся в веках, равно как и сам смысл обряда. Дар-Фалько, когда их спрашивали, бормотали что-то про готовность терпеть на земле и добровольно выступить в путь к сияющему престолу. Эту

18 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

готовность нужно было продемонстрировать, дабы искры престола наполнили кусочек темного дерева.

Прочие дары, в быту любившие поминать святую Лулуллу к месту и не к месту, особой религиозностью не отличались и не стремились понять, каким образом стояние на коленях в промозглом холоде и темноте со странными железками, сдавливающими шею и прочие члены, приближает их к сияющему престолу, а их наследников к благополучному появлению на свет. Те же двести часов можно было провести с большей пользой для тела и духа, упражняясь в тренировочном зале или напиваясь «У старого крысобоя»², пока прекрасная деле разрешалась от бремени сама собой. Или не разрешалась, что тоже случалось, однако воспринималось большинством даров как потеря тяжелая, но неизбежная. В общем, затвор таинств по большей части простаивал, и если уж находились на него желающие, то это были как правило простачки из окраинных дариатов. Лорд Дар-Эсиль мог поручиться, что дары Фалько посмеивались, напяливая на них эти вериги. Но чтоб его собственный сын...

Удивление на лице лорд-канцлера сменилось подчеркнутым неодобрением.

- Лучше бы ты посвятил это время изучению карты военных действий, - пробурчал он. – Мало ли что со мною может случиться. Особенно, когда эта ныне вялая и ни на что не способная леди, вновь обретет свой пакостный характер и боевой дух.

- Не лучше бы. И ничего с тобой не случится, - отрезал Сид. – А мне надо было подумать. Помимо всего прочего, - добавил он уже тише и мягче. И совсем уже мягко сказал, обращаясь к Соле, которая сжала повешенный ей талисман в кулаке и, откинувшись на подушку, словно была без сил, провожала Сиду благодарным взором:

- Ты отдохни, мы уже уходим. Не буду тревожить тебя до вечера. Если что-то понадобится, позвони, слуги дежурят под дверью.

Она только молча кивнула. Лорд-канцлеру, который решил поднакопить сил и информации для серьезного разговора с сыном наедине, показалось, что на глазах у Соле блеснули слезы, но он сразу отмел это наблюдение как несущественное.

- После тебя, отец.

Лорд Корво, не прощаясь с женой, высоко вздернул подбородок и вышел. Обернулся, чтобы выпустить в Сиду последнюю струю яда. Проглотил заготовленные слова, услышав, как вздернулись в комнате портьеры и шурхнули крылья: Сид явно был не настроен продолжать дискуссию. Лорд-канцлер грубо оттолкнул подвернувшегося тейо, готовившегося занять пост у

² Так раньше назывался кабак, известный читателям «Сложенного веера» под именем «У старого крысолова». Это не значит, что на Аккалабате теперь применяются более гуманные способы истребления крыс. Просто хозяин в какой-то момент решил сменить вывеску на более благозвучную.

18 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

дверей «этой ведьмы», и отправился во дворец. «Хоть кто-то в этом государстве должен хоть иногда смотреть на карты боевых действий...»

19 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Меери Дар-Кауда, Китти Дар-Умбра

На краю внешней крепостной стены Хаяроса сидят Меери и Китти. Расстояние между ними – полтора метра, и уменьшаться оно не собирается. Китти болтает ногами и делает вид, что крайне интересуется мутным солнцем, которое вяло тащится к горизонту под аккомпанемент всех башенных часов столицы Аккалабата. Меери сортирует содержимое своих карманов, время от времени бросая на мальчишку серьезный взгляд исподлобья.

- А у нас один замок, - сообщает вдруг Китти. – И там папа с Койей. Нам с тобой негде будет жить.

- Зато у нас замков как жаб болотных. Видел когда-нибудь карту Аккалабата?

- Ага.

- То-то же. Ты где хочешь: на севере или на юге?

Китти внезапно шмыгает носом. Меери подвигается на пять сантиметров ближе, в вытянутой руке протягивает платок.

- Спасибо, у меня есть.

- Китти, ты не переживай. Мы действительно очень богатые.

- Не надо мне ваших денег.

- Тебе – не надо, королеве – надо. Рейвен уже решил нашу проблему.

Китти впервые отрывается от закатного солнца, нерешительно взглядывает на Меери.

- Отменить дуэм нельзя, сам понимаешь, - гасит тот едва вспыхнувшую надежду. – Но из-за того, что я такой большой, а ты такой маленький, а главным образом из-за того, что Ее Величество давно не обновляла набор своих драгоценностей... и ей очень нравится охотиться в роще на границе наших владений и земель, принадлежащих короне... В общем, Рейвен договорился, что мы уступим ей эту рощицу и внесем щедрый вклад в сокровищницу Дар-Аккала. За это...

- За это... - эхом повторяет Китти и придвигается на пять сантиметров ближе к Меери.

- Я получаю назначение в действующую армию и отправляюсь усмирять восстание в Кимназе. Есть такой поганый край далеко на юге, куда мы слишком активно ссылали виридских и прочих мятежников. Они там обжились, замутили мозги местным итано. В результате, не избавившись от одного чумного места, мы заполучили второе. И надо с ним что-то делать.

- Почему не послать маршала Дар-Халема? – спрашивает Китти.

- Старик совсем не в себе из-за того, что произошло с его... ну ты понимаешь.

- Да, я понимаю, - кивает Китти и тут же встревоженно спрашивает. – Нет, я не понимаю: ты отправляешься в армию, а насколько? И что будет со мной?

- Ты будешь спокойно жить, как и жил, с отцом и леди Койей в вашем единственном замке, - улыбается Меери. – Когда-нибудь я вернусь, и мы возобновим наши отношения, - пафосно заключает он.

Китти недоверчиво смотрит на него. Это хорошо. Хорошо, что не надо ничего сейчас делать с лордом Меери. Он здорово перетрухал на арене, когда выяснилось, что теперь лорд Меери – его

19 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

дойе и они должны... это самое... Это хорошо, что все откладывается на неопределенное время. Только обидно, что Меери, кажется, тоже доволен - тем, что избавился от него, Китти. Он готов отправиться в действующую армию, только бы не связываться с малолеткой, тем более таким... порченным. Китти никогда не произносил про себя это слово, но сейчас оно показалось уместным. Благородный Дар-Кауда предпочитает гибель от мечей мятежников позорному дуэму. Китти захотелось завывать в голос...

- Эй, малыш, ты, что, вроде, огорчился? – Меери внимательно смотрит на него. От такого не скроешь.

- Еще чего! – Китти отодвигается на пять сантиметров.

- Правильно. К тому же, меня могут там и убить. Так что не спеши переживать раньше времени. Твой шанс попасть ко мне в объятия призрачнее, чем небесный чертог королевы Лулуллы.

Китти задумчиво разглядывает свои руки. Меери терпеливо ждет.

- Я не хочу, чтобы тебя убивали, - делает Китти вывод из созерцания своих ногтей и ладоней.

Меери пытается подвинуться ближе.

- Не надо, - просит Китти. И голос, и вид у него расстроенные.

- Как скажешь, - Меери встает во весь рост, потягивается. – Красиво, а?

Действительно, день выдался ясный (такое ощущение, что этим летом горные демоны, наконец, подавились своими туманами и перестали изрыгать их на столицу) и всё: от маленьких фигурок людей на улицах до бронзовеющих в лучах заходящего солнца флюгеров на дворцовых башнях – видится резко и четко. Ярмарка еще не закончилась, и Хаярос кипит жизнью. Кажется, никому нет дела до грядущей войны с Кимназом. Но и Меери, и Китти знают, что сегодня в лавках торговцев оружием было теснее, чем у мебельщиков и ткачей, а семейство Пассеров в полном составе собралось в резиденции своего верховного дара. Нет более верного признака того, что армия Аккалбата готова выступить в поход. Только поведет ее не старый лорд Дар-Халем, действительно, похожий теперь лишь на тень себя прежнего. И не его сын Хетти, которому «еще рано». А Меери Дар-Кауда, который неожиданно чувствует, как его обхватывают где-то в районе колена и тянут вниз с такой силой, что он с трудом удерживает равновесие. А удержав, плюхается на то же место, где сидел раньше, и уже не видит, как красив Хаярос на закате ярмарочного дня, потому что объятие, из-за которого он только что чуть не полетел вниз головой со стены, смещается выше, робкие руки просовываются под мышками, лезут под крылья, а сопливый мальчишеский нос зарывается в складки орада. Меери начинает часто-часто дышать. Когда этот дуралей успел натянуть перчатки? Слава Лулулле, этот дуралей все-таки догадался их натянуть. Значит, они ему объяснили... Нееееет.

- Китти, я больше не выдержу, - голос у Меери тонкий и напряженный.

- Койя сказала, что можно. В перчатках. Через одежду. Когда рядом больше никого нет.

Я изувечу эту девицу. В голове у нее не мозги, а чешуя демона Чахи.

- Меери, не сдерживайся. Я хочу услышать. Как тогда, в коридоре.

19 июня 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Китти, это не игры. Мне тяжело. Мне очень трудно сейчас сдерживаться, мне больно, Китти.

- Меери, пожалуйста.

- Пожалуйста?

- Докажи мне, что ты меня любишь.

Какие тебе еще нужны доказательства? Если ты сам своих слов не расслышал за тем криком, тем отчаянным призывом, который вырвался у меня. Это я тебя зову, Китти Дар-Умбра. Это тебе я хочу принадлежать, должен принадлежать всей душой, всем телом. Только отпусти меня, маленький мой, потому что ты пока маленький, потому что рано, потому что нельзя...

- Меери...

Меери открывает глаза и видит, что Китти сидит на корточках в полуметре от него, смотрит широко открытыми и ...восторженными? глазами.

- Что, испугался? Страшно тебе стало, малец?

Китти мотает головой энтузиастически.

- Нет, - голос такой же восторженный, как и взгляд. – Что ты! Мне очень приятно. Так необыкновенно. Будто ты поешь для меня. Будто ты весь для меня.

- Так и есть, - серьезно отвечает Меери.

Нужно было все-таки найти более подходящее место для разговоров по душам. Потому что от детского и совершенно искреннего «Здорово! И я тоже», действительно, можно упасть со стены.

Не разобьешься – но позору не оберешься.

11 июля 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Лорд Сид Дар-Эсиль

Алые отблески полыхают в глазах демонических тварей. Отсветы испепеляющей их изнутри злобы. Свиваются в клубки и встают дыбом хвосты - шипастые, чешуйчатые, обросшие жестким волосом. Дым идет из ноздрей, ушных раковин, вырывается из-под хвостов. Морды демонов искажены ненавистью и беспомощностью. Шеи вытянуты вперед, но ноги и крылья по воле давно забытого живописца влекут назад, прочь от того места в центре фрески, где прекрасная женщина с глазами, мудрыми и светлыми одновременно, повергает двуручным мечом главного демона. Святая Лулулла и ее противник написаны более яркими красками, чем другие фигуры: ее сияющие одежды и его тускло мерцающая чешуя выделяются на темном фоне, долженствующем изобразить Умбренские горы, и притягивают взгляд всякого, кто только ступил под своды главного храма Аккалабата. Дивные краски, рецепт которых ныне утерян. Кровь, вытекающая из лапы демона Чахи и из пореза на его шее, - это самая яркая кровь на Аккалабате. Из Сола текла темная кровь, почти черная. И глаза у нее были не такие, как у королевы Лулуллы, и даже не такие, как у проклятого Чахи, а такие, как у самого маленького демона в дальнем углу картины, уже соскальзывающего обратно в чрево земли, выпустившей и готовой вернуть в себя порождения тьмы. Жалкий и несуразный, с четырьмя нелепо расставленными тумбообразными лапами и свешивающимся на одну сторону шейным гребнем, грязный, взъерошенный, мокрый, он из последних сил пытается удержаться на краю бездны, в которую спихивают его, беспорядочно отступая, более крупные твари.

Но он обречен, и обреченность смешалась в его глазах с недоумением: как же так? Все так хорошо начиналось, было обещано много свежей, вкусной, беспомощной плоти, но свежая, вкусная плоть оказалась вдруг не беспомощной, у нее такие длинные железные клыки, они так больно жалят, и все побежали... А он оказался случайно первым у края бездны и упадет в нее тоже первым.

Сид погладил маленького демона по шейному гребешку. На святую Лулуллу ему смотреть не хотелось: все обман, все кобыле под хвост, амулет не помог. Сиду не забыть, как смеялся отец: первый раз на его памяти так громко смеялся, хлопая себя по бедрам руками, даже несколько раз рукавом по лицу провел, будто утирая выступившие слезы.

- Что, Сид, убедился в магических силах Дар-Фальковской деревяшки? Волшебный шарик! Чудесный дар королевы Лулуллы! Какой ты все же еще ребенок! А овечьи "орешки" в вино подмешать ей не пробовал? Говорят, что так поступают итано со своими беременными. Отличное, знаешь ли, средство. Извини, что не посоветовал вовремя.

Так раскраснелся от смеха лорд Дар-Эсиль, что сам стал похож на толстого и одышливого Дар-Фалько. Оторопевший Сид размышлял, выпрыгнуть ли в окно от этого ужаса или бежать за водой и звать на помощь.

- Шарик святой Лулуллы! – наяривал лорд-канцлер. – Надеюсь, ты его не выкинул? Будем топить им камин в зимнее время. Хватит на месяц, не меньше.

11 июля 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Отец, не кощунствуй, - только и пробормотал Сид. Он не хотел спорить: там, за дверью, в окружении горничных-тейо и повивальных бабок, созданных со всего дариата Эсилей, стонала и билась на широкой кровати Сола. Комок окровавленных тряпок уже унесли вместе с тем, что в нем было завернуто - маленьким существом, увидевшим зеленые луны Аккалабата за неделю до срока. И всего на несколько часов.

Сид не заходил к Соле с тех пор, хотя прошло уже больше недели. Он не мог ее видеть – она не хотела видеть его. В его ушах стояли истошные вопли, от которых даже отец враз перестал смеяться и в нехорошую складку сложил жестокие губы, уставившись на Сиду так, будто впервые его увидел:

- Мальчишки! Меня чуть не убили эти мальчишки! Я не хочу умирать из-за этих мальчишек! Я ненавижу мальчишек!

Она не уgomонилась даже тогда, когда лорд Дар-Эсиль вошел в комнату, напротив, поддала жару, вцепившись ему всеми пальцами в руку, которую он не выдернул почему-то, камнем застыв у кровати, пожирая жену тем жадным взором, каким обычно в подземельях Дар-Аккала смотрел на корчившихся на дыбе несчастных, уже готовых во всем сознаться и дать показания на себя и на всех на свете.

- Корво, они хотели меня убить, твой сын и Хетти! Я не хотела! Они меня заставили! Я больше не буду, я не собираюсь умирать за других! Ради этой их блажи...

Лорд-канцлер торжествовал. Он даже стал искать примирения с Сидом, но тот догадывался, что для отца примирение – только повод, чтобы чаще видеться: трудно унижать и уничтожать того, кто с утра уносит из дома крылья и возвращается за полночь.

Хетти тоже прилетел за полночь и сразу направился к Соле. Лорд-канцлер пытался его остановить – отлетел, растекся по стене серебристым орадом.

- Не жди извинений, - через плечо бросил Хетти, пока лорд-канцлер отскребал себя от стены. Швырнул свой орад на руки Сиду – перед его лицом закрыл дверь в спальню сестры.

...

Хетти Дар-Халем

- Ну что, что? Не реви ты, пожалуйста. Ну не вышло с первого раза. В следующий раз все получится. Ты ж у нас сильная. Ты сейчас выздоровеешь и все сможешь.

Хетти сам не знал, откуда у него это бралось: он быстро нашел верную интонацию для разговоров с двумя другими своими сестренками. С Эллой – сразу взял мужественно-покровительственный тон, подобающий мечнику и будущему верховному дару при разговоре с ближайшей родственницей женского пола. В обществе был с ней подчеркнута официален, наедине позволял себе потрепать по плечу и чмокнуть в щечку. Она тоже на людях сразу установила дистанцию, и чувствовалось, что ей доставляет удовольствие приседать в глубокие реверансы в ответ на почтительное приветствие Хетти. Элле его сочувствие и защита не требовались, у нее на это лорд Рейвен. С Койей Хетти не зарывался, отношения строил на равных, чуть-чуть в быту побаивался

11 июля 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

леди Дар-Умбру – хозяйку замка, позволяя ей иногда взять над собой верх в несущественных мелочах, и жестко «прижимал ей хвост», как только та взбрыкивала по делам серьезным. Да, пожалуй, так было проще всего относиться к Койе – как к породистой и норовистой лошади. Объезжать ее предстояло Хару Дар-Умбра, но Хетти с детства любил наблюдать за тем, что творится в манеже.

С Солой было труднее. Она была старшая-старшая-старшая. Он и боялся ее, и любил, и за нее боялся. Хотелось не покровительствовать ей, а от нее ожидать утешения и защиты, но... Хетти не любил непредсказуемости. Просто терпеть не мог. Непредсказуемость, если и имела право на существование в его мире, то только как свойство победоносной стратегии и тактики Дар-Халемов. Остальные обязаны были быть для Хетти понятными и объяснимыми, просчитываемыми на несколько шагов вперед. И эту обязанность предстояло вбить Соле в голову, чего бы ни стоило. Безотносительно их с Сидом matrimониальных планов.

Иначе с ней невозможно будет общаться. Хетти любил общаться с сестрами и намеревался обустроить эту часть своей жизни по своим представлениям.

- Ты сможешь, Сола.

- Я не смогуууу... Я не...

Он отмахнулся.

- Сможешь-сможешь. Ты из какого рода? Халемов. И ты мне обещала. Это они, - дернул Хетти подбородком в сторону двери. – Могут соврать. Мы – нет.

- Мыыыы?

- Мууууу... - Хетти тыльной стороной пальцев потер у нее под глазами. – Давай. Разлеглась как корова. Отъедайся чуть-чуть и старайся.

- Я не корова. И не свиноматка, - пыталась еще возразить леди Сола. – А ты трешь, как мечи свои чистишь, - отстранила она его руку.

Действительно, под глазами у Сола выступили красные пятна – еще хуже, чем сами глаза.

Хетти хмыкнул. Какая она стала нежная! И какая тупая! Неужели она не понимает, что этот ребенок будет не просто канцлером Дар-Эсилем? У него столько же шансов на маршальский жезл. Хетти тоже сам сразу не понял. Койя ему объяснила. Когда он ей рассказал про беременность Сола. Долго рылась в каком-то комод, вытащила бутылку эгребского, неизвестно как (очень даже известно - подарок лорд-канцлера!) попавшую в замок Хару, налила до краев два бокала, подняли, звякнули, опрокинули. Повторили, пробормотав каждый себе под нос за здоровье сестрицы и малыша.

- Скажи, Хетти, - сказала тогда Койя, хитро прищурившись. – Как ты думаешь: кто из твоих племянников будет сильнее? Какая кровь лучше смешается с кровью Халемов – Кауда или Эсиль? От кого из них меньше вреда для наших способностей?

Хетти вытянул руку, от души хлопнул Койю по плоскому животу.

- Ах ты, лентяйка! Умбрен, значит, списываем со счетов?

11 июля 1501 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Койя ловко лягнула его коленом.

- Не хочу плодить второсортицу. Так, как ты думаешь?

Хетти расхохотался:

- Сильнее будет мой сын. Он им все перья пообрывает: маленьким белым мышатам Дар-Кауда, манерному Дар-Эсильчику и неуклюжему (и маловероятному) сыну леди Койи Дар-Умбра.

- Дурак! – Койя надулась и к разговору более не возвращалась.

Но мысль залегла Хетти в голову, и на растущий Солин живот он стал смотреть с новым чувством. Несмотря на шуточный ответ, который Хетти дал Койе, ему отчего-то казалось, что под сердцем у старшей сестры копошится скорее Дар-Халем, чем наследник рода Эселей. Он испытал жестокое разочарование, узнав о неудачных родах, и был настроен решительно. Даже если ему придется силой запихнуть лорд-канцлера в супружескую кровать и стоять над первой парой Аккалабата с обнаженным мечом несколько ночей кряду, он своего добьется. Хетти намеревался в свой черед (*да продлит святая Лулулла годы жизни отца моего!*) стать главнокомандующим армии Аккалабата и не собирался командовать армией, будучи единственным Дар-Халемом в ее рядах. Сестричкам придется в меру своих возможностей позаботиться о боеспособности Империи.

- Я не буду второй раз тебе повторять! Ты меня слышала, Сола.

Она испуганно закивала. С такими разными Хетти, каждый раз являвшимися к ней, ее сознание, истощенное тяжелой беременностью, разрешившейся крушением всех надежд, измученное поиском виноватых и непреходящим чувством собственной вины непонятно за что, не могло совладать. Сола решила, что лучше послушаться.

2 мая 1502 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Хетти Дар-Халем, Койя Дар-Умбра

Лорд Хетти Дар-Халем, покряхтывая, разогнул усталую спину. Грязной рукой помассировал поясницу, оставив на коже, под крыльями, следы копоты. Кто сказал, что кузнечное дело не для даров Аккалабата? Здесь, в кузнице, примыкавшей к левому крылу умбреного замка сестрицы Койи, он чувствовал себя не менее уверенно, чем на турнирной арене Хаяроса или на поле боя. На поле боя долго пробыть не получилось. С одной стороны, лорд Меери не был особо доволен, что наследник рода Халемов дышит ему в спину. «Я не могу так командовать, - сварливо сообщил он лорд-канцлеру, наведавшемуся на передовую. – Либо я, либо Дар-Халем. Короче, уберите его отсюда». И Хетти убрали. Потому что возникло неожиданное «с другой стороны», опасное и непредсказуемое. Ничем иным не предсказуемое, кроме обостренного придворного чутья лорда Дар-Эсила, который по наитию сверху, иначе не скажешь, догадался как-то зайти в королевскую опочивальню за пять минут до властительницы Аккалабата и под возмущенные перешептывания горничных-тейо перетрясти всю постель. Клубок только что вылупившихся крошечных гадючек – самых ядовитых созданий Эсильских болот, ожидал его под периной, у изголовья. Брезгливо сметя копошащийся черный шар в рукомошник, лорд-канцлер выбралил всех служанок, пообещав им, их мужьям и детям снести головы, и вышел из спальни Ее Величества гордо и неторпливо, будто ничего не случилось и его посылали туда захватить нечаянно забытый документ, нуждавшийся в подписании.

Величественно прошествовав через будуар, примыкавший к опочивальне, через малый и большой тронные залы, лорд-канцлер удалился в свои покои, где высыпал разъяренных гадючек в камин и только после этого перевел дух и позволил своим щекам покрыться алыми пятнами ярости.

Королева ничего не заметила и ни о чем не узнала: служанки дружно сочли, что жизнь дороже. Но на следующей неделе покушению подвергся верховный лорд Дар-Пассер – начальник королевской охраны. Напали на него в самой что ни на есть оживленной части Хангафагона, во время дворцового празднества, посвященного очередной годовщине введения дуэнного Регламента. Нападавших зарубили на месте, и, по мнению лорд-канцлера, которым он, однако, ни с кем не поделился, неизвестно, что было хуже: сам факт нападения, его вопиющая наглость и очевидная бессмысленность или то, что «зарубили на месте». Не дав ему допросить и дознаться. Четыре трупа наемных убийц на месте стычки – два с гербами дома Акила, два – вообще без гербов, но принадлежность их к не славящемуся благонадежностью семейству Спэр не вызывала сомнений. Кто их зарубил, кому объявлять благодарность за спасение жизни верховного дара Пассера, который и сам, без сомнения, с такими асассинами разобрался бы на месте без труда и летального исхода, неизвестно. Сам Дар-Пассер, глядя лорд-канцлеру прямо в глаза, при куче свидетелей заявил, что претензий ни к кому не имеет и исходом дела полностью удовлетворен. Поделиться деталями не пожелал в резкой форме.

В общем, и с одной, и с другой стороны, присутствие лорда Хетти в Хаяросе было признано более целесообразным. Он выслушал гонца королевы прямо на поле боя, в гуще схватки, последний раз

2 мая 1502 года со дня пришествия королевы Лулуллы

мазнул лезвием по грудной клетке какого-то несчастного, случившегося на пути лучшего мечника Аккалбата, пожал плечами... и через полсутки был в Дар-Аккала у ног королевы. Случай с верховным даром Пассера от нее скрыть не удалось, Ее Величество рвала и метала и требовала обеспечения своей безопасности. Хетти снова пожал плечами (этот жест начинал у него входить в привычку) и пошел к отцу за советом.

Сказать, что разговор между двумя Дар-Халемами – старшим и младшим - вышел жестким и непонятным, значило ничего не сказать. Отец, уставившись в одну точку отсутствующим взглядом, то и дело вороша пятерней спутавшиеся седые волосы, ничего более дельного, чем «Оглядишься, поменяй людей, и пусть ни одна мышь не проскочит...» сказать не мог. Было видно, что той мыши, которая бы проскочила, он готов подарить свой маршалский жезл.

- Это не дело, отец, - возразил Хетти.

Дар-Халем старший махнул рукой, и для младшего начались дворцовые будни. Покушения на королеву и верховных даров повторялись с завидною регулярностью, заварушка в Кимназе все не кончалась, а это значило ослабленный контроль на границах, обстановка в самом Хаяросе становилась все напряженной. Меери, по мнению Хетти, все переливал из пустого в порожнее. Хотя командовал он и неплохо, надо признать, но нанести решающий удар все как-то не получалось.

Короче, в один прекраснейший день, когда ярко светило солнце и ветер с моря на время загнал болотные тени в их логова, а в боку у любимой королевской кобылы, прямо под верхним краем попоны, был обнаружен ядовитый шип, прицепленный таким образом, чтобы, садясь в седло, Ее Величество непременно его задела, Хетти Дар-Халем без стука вошел в кабинет лорд-канцлера, задумчиво созерцавшего вышеупомянутый шип, и заявил:

- Я в Умбрен. Вернусь через пять дней. Вот это (на стол к лорд-канцлеру полетели несколько убористым почерком исписанных свитков) должно быть рассмотрено и передано лорду Меери до моего возвращения. Либо он делает так, как я говорю, либо я не могу ни за что отвечать. Охадэ!

Лорд Дар-Эсиль открыл было рот для отповеди, но успел заметить, что помимо текста в свитках содержались схемы и чертежи. Что значили схемы и чертежи в исполнении Дар-Халемов, он знал прекрасно. Поэтому только скроил вслед Хэтти высокомерную физиономию и, не успев тот выйти за дверь, жадно схватил свитки и погрузился в их изучение. Через два часа ему стало ясно: не заартачься королева, не затаи она зла на Хетти, Кимназ давно бы лежал у ее ног. Понятно, что и интересы семейства Кауда сыграли тут свою роль: лорд-канцлер хорошо знал, что откупная Меери, позволявшая ему отправиться в действующую армию, вместо того чтобы уйти под дуэтом к несовершеннолетнему Китти, стоила Рейвену больше, чем пограничная рошица и горсть самоцветов. Сокровищница Дар-Аккала значительно потяжелела в результате сделки, и не все дары Кауда одобряли расточительность лорда Рейвена: не стоил, по их мнению, его полоумный брат, согласившийся на глазах у всего Хаяроса на оскорбительный союз с порченным Умброй, таких расходов. Тем не менее...

2 мая 1502 года со дня пришествия королевы Лулуллы

«Тем не менее... - задумчиво произнес лорд-канцлер, склонившись над аккуратно вычерченным планом захвата главного оплота мятежников. – Малыша Хетти взяло за живое, и это значит, что ему по крайней мере некоторое время будет не до моего Сида».

И военная кампания в Кимназе пошла по сценарию, начертанному Хэтти. Результаты в Хаяросе почувствовали сразу: покушения на королеву и высших даров прекратились. Хэтти почти автоматически пожал плечами и снова удалился в Умбрен:

- Мне там лучше думается, - сообщил он лорд-канцлеру.

Тот не возражал: чем дальше от Сида, тем лучше. Думается и все остальное...

...

- Хетти! – голос Койи звучал, как всегда, недовольно. Характер у нее портился на глазах.

Младший лорд Дар-Халем вылил себе на голову последнюю лохань с холодной водой и разогнулся. Сестра могла злиться на него сколько угодно, но смотрела всегда с удовольствием: блестящие от воды, выступающие рельефно мускулы, безукоризненно ухоженные серые крылья, посадка головы и вся осанка излучают силу и уверенность.

- Полотенце дай.

- Сам возьми. Вот на лавке для тебя приготовлены.

- Койя, тебе, что, трудно?

Опершись руками о нагретую зенитным солнцем стену старого замка, расслаблено бросив влажные крылья на спину, Хетти краешком глаза наблюдал, как Койя, скорчив приличествующую случаю постную мину, медленно, покачивая бедрами, подплыла к стопке полотенец, выбрала какое побольше, расправила в руках, сделала несколько шагов к брату... Шшшух! Брызги от резко всплеснувших крыльев, разлетелись по всему двору. Койя, изрыгая проклятия, отскочила. Хетти хохотал от души, пока она, подпрыгивая на одной ножке, пыталась вытряхнуть воду из туфли, нарочито тщательно отжимала широкие рукава, на желтом атласе которых проступили темные пятна, теперь в результате ее стараний расплзавшиеся сильнее.

- Вот окаянный! – Койя старательно делала вид, что сердится. – Нашел кого мучить! Свою маленькую сестричку!

- Ты старше, - резонно заметил Хетти.

- Ну и что? – переходы от веселья к сварливости становились у Койи с каждой неделей все более неожиданными. – Ты меня все равно не слушаешь.

- Я тебя слушаю, - Хетти задумчиво растирал полотенцем шею. – Я тебя целыми днями слушаю, и не могу сказать, что мне нравится то, что ты говоришь.

Сначала он старался пропускать мимо ушей пылкие монологи, которые обрушивала на него сестра, стоило ему переступить порог умбренского замка. Более того, быстро свыкнувшийся с мыслью, что ему суждено в ближайшие несколько лет занять пост главнокомандующего Аккалбата – независимо от своего желания и возможного сопротивления со стороны, Хетти в ужасе затыкал уши, когда Койю чересчур заносило. Ненависть к королеве лезла у нее изо всех

2 мая 1502 года со дня пришествия королевы Лулуллы

дыр, как мрачно выразился лорд Хару, тоже слегка напуганный переменой, на глазах происходящей в жене.

«Ей просто нельзя никуда выезжать, лорд Хетти», - сказал шурина хозяин замка однажды вечером, когда им не без труда удалось избавиться от Койи для «мужского разговора». Они сидели на насквозь продуваемом всеми ветрами балкончике, обращенном в сторону, противоположную Хаяросу. По правую руку от них заходило солнце, зеленые луны выкатывались на горизонт, зажигались и тут же тонули в поднимающемся из горных котловин мгlistом тумане редкие звезды.

В отличие от равнинных замков и даже своих соседей, выстроенных на южных отрогах горной цепи, внутренние цитадели Умбрена не могли похвастать широкими, выступающими далеко во внутренний двор балконами и широченными окнами разнообразных форм. В окошки нового обиталища Койи приходилось протискиваться, на балкончике каминного зала с трудом умещался круглый столик на трех изогнутых ножках и два табурета. Вино тоже оставляло желать лучшего.

- Не извиняюсь, - буркнул хозяин дома, когда Хетти чуть заметно поморщился и поднял бутылку со стола, чтоб рассмотреть этикетку. – Чтобы заказать нормальное вино в наше время, когда на юге так беспокоино, нужно самому лететь на крупную ярмарку.

- Или договариваться непосредственно с Дар-Акилами или Дар-Гавиа, - заметил Хетти, поднимая бокал. – Или Дар-Кауда. Наши с тобой родственники, между прочим.

- Я не могу ни на день ее оставить.

Хрустальный бокал тонул в ручище лорда Дар-Умбра. Хару тарачился в его глубину, будто пытался высмотреть там ответ на свои сомнения.

- Ты сам все слышал.

- Да, - Хетти залпом опустошил бокал. – Знаешь, я не думал, что они настолько изменятся. Эджи был абсолютно без нервов, не хуже меня. Ты вспомни, как донимали его Меери и Рейвен. Донимали и донять не могли. Их это здорово задевало. Теперь глаза у нее вечно на мокром месте. Мокрее, чем пеленки ее детей. У лорда Рейвена скоро мечи заржавеют. Сола... она тоже была такая спокойная, такая... над всеми, над всем. Теперь истерит без продыху. Надеется сжить лорд-канцлера со свету. В этом у них полная взаимность.

- Ты не боишься, что он преуспеет первый?

- Я приглядываю, - просто ответил Хетти.

У лорда Хару пошли по спине мурашки. Эта семья, всегда казавшаяся высеченной из самого прочного гранита умбренских скал основой Империи Аккалбата, семья Халемов, устремления и пути которой были всегда прямы и понятны и поэтому вызывали уважение, ныне, не изменяя своей гранитной твердости, обратила взоры к какой-то иной цели. Отец и сыновья Дар-Халемы всегда представлялись Хару, одинокому в своей отверженности, пятью пальцами, сжатыми в кулак, готовыми дать отпор любому, кто осмелится посягнуть на права и территории короны Аккалбата. Теперь окровавленная, с обрубленными культишками на месте пальцев, эта рука

2 мая 1502 года со дня пришествия королевы Лулуллы

грозно и неумолимо поворачивалась против своих мучителей. Изувеченный, кулак не мог ударить прямо. Но даже того, что осталось, короне Аккалабата стоило бы бояться.

Лорд Хару разрывался между преданностью жене и верностью королеве. Он не мог не ощущать, что зерно заговора зреет у него в замке. Но запретить напрямую Койе вести себя так вызывающе и неразумно он не решался. И одной из причин, его останавливавших, был холодный взгляд Хетти Дар-Халема, когда тот произносил, если речь заходила о любой из его сестер: «Я приглядываю», или «Я в курсе событий», или «Это наше семейное дело».

Но в этот раз на уютном сером балкончике, так не похожем на просторные прилетные балконы халемского и эсильского замков, Хару дал волю своему темпераменту:

- Ты приглядываешь! – рявкнул он и, упершись обеими руками о стол так, что треснула матовая столешница, навис над Хетти. – Ты хоть соображаешь, чем это может закончиться?

Хетти pokrutil бокал в руках, взглянул на клеймо на ножке, недовольно покачал головой:

- Дар-Кауда. Так я и думал. Все в мире делается в мастерских дариата Кауда. Сядь, Хару. Сядь и успокойся. Потому что не *может*, а *обязательно* закончится. *Этим самым*. От чего ты так вскакиваешь, как ужаленный. Все к тому идет. И нам с тобой, вместо того чтобы ссориться, нужно подумать, как расхлебать эту кашу.

- Я не собираюсь... - начал лорд Хару и осекся под уже не холодным, а ледяным взглядом Хетти.

- Ты собираешься, - с нажимом на *ты* и опасной тенью в глазах произнес молодой Дар-Халем. – Равно как и я. Как Сид. И лорд-канцлер, если уж на то пошло. Помочь нашим девочкам. Не дать им сойти с ума и наделать глупостей. А для этого...

Хетти встал, развернулся к перилам балконца, перегнулся так, что крылья выпятились вверх под орадом.

- Для этого мне нужно знать, что там.

Палец его указывал за внутреннюю цепь Умбрена, покрытую нетающими снегами. Хару поежился.

- Поверь мне, это последнее, что тебе нужно, лорд Хетти. Там ничего. Ничего, кроме стужи, горных волков-оборотней, пещерных медведей. Голые камни, свистящий ветер, туманы и тьма. Если бы был хоть какой-нибудь шанс там выжить, ты думаешь, мы не попробовали бы раздвинуть границы нашего дариата?

- Ну, волки-то там живут, значит, они чем-то кормятся. А медведи потому и зовутся пещерными, что обитают в пещерах. Насколько я понимаю в медведях, там, где они живут, могут поселиться и люди.

- Ты ничего не понимаешь в медведях, лорд Хетти.

- Согласен. Но еще есть время в них разобраться. И с ними тоже.

- Делай, что хочешь.

Лорд Хару никогда не тратил время на споры, в которых не могло быть выигравших.

- Только я тебя попрошу. Не вовлекай в это дело Меери. Они с Китти...

2 мая 1502 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Уже по горло в дерьме. Я не прав?

- Лорд Дар-Халем!

Хетти повернулся стремительно, руки его легли на мечи. В ограниченном кованым парашютом пространстве бросалось в глаза, насколько он уже в плечах лорда Хару. Но оба дара – седеющий, с изборожденным преждевременными морщинами лбом, и молодой, черноволосый, с губами, дрогнувшими от ярости и снова сложившимися в грозную, четкую линию на бледном лице, оба дара, грозно стоящие друг против друга, знали, что, брось лорд Дар-Умбра вызов своему гостю, шансов у него меньше, чем один против ста. Хетти не просто Халем, он лучший из Дар-Халемов.

Поэтому именно в этот момент Хетти отпустил рукояти мечей и плюхнулся в кресло так, что разбитое стекло на злополучном столике отчаянно дзенькнуло:

- Звук какой неприятный. Ладно, Хару. Я им ничего не скажу. Ни Рейвену, ни Меери. Даже Элла и то не знает. Будем выкарабкиваться сами. Только и ты знай...

Хару знал, но предпочел услышать. Глухо ухнув, сел в кресло, стал затирать пальцем трещину на столешнице.

- Королева переступила черту. Ты помнишь слова клятвы верности, принесенной когда-то дарами прекрасной Лулулле? «Ни один из даров Аккалабата, пока он живет и дышит, не позволит сердцу своему усомниться в правоте королевы и взору своему обратиться не туда, куда смотрят очи Ее Величества. И на этом встанет Империя, и будет стоять она вечно». Про прекрасных деле здесь ничего не сказано. Их взоры могут обращаться куда угодно. Хоть Чахи под хвост. А что касается правоты... Сердцем – да, не усомнюсь, но, согласись Хару, правота – это скорее нечто умственное. И тут я способен рассмотреть разные точки зрения. И точка зрения Койи ничуть не слабей точки зрения королевы. Я даже готов согласиться, что это не придумано ею в бреду отчаяния, когда наш драгоценный лорд-канцлер (она не говорит, почему) ее бросил (не дергайся, Хару, мы оба знаем, что мы оба знаем), а вычитано из кое-каких заковыристых книжек в вашей библиотеке, которые здесь, в холодном и влажном климате, магическим образом сохранились на славу. Тогда как в Хаяросе, в королевском собрании рукописей, в идеальных условиях, недостает именно этих томов, сгнили к демонам. Я проверял.

Хару с тоской посмотрел на Хетти. Ну и зачем это? «Я проверял». Это и так всем известно: младший лорд Дар-Халем ничего не принимает на веру. Он все всегда проверяет. А потом говорит. Говорит, между прочим, ужасные вещи. Не лучше своей сестры.

- Почему не предположить, что неспособность рожать девочек – это не результат конфликта между нашими телами и природными условиями Аккалабата, проявившегося только через тысячу лет после прихода святой Лулуллы? Что эта невозможность создана королевами искусственно? Что кровь выдаваемых нам из-за ширм деле портит, а не улучшает породу? Что королевы целенаправленно манипулируют дарами так, чтобы от браков не рождались женщины, т.к. это поставит под сомнение их исключительность?

- Я не желаю этого слушать! Лорд Хетти, ты в моем доме!

2 мая 1502 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Хару заткнул уши руками, всем своим видом показывая, что в доме Дар-Умбра никакие поползновения и намеки на расхождение интересов даров и королевы не имеют ни шанса. На лице у Хетти не дрогнул ни мускул. Он продолжал обстоятельно развивать тему, будто вещал не перед единственным слушателем на крохотной площадке, где их могли слышать только крики умбренских гор, а на заседании совета старейшин.

- Еще крылья туда запихни. Так что у нас остается из древней формулы? Только последняя часть – про Империю. Вот ее-то я и собираюсь придерживаться. Что же касается нагромождения слов до «встанет»... всей этой белиберды про сердца и взоры... если оно будет входить в противоречие с чеканным и понятным мне «будет стоять она вечно», сердцу придется слегка уступить дорогу рассудку и... Ты не поверишь, но порой я чувствую в себе склонность к семейной предусмотрительности Дар-Эсилей.

- Империя – это прежде всего королева, какой бы она ни была.

Хару не был оратором, но то, во что он действительно верил, формулировал четко и прямо.

- Монстр, сам себя пожирающий... С легкостью распростившись с родом Халемов, обладающим уникальным внутренним временем, она также, не моргнув глазом, уничтожит любой из дариатов. Кто-то должен дать ей понять, что Империя – это мы. Я пришлю тебе ящик эгребского, Хару, Будешь пить за мое умственное здоровье.

Последние слова Хетти произносил, уже сидя на балконных перилах и энергично встряхивая орад, прежде чем собрать его в скатку. Хару поморщился. В отличие от постоянно использовавшихся в качестве площадок для посадки и взлета балконов Халема или Эсиля – с низкими балюстрадами и достаточным пространством разбега – балкончики крепости Хару были просто балкончиками. Прыгать с них вниз, в непредсказуемые потоки горного воздуха, а чаще – в молочно-туманные завихрения, не позволявшие определить, на каком расстоянии ты находишься от острых камней, желающие находились редко. Поэтому и ограждение было высокое, узорчатое – с самыми изящными столбиками и тонкой резьбой, на которую были способны умбренские мастера. Хару и сам облакачивался на него с некоторым содроганием, а в том, что Хетти при каждом прилете беспардонно усаживался на перекладину, видел одновременно знак неблагоприятной судьбы и свидетельство того, что маршал Аккалбата ни в грош не ставит семью, в которую так неожиданно вошла его любимая старшая сестра.

Хетти не замечал или делал вид, будто не. Долго-долго потягивался и примеривался, а потом, ни мускулом не напрягаясь, прыгал в зеленоватую мглу или рассветные сумерки и исчезал, оставляя Хару гадать, успел ли его шурин раскрыть крылья. Но сегодня заметил, повернулся лицом, внимательно выслушал бормотание Хару под нос: «Голову ты себе расшибешь когда-нибудь. Снесет порывом на острый выступ восточной башни или на выступающий контрфорс и привет! Не главнокомандующий Дар-Халем, а поросенок на вертеле... Хорошо отбитый кабанчик». Мрачно усмехнулся, сказал, отворачиваясь снова туда, к пещерным медведям и волкам-оборотням:

2 мая 1502 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- А может быть, я хочу... расшибить себе голову.

Пока Хару соображал, что это за мысли бродят в голове верховного маршала Аккалбата, Хетти был уже далеко. Насчет желания расшибить себе голову он не врал. Но желаний у него было много, и реализовывать он намеревался далеко не все.

Глава 9. Желания

Хару Дар-Умбра, Меери Дар-Кауда

- Откуда Вы прилетаете, лорд Меери?

Хару смотрит на выпирающие ключицы, на стертые в кровь сухожилия, поднимающие крылья, и ему становится жалко парня. Меери снова наклоняется над колодцем, вытягивает ведро, выливает себе на спину, с наслаждением фыркает под холодными струями.

- Ближайший постоянный двор в восьми часах лета, в долине, - сообщает его спине лорд Хару.

- Тогда зачем спрашивать?

Теперь Меери стоит, опершись руками о край колодца – теми самыми руками, которыми ему запрещено дотрагиваться до Китти. Еще год. Он старается держаться уверенно, но лорд Хару видит, как дрожат от напряжения локти.

- Шестнадцать часов в воздухе, двадцать у нас. Сколько ты надеешься продержаться при четырехчасовом сне, парень? Вообще, при таком образе жизни?

- Это моя жизнь. А у Китти альцецо.

- Все равно все, что ты можешь, - это просто сидеть рядом и подавать Койе щетки. Ты не доверяешь нам? Боишься, что мы позволим вычесать его кому-то другому?

Меери упрямо наклоняет голову.

- Не в этом дело.

- А в чем?

- Я хочу быть рядом.

Лорд Хару поднимает ладони к вискам, трёт. Сегодня ночью он опять застал Койю в библиотеке: она беседовала с портретом Асы. Такое находит на жену нечасто, но именно тогда, когда ей тяжело. Черпает ли она силы в заочной борьбе с матерью Китти или бремя, разделенное на двоих, кажется легче? Хару не знает. Но то, что Меери на крайней стадии измождения, Койя заметила первой. Сегодня с рассветом, вызвав старшую камеристку-итано, она обошла три свободные комнаты в сторожевой башне, предназначенные для редких гостей Умбренского замка. Потом Хару наблюдал, как туда под руководством Койи были отнесены свежие простыни и новые подушки из козьего пуха. Потом раздался стук молотка. На вопросительный взгляд мужа Койя ответила: «Это женская комната. Там некуда вешать мечи». А когда во дворе зазвенела колодезная цепь и раздалась приглушенная ругань – Меери по обыкновению прищемил себе воротом палец – леди Дар-Умбра решительно повернулась к мужу: «Ты или я?» Лорд Хару пожал плечами. «Тогда иди», - глаза жены показали на дверь.

Теперь он стоит перед лордом Меери, трет ладонями виски и не знает, что дальше делать. Самому пригласить дойе своего несовершеннолетнего сына остаться переночевать в замке равносильно сигналу «Мы хотим поскорее». А такого сигнала лорд Хару подавать не хочет.

- Меери! – раздается из распахнутого окна верхнего этажа. – Ты уже прилетел?

2 августа 1502 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Меери моментально забывает про лорда Хару и буквально подлетает к окну.

- Китти, немедленно ляг в постель. Тебе еще рано!

- Да нет же, я хорошо себя чувствую, - протестует Китти и тут же испуганно ойкает. Видать, слишком резко взмахнул крылом и дернулось только проклюнувшееся перышко.

- Ну вот видишь, - по-матерински причитает Меери. – Ну я же тебе говорил... Марш в постель, и немедленно!

- Ладно. А мама тебе комнату приготовила, - торжественно сообщает Китти, отступая в глубину своей спальни.

Волосы у Меери перекинуты через плечи на грудь, и лорду Хару хорошо видно, что шея и спина его заливаются краской. Он, стараясь не поворачиваться к Хару лицом, неловко подбирает мечи, безрукавку, орад, пытается со всем этим скарбом в руках вписаться в низкую дверь башни, служащую входом в замок со стороны хозяйственного двора. Меери приходится сгнуться в три погибели, мечи торчат во все стороны, вдобавок ко всему он роняет кинжал и тот отлетает, звеня по камням, метра на три в сторону. Хару, усмехаясь, любителю ситуацией. Теперь гостю уж точно придется повернуться. Однако Меери, вполголоса поминая всех и всяческих демонов, все-таки протискивается в дверь. Слышно, как он сваливает мечи прямо в узком предбаннике у подножия винтовой лестницы и встряхивает кольчужную безрукавку.

- И этот человек водил нашу армию в поход на Кимназ, - приговаривает лорд Хару, подбирая широкий кинжал и по привычке взвешивая его на ладони. Дар-Кауда умеют делать оружие, Дар-Кауда умеют его выбирать. «Идеальный клинок, вот как я это называю», - бормочет лорд Хару, направляясь за угол, чтобы обогнуть замок и войти с центрального входа. Миссия его не удалась, и показываться на глаза жене он пока не собирается. А Меери может возиться под лестницей со своей амуницией, сколько желает.

И он возится. Возится, возится, пока десять раз уже не проверена перевязь и все, что на ней висит, отвороты сапог и то, что в тайных карманах и петлях за ними спрятано, десять раз защелкнуты и отщелкнуты застежки орада, волосы заплетены в такую тугую косу, что, кажется, голова сейчас треснет. Обязательно треснет – от мыслей таких. О комнате, из которой не надо улетать никуда по вечерам, комнате – в нескольких шагах, пусть даже в нескольких коридорах и этажах от Китти, собственной (почти) комнате в этом доме... «А я ведь, правда, долго не выдержу, - думает он. – Хотя и ночью не в придорожном трактире, как полагает лорд Хару, а в небольшой пещерке в трех часах лета от стен Умбренской крепости. И колодец для меня – не освежиться после долгого полета, как они полагают, а жизненная необходимость: вымыться, чтобы не воняло. Китти такой чувствительный к запахам, особенно сейчас, во время альцеда». Вспомнив о Китти, Меери весь подбирается и решительно толкает дверь под лестницей, ведущую на кухню и в служебные помещения первого этажа. Если он не перехватит по дороге к малышу кусок хлеба, то брякнется в голодный обморок прямо у того в спальне.

2 августа 1502 года со дня пришествия королевы Лулуллы

До спальни, впрочем, Меери добраться не успевает. В кухне, где он уворовывает здоровенный кусок хлеба с мясом на глазах у бессловесных итано, возникает разъяренная женская фигура с темными глазами, мечущими еще не молнии, но кинжалы.

- Это мое мясо, лорд Меери, - ядовитым голосом сообщает она. – И моя булка. Не смей ее воровать.

- Койя, малышка, я хочу есть.

- Не смей называть меня «малышкой»! Что за армейские привычки!

- Твой отец – главнокомандующий нашей армией.

- Это тебя не оправдывает, деточка.

Койю очень трудно отвлечь от сути вопроса. И, когда разъяряется, она может быть очень, очень противной. Такой же, как жена его брата, Элла, когда расстраивается. Хорошо еще, что Элла расстраивается всегда, а Койя разъяряется достаточно редко. Но сегодня кто-то, видно, хорошо постарался.

- Сядь. А вы – брысь все отсюда, - Койя одинаковым жестом машет ему и итано. Очень лестно.

- Койюшка, ну что я сделал? Отчего ты такая грозная? – не переставая запихивать хлеб за щеку, Меери пробует иную тактику.

- Не подлизывайся.

Койя сердито прищуривается, мгновенно выхватывает откуда-то из юбочных складок кинжал – фьюить! И он вонзается в толстого паука, который решил высунуться из-за печки, чтобы проверить, отчего среди бела дня в кухне затих стук столовых ножей и топот ботинок прислуги-итано.

- Злая.

Меери едва успевает увернуться от следующего пущенного рукой Койи металлического предмета и, уже увернувшись, вдруг соображает, что это ключи – два тяжелых ключа, короткий и длинный, на медном колечке. Он тянется за ними, но не успевает: связка плюхается за деревянный жбан, накрытый крышкой, которая придавлена огромным булыжником.

- Ну знаешь, - возмущается Койя. – Теперь сам двигай. Это крайняя из гостевых комнат. В сторожевой. Китти запрещено туда заходить. Но... запирайся, пожалуйста, на ночь.

Меери первый раз в жизни хочется плакать, но он знает, что этого ему не простят. Поэтому просто коротко кивает и лезет за жбан, в какую-то сажу и паутину за ключами от своей комнаты.

2 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

02 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Койя Дар-Умбра

- Элла, какие они хорошие!

Койя разглядывает племянников с восхищением. Младший еще еле ходит, но старший вполне сносно держится на ногах и даже упорно шевелит крылышками, пытаясь подняться в воздух. Мамины окрики «Некко, тебе еще рано!» его не смущают.

- А ты сама не собираешься завести что-то подобное?

Элла довольна, что связи Койи с лорд-канцлером пришел конец, как только Сола решила стать наконец приличной женой и матерью. Койя старается сестру не расстраивать, та и так любит поплакать, и не рассказывает что к чему. Элла вообще живет в блаженном неведении. Никакие уговоры Койи не смогли заставить лорда Рейвена хоть намекнуть жене, каким образом их дети будут устраивать себе личную жизнь. «И тебя я прошу, Койя, не надо ее об этом оповещать. Пусть думает, что они как все, ладно?»

Ладно. А Некко действительно прелесть. Койя, контрабандой протащив в детскую пару малышей клинков, радужно улыбаясь, вручила их Некко при первом знакомстве. При сем присутствовали леди Элла, которая тут же жалобно захохотала и попыталась оружие отобрать, и лорд Рейвен, моментально оценивший качество стали и приспособленность рукояток под детские пальчики.

- Отличный выбор! Некко, тетя Койя еще тебя не видела, но уже любит, - безапелляционно заявил он, отводя руку жены. Некко и сам не собирался кинжальчики отдавать, возмущенно пялился на мать исподлобья и сделал попытку спрятаться Койе под юбку, за что был награжден громовым смехом отца и несчастным выражением на лице матери.

Теперь Некко непрестанно крутился около Койи. Показав ему пару приемов, с помощью которых он приятно удивил на первой тренировке назначенного для его обучения троюродного дядю, тетюшка окончательно превратилась в его кумира, и одного обещания взять мальчугана в Умбрен погостить на недельку-другую при условии хорошего поведения хватило, чтобы поведение старшего сына дома Кауда стало сильно напоминать идеальное.

Элла, конечно же, была против, а кто у нее спрашивал? Лорд Рейвен жену обожал, но... в первый раз за всю историю дома Кауда кровь их смешалась с кровью Халемов, и этот шанс нужно было использовать. Сравняя свое внутреннее время с тем временным потоком, который клубился внутри маленького Некко и которым тот еще совсем не умел пользоваться, лорд Рейвен видел, что сравнение в пользу сына. Через десять-пятнадцать лет, если все пойдет хорошо (а почему бы всему не пойти хорошо?), Некко будет сильнее Меери. Но в понятие "пойдет хорошо" входили не просто постоянные тренировки с опытным мастером клинка, не просто поединки с сильным противником. Нужна была рука Дар-Халема, чтобы раскрыть способности Некко на всю катушку. Хетти этим заниматься не будет. У него нет времени, да и, похоже, желания. Он ни разу не навестил Эллу, и племянниками не интересовался. Оставалась Койя. Она быстро догадалась,

2 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

почему является столь желанной гостьей у своего зятя, тогда как другие замки закрыли двери перед "бунтовщицей", открыто выражавшей свое недовольство уже не только тем, что с ней сделали, но королевской властью вообще.

Рейвену было наплевать на пересуды и предупреждения. Он был реалистом, и знал, что Койя рано или поздно нарвется. Нужно было успеть взять у нее как можно больше, пока карающая рука королевы не схватила нахалку за шиворот. За себя он не опасался. Богатство и независимость рода Кауда охраняли его лучше крепостных стен.

Отношения с Койей напоминали торговлю. "Скоро ты займешься и Кречем тоже?" - спросил лорд Рейвен, когда посчитал, что крошечные клинки могут перейти от старшего сына к младшему. "Некко следует чаще бывать у меня в Умбрене, - отвечала Койя. - Там я чувствую себя свободнее". "Хорошо, - соглашался он. - Но сегодня ты взглянешь на Креча".

Ладно. Креч тоже милый. Его можно потренировать, раз Рейвен настаивает. Но мне... мне нужен Некко.

- Койя, ты вовсе не отдыхаешь! - поняв бесполезность попыток оградить детей (даров Аккалбата!) от фехтовальных занятий, Элла нашла себя в новой заботе: ее сестра, вынужденная жить в суровом умбренском климате, приезжает в гостеприимный и теплый дариат Кауда, чтобы отдыхать. "А не чтоб ты ее мучил!" - заявила она мужу. Рейвен серьезно посмотрел на нее: "Да ведь твоей сестре это нравится!"

Элла решила зайти с другой стороны:

- Койя, где у себя ты увидишь такое солнышко, даже летом? Мой злодей-муж запирает тебя в тренировочной комнате, а ты даже не сопротивляешься. Пойди погуляй. Или хоть поспи на открытом воздухе. К озеру вынесут ковер и подушки. Мне страшно смотреть, как ты себя истязает этим железом.

- Истязают? - Койя сдула со щеки свесившуюся прядь, оторвала взгляд и кинжал, который она правила, от точила, рубанула лезвием в воздухе. - Я живу, Элла, только здесь, в вашей оружейной, в вашем тренировочном зале. Кто сказал, что клиновидные спуски легче точить? - возмущенно осведомилась она, возвращаясь к своей работе.

- Извини, клиновидные что? - Элла расстроилась и растерялась, как всегда, когда Койя заводила речь о чем-то, в чем она не понимала ни грана.

- Чахи меня заberi, Элла! Клиновидные спуски. Все говорят, что их легче точить, чем овальные. А у меня получается наоборот. И я от этого чувствую себя умственно неполноценной.

Элла так и не поняла, что такое клиновидные спуски, но неполноценной себя от этого вовсе не чувствовала. В спину Койе, склонившейся над точилом, она сказала:

- Все-таки тебе полезней было бы отдохнуть, - и, шелестя юбками, вышла из оружейной.

Койя швырнула кинжал в кучку других, похожих на него как близнецы. Они звякнули друг о друга. Элла ничего не помнила. Это было настолько ужасно, что Койе иногда хотелось выбросить ее из окна.

2 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Хетти Дар-Халем

Хетти тяжело приземлился в заранее присмотренную ложбинку на склоне холма. Вытер рукой пот со лба. Надо с этим кончать. Либо Виридис в течение месяца ляжет к ногам Ее Величества, либо он сам, единственный и последний сын дома Халемов, протянет ноги. Последняя рекогносцировка и домой, домой! То есть в палатку.

...

- Привет!

Сид сидит, легкомысленно наклонив голову, нога на ногу, на коленях у него книга по военной истории, которую он явно стащил из походного сундучка Хетти.

- Как ты сюда попал? Вокруг палатки двойная охрана, - Хетти бросает орад на кровать. Сид аристократически морщится:

- У тебя кровь на спине сзади.

- Не моя. Как ты сюда попал?

- Я прилетел, - Сид демонстративно нехотя встает со стула, поднимает черный орад с кровати, аккуратно складывает, вешает на спинку. – Ты не рад мне, Хетти?

- Сид, я прошу тебя... Я командую этой армией. У меня в палатке незваный гость, а охрана ни сном ни духом. Это тревожит.

- Незваный гость? Я уж не знаю, плакать мне или смеяться, слыша такое от тебя, Хетти.

- Отцепись от моего орада. Он грязный и рваный, как ты его ни вешай. И ответь мне, как ты сюда попал.

- Хетти, свинья, - в голосе Сиды веселая укоризна. – Я наследный лорд-канцлер Аккалабата. Если бы я не мог, как ты выражаешься, «сюда попасть», моего папу следовало бы разжаловать в тейо.

- Если ты можешь это сделать, то и кто-то другой... И кончай здесь хозяйничать, - хмурится Хетти. Орад он сдергивает со спинки кровати и снова швыряет – так, чтобы кровавое пятно угодило прямо на подушку. Из вредности.

- Хетти, начнем сначала. Я наследный лорд-канцлер Аккалабата. Единственный, ибо Соле носить еще месяц.

- Как она? – Хетти рад возможности сменить тему.

- С переменным успехом. Отец от нее временно отвязался. Старается, чтобы королева не замечала нашего существования.

Сид говорит весело, а смотрит все печальнее и печальнее. Хетти уже знает, зачем он прилетел. То, зачем он прилетел, снится Хетти в горячечных снах. Все чаще и чаще. Не здесь. Не сейчас, Сид. Не скоро. В Умбрене.

- Сид, не...

- Угу. Хетти, все будет плохо.

- С чего ты решил?

- Чувствую. Я был в храме святой Лулуллы. Молился.

2 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Было бы странно, если бы ты там учился играть на фиоретте, - грубовато отвечает Хетти. Все-таки дары из старых семейств иногда бывают странными. Ни одному здравомыслящему Халему или Пассеру, не говоря уже о дарах Умбры, не придет в голову специально идти в храм Лулуллы, чтобы там помолиться. Для этого есть дары Фалько. И альцедо у него вроде еще не скоро. Перед альцедо бывают всякие перепады настроения. *Я его в этот раз вычешу – чего бы мне это ни стоило. Если война не закончится, лично передую всех виридов и отправлюсь в Хаярос. Я давно его не вычесывал: лорд-канцлер ревниво охраняет свое сокровище. Мое сокровище!*

У размечтавшегося о том, как и что он будет выдирать щеткой на Сидовых крыльях во время следующего альцедо, Хетти вид становится такой, что «сокровище» забывает о мрачных предчувствиях и мятых орадах, примачивается на коленях возле сапог, перемесивших сегодня тонны виридской грязи, трется об отворот подбородком. Мир восстановлен.

...

- Хетти, а вот меня одна вещь интересует, - спрашивает Сид через полчаса, лежа головой на предплечье у Хетти, которому страшно надоело быть свиньей и жутко не хотелось выгонять любимого обратно в Хаярос в такую погоду (тихий весенний вечер – безветренный и ни капли дождя).

- Какая? – у Хетти было одно редкостное свойство (он его демонстрировал только наедине с Сидом): младший лорд Дар-Халем умел промурлыкивать даже слова, совершенно для этого не предназначенные.

Сид приподнялся на локте, взглянул серьезно.

- Хетти, тебе еще нет двадцати.

- Необыкновенно тонкое наблюдение.

- Не ерничай. Тем не менее папа сказал, что, если бы Меери тебя слушал... или если бы с самого начала послали тебя, а не Меери...

- То мы не имели бы никакого шанса поохотиться в заповедной роще Дар-Кауда. А королева ее у них отобрала и собирается устраивать там придворные охоты. Говорят, идеальное место.

Сид надулся. Сел, уперев локти в колени, запустив обе пятерни в волосы. Он всегда так делал, когда был недоволен. Хетти выбрал одну белокурую прядь, потянул посильнее:

- Дзыыынь! Кто-то дома?

- Хетти, как ты командуешь? – Сид повернулся проворно, так что Хетти чуть не потерял равновесие, а крыльями получил по лицу не чуть, а по полной программе.

- Как это, как я командую? – оторопело переспросил он. – Набираю в легкие воздуха и ору. Или пишу на пергаменте и посылаю с нарочными.

- Чахи тебя забери, меня не это интересует!

Надо было все-таки вытолкать его в шею. Сразу же, пока он не начал орады развешивать, смотреть соскучившимся влажным взором и брать на жалость. Хетти явно не удавалось поймать нить разговора, и это злило. Командовал он самым естественным образом – всегда знал,

2 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

что делать и как растолковать это людям. Вверенным ему силам и подразделениям. Даже мог иногда объяснить, почему поступать надо так, а не иначе. Например, не переться днем с огнем на штурм бастиона, который уже, казалось, на одном честном слове держался, а обойти его, оставив в оцеплении пару отрядов, и повоевать недельку без них – не числом, а умением, заставляя неприятеля догадываться, почему это провалилась такая отличная выдумка – заманить передовой отряд аккалабов под темные своды упомянутого бастиона и обрушить им эти своды на голову. А потом, когда защитники бастиона начинают умирать от голода и от жажды и делают отчаянную попытку прорваться наружу, выясняется вдруг, почему так хорошо удавалось Хетти воевать всю эту неделю: тею Нохатан – один из предводителей мятежников, самый, пожалуй, среди них тактически грамотный и остервенелый, - решил сам обрушивать своды, для чего и засел в бастионе. Ждал-ждал лорда Халема с лучшими его мечниками и не дождался. Был зарублен, ослабевши от голода, при попытке прорыва. Так что командовали виридами всю неделю товарищи Нохатана, сильно отстававшие от него в тактическом мастерстве, что и позволило армии Аккалабата продвинуться дальше, чем предполагалось.

И такие случаи были не редкость. Хетти говорил «направо», и армия шла направо, а если бы она пошла налево, от нее бы осталось лишь воспоминание, потому что на уступах ущелья, которое было налево, засели самоубийцы-каменеметатели. Хетти говорил «вперед», и армия шла вперед, и так было правильно. Иногда он говорил «назад» или «на месте», и это было оправданно со всех точек зрения. Примерно так он Сиду, вновь возмущенно занавесившемуся от него волосьями, и объяснил. В конце прибавил:

- Ну ты ж пойми, я Дар-Халем, я так мир вижу. И дело здесь не в том, что я прочитал или чему меня научили. Да и потом, мы уже воевали раньше в Виридесе, ты там тоже был. Совсем мальчишками, помнишь? Тоже боевой опыт.

- Я сейчас завою, - сообщил Сид из своего укрытия. – Во-первых, ты сидишь у меня на крыле. Во-вторых, я не представляю, какого боевого опыта мы в четырнадцать лет могли набраться в прошлой виридской кампании. Я, например, ничего оттуда не вынес.

Хетти, которому сидеть было очень удобно и теперь он догадался почему, аккуратно переместил свою попу на изголовье походной кровати. Когда Сид расстраивается, он ничего не замечает вокруг себя: занял всю «территорию» и еще жалуется! Хетти в очередной раз захотел, но не смог рассердиться. Вместо этого потянулся над Сидовой головой, помогая себе крыльями, соскреб воск со свечи, качавшейся в плоске под потолком, стал разминать – лепить лошадь. Молочно-белый глаз высунулся из-за полога светлых волос, начал следить за процессом.

Полчаса помолчали, изредка обмениваясь соображениями, как у какой из лошадей, на которых Хетти решил, по-видимому, извести полугодовой запас свечей, положенных командующему армией, должны выглядеть грива, хвост и копыта. Получилась целая конница. Сид с удовлетворением рассматривал серенький табунок, выстроившийся у края стола.

2 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Ты молодец, Хетти! Здорово, что ты умеешь видеть мир как Дар-Халем. Только тебе еще надо научиться...

Хетти взглянул вопросительно. Сид выстроил лошадок для парадного выезда.

- Видеть мир как Дар-Эсили.

- Зачем это мне? – оторопел Хетти.

- Сдается мне, что ты скоро будешь командовать не только армией Аккалабата.

- Твой отец так вдохновился перспективой нашего с тобой супружества, что решил на свадьбу подарить мне свой канцлерский перстень?

- Ага, а демон Чахи пришлет нам букет золотистых циконий.

Потратили пять минут на выдумывание гипотетических подарков на свадьбу, которые никто и ни в каком виде не согласился бы им преподнести. Посмеялись в меру. Сид снова притих.

- Хетти, отец действительно не справляется. Тебе, когда станешь маршалом, придется ему помогать. Он просто совсем сумасшедший стал со всеми этими сумасшедшими.

Хетти поерзал на подголовнике. Сумасшедшая королева, сумасшедшая Элла, сумасшедший отец, сумасшедшая Койя, сумасшедшая Сола... Меери и Рейвен тоже вызывали сомнение. Теперь еще лорд-канцлер намеревается влиться в ряды. Не выйдет. Хетти не собирался оставаться один среди этого бардака в твердом рассудке.

- Пусть не рассчитывает. Халемам – Халемово, канцлерам – канцлерово. Знаешь, чем кончают те, кто точит за всеми кинжалы? Есть такая пошлая, но народная мудрость.

- И тем не менее...

- Сид, ты глупости говоришь. Мне научиться думать, как Дар-Эсили! Может еще, как дикобраз пойти поплясать над водой?

Хетти скорчил забавную мордочку и действительно стал похож на водного дикобраза. Они один раз поймали такого в камышах на отмели возле замка Эселей. Зверь, утыканный сотнями длинных светящихся игл, запутался лапами в сети, оставленной рыбаками, и не смог зарыться в нору с подругой после полуночной пляски. Но с торжеством принести его в замок не удалось: чудище тяпнуло Сиду за палец и дало жару, не дождавшись, пока его замотают в орад.

Сид улыбнулся. Воспоминание было хорошее, светлое. Дикобраз, командующий армией Аккалабата, проскрипел:

- Шоглашушь только на одном ушловии. Ты будешь учитьша командовать, как Дар-Халем.

Сид выпростался из-под волос, быстро стянул их сзади в тяжелый узел.

- Если хочешь на мне жениться, слушай мою команду! А то не пойду за тебя.

- Сола тебя съест живьем. Ей пришлось спать с лорд-канцлером.

Сид решил, что не время сейчас объяснять Хетти, насколько ситуация в их доме не подходит для шуток. Похоже, он действительно видит мир как Дар-Халем - его любимый, который сегодня корчит мордочку дикобраза и абсолютно не понимает, что значит «спать», а завтра снова будет командовать армией.

2 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Ладно, я готов слушать.

Хетти любил Сиду всей кожей, всей кровью его любил. Если Сид что-то хотел от него, он должен был получить это. Милый, не понимающий, что Хетти спит по четыре часа в день, что он еле держится на ногах, что ему огромных усилий стоит не показать, как болят сломанные позавчера ребра...

- Слушай...

2 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Леди Сола Дар-Эсиль

- Как ты посмела снова от него забеременеть?

Королева метала грома и молнии, казалось, от ее взгляда могли воспламениться портьеры малого тронного зала.

Леди Дар-Эсиль равнодушно пожала плечами.

- Он мой муж, не правда ли, Ваше Величество?

- Я сделала его твоим мужем не для того, чтобы ты с ним спала, а чтобы сохранить тебя рядом с собою! По-моему, это было кристально ясно.

- Ну разумеется. Так же, как и то, для чего Вы сделали меня его женой. И вообще женщиной.

- Это не я! – королева внезапно потеряла решительность и переходит в оборонительную позицию.

- Он сам это придумал? И подписал королевский указ? – продолжила наступление Сола.

- Я не это имела в виду! Я хотела, чтобы тебя оставили.

- Ну так высказалась бы понятнее! – огрызнулась Сола. Ей уже все равно, низ живота отчаянно тянет и хочется поскорей оказаться дома, а не в этой пышно обставленной, но холодной комнате, в ненавистном дворце, с совершенно чужой ей женщиной. Женщиной, которая сама не имеет детей и хочет помешать ей, Соле.

- Я думала, что все знают. Что никто не осмелится... - королева чуть ли не плачет, но Соле сейчас не до сострадания. Ей жалко только себя и еще – немного – того малыша, которого она носит под сердцем. Рожденный нелюбимой женой от нелюбимого мужа он станет – если будет на то воля прекрасной Лулуллы – лорд-канцлером Аккалабата и освободит от этого бремени своего старшего брата. У которого, как надеется Сола, хватит ума не наделать сегодня глупостей, провожая Хетти в Кимназ. Приказ сыну вылететь туда с подкреплениями маршал Дар-Халем отдал вчера. Меери старается изо всех сил, но ему не хватает такого устрашающего фактора, как имя Халемов, заставляющее трепетать любого мятежника.

Королева заметила, как задумалась Сола, и предпринимает новую попытку.

- Надеюсь, одного раза тебе хватило? Ты поняла, как это портит здоровье и внешность? Взгляни на себя в зеркало: синяки под глазами, одутловатые щеки, кожа серо-зеленого цвета. И эти отвратительные сосудики, полопавшиеся здесь и там! Смотреть противно! Ты думаешь, он это оценит?

- Мне наплевать. Мне собственно и на то, что ты думаешь, наплевать, - Сола отвечает не вызывающе, а как бы размышляя вслух, смотрит она при этом на королеву как на назойливую блоху, и только это останавливает руку, уже занесенную для удара.

Ее Величество не ожидала встретить снова когда-нибудь этот взгляд – отстраненно-презрительный, тот, за который она так любила старшего сына рода Халемов. Вместе с крыльями, холодная самоуверенность, так воспалявшая властительницу Аккалабата, ушла, казалось, навсегда. И было это мучительно больно, иногда даже больнее, чем смотреть на полуоголенную спину, вызывающе подчеркнутую глубоким вырезом платья (Сола знала, какой фасон выбрать,

2 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

чтобы гладкая кожа между лопатками выглядела не просто гладкой – пустой), чем искать для невидимого чужим глазам прикосновения твердую руку с шершавыми от меча подушечками пальце и находить мягонькую женскую ладошку, которую хотелось сжать так, чтобы раздавить, выкрутить все суставы, но мешали перстни – грубые, с остро заточенными краями (их не зря, конечно, носила первая фрейлина королевы).

Взгляд, остановивший пощечину королевы, невозмутимо спускается от ее лица к груди, оценивающе скользит по скрытым под пышными складками платья линиям живота и бедер.

- Да, *ты* выглядишь хорошо. Вот это-то точно отвратительно.

- Почему?

- Ну, - продолжает размышлять вслух Сола. – Должно же как-то отражаться... на лице... в походке...

- Что?

- То, какая ты... злая. Порочная. Не сердись, я не многим лучше тебя. Но по крайней мере пытаюсь что-то исправить. А тебе все равно.

- Нет! – в бешенстве выкрикивает королева. – Мне не все равно! Мне не может быть все равно то, что я окружена шайкой предателей. Во главе с твоим мужем! С твоим отцом! С твоей дрянью-сестрицей! Ты думаешь, я не знаю, какие сети они плетут? Ты думаешь, мне не доложили, *насколько* трансформирована Койя? Я полагала, что ты хотя бы со мной, что я могу на тебя положиться, а значит, нет необходимости выжигать это змеиное гнездо каленым железом! Выходит, я ошибалась! Ты тоже одна из них, и нет тебе больше моего доверия. Я еще подожду – ради тебя подожду, слышишь? Но при малейшем признаке непослушания – они поплатятся. Вы все жестоко поплатитесь за обман своей королевы!

- Чем же я тебя обманула?

- Ты не должна была зачинать этого ребенка. Ты не должна была становиться женой лорд-канцлера в *этом* смысле слова.

- Ты сама себе противоречишь, - вздыхает Сола. – Одновременно предполагаешь использовать как шпионкув змеином гнезде, как ты изволила выразиться, а когда я пытаюсь укрепить узы доверия со своим мужем, подсакиваешь до небес, визжишь и извиваешься, словно демон Чахи на копье у святой Лулуллы. Где, скажи мне, пожалуйста, логика? Ты, правда, думаешь, что лорд Дар-Эсиль со своей сверхпредусмотрительностью и осторожностью выложит все свои планы жене, которая совсем не в *этом* смысле слова. И потом...

Сола переводит дыхание. Аргумент она собирается привести опасный. Но королева уже доказала, что предвидеть далекие последствия событий она не в состоянии. Этим надо воспользоваться. На худой конец, попытаться.

- Ты же не два года еще собираешься править. И не пять, и не десять лет. Ты имеешь все шансы провести на троне еще лет двадцать, как минимум. Вспомни своих предшественниц - сестру и бабушку – они, всем на удивление, миновали пятидесятилетний рубеж в добром здравии. За эти годы,

2 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

если мой муж собирается продолжать в том же духе, он порядком тебе надоест и в один прекрасный день ты снесешь ему голову. Ну, или там... сама знаешь, какая скользкая лестница у нас из парадного зала. Зацепиться мечом за перила или орадом за чей-то меч и сломать себе шею ничего не стоит.

От довольной улыбки на лице королевы Солу прошибает холодный пот. Низ живота тянет все сильнее, и домой хочется уже невыносимо. Но нужно закончить. Сохранить ребенка в ее случае значит не просто выносить.

- Так вот, посуди сама, кто тебе выгоднее в качестве преемника, после того как с моим досточтимым мужем что-то случится? Лорд Сид, который не простит тебе ни меня, пришедшую в их дом, ни смерти отца (он – Дар-Эсиль, от него не скроешь), ни...

Сола внезапно соображает, что она только что хотела сказать. *Хвост демона Чахи мне в глотку! Ну почему я леди Дар-Эсиль только по имени? Почему моя халемская кровь, так помогающая Хетти на поле боя, не позволяет мне просчитать ходы наперед, чтобы я знала, когда уместно заткнуться? Я же чуть не сболтнула ей про отношения Сиды и Хетти. А уж сложить два и два так, чтобы получилось четыре, властительницы Аккалабата могли всегда.*

К счастью, королева слишком поглощена открывшимися перспективами. Меньше всего ее сейчас интересует, что там может через пять или двадцать пять лет подумать лорд Сид.

- Надо же... я и правда забыла. В конце концов ты сама можешь его отравить. Или задушить. Ты же должна уметь...

- Ваше Величество, я трансформирована полностью. Я прекрасная деле и понятия не имею, как убивать.

- Ах да. Досадно. Но продолжай... Что ты там говорила про лорда Сиды?

- Я говорила, что он гораздо менее выгодный для Вас претендент на лорд-канцлерство, чем тот ребенок, которого я ношу в моем чреве. Этот по крайней мере – *мой* сын.

Сола прекрасно знает (а может быть, даже помнит из прошлой жизни), что королева весьма чувствительна к переходу от «ты» на «Вы» в их разговорах. У нее словно колокольчик маленький брякает в голове: «Будьте готовы, Ваше Величество. Сейчас Ваша фрейлина скажет Вам нечто важное». Баммм – сработало!

Королева от восторга хлопает в ладоши. Она наконец поняла. Единственное, что ее не устраивает...

- Ждать-то как долго... Когда он еще вырастет...

Теперь она смотрит на выступающий живот Сола совсем по-другому. Нерешительно вытягивает вперед руку:

- Можно?

Соле становится страшно. Страшно ответить «нет», и страшно позволить. Никогда не знаешь, чего ожидать от перепадов настроения бывшей любовницы. А, что, если она навредит малышу? Но этого малыша настолько никто не любит, он настолько не нужен никому – даже Сид и Хетти

2 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

рассматривают его чисто утилитарно, как залог возможности для этих двоих быть вместе... И она, крепко сжав зубы, чтобы не зареветь от безысходности и смертельного ужаса, кивает, подставляя живот. Маленькая ладонь королевы разглаживает складки платья, осторожно притрагивается.

- Он здесь?

- Чуть пониже. Если нажмешь посильнее, почувствуешь голову.

- Я не буду нажимать, боюсь повредить его...

Ладонка двигается вверх-вниз, обводя уже ощутимые сквозь материнское тело контуры младенца. Королева словно прислушивается к своим ощущениям, резко приподнимает голову, задерживая руку в самом низу, между ног Сола, сильно сжимает. Она понимает, что этим младенцу не навредишь, а Соле достаточно больно. Вон как побледнела и хватает ртом воздух.

- Сола, ты отдашь его мне.

Сола от неожиданно прорвавшейся боли даже не может ответить. Откидывается на кресле назад, пытается стряхнуть сжимающую низ живота руку.

- Ты отдашь его мне, слышишь? Он будет воспитываться во дворце, а не в вашем змеючнике. Это приказ королевы.

- Да. Отпусти. Как хочешь, - выдыхает Сола сквозь рвотные позывы. Ей уже наплевать на королеву, на то, что ковро в этом кабинете более тысячи лет и что, якобы, он помнит саму королеву Лулуллу. Она просто падает на четвереньки, чувствуя, как то небольшое, что ей удалось запихнуть в себя утром за завтраком, выходит наружу, вместе с горькими кровяными сгустками, и что такие же кровяные сгустки текут у нее между ног. Голос королевы она слышит как через плотный туман, уже не голос, а дикий животный крик. Так кричат в осеннюю пору рогатые жабы на эсильских болотах, когда им становится так же страшно и холодно, как сейчас Соле, и, если они не успевают спрятаться, то они замерзают, гибнут, потому что, так же, как Сола, они не могут жить в этом всепоглощающем холоде.

4 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Лорд Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата

Лорд-канцлер с траурной лентой на волосах вошел, посмотрел исподлобья, сел, не спрашивая разрешения, закинул ногу на ногу. Говорить начал так же, как сел, не испрашивая позволения своей госпожи – королевы Аккалабата.

- Я не собираюсь выяснять отношения по поводу того, кто ее убил.

И королева спустила, позволила ему эту дерзость, пошла на поводу у лорд-канцлера, хотя ей больше всего на свете хотелось сейчас встать, и запустить туглей в это надменно усмехающееся лицо, и закричать так, чтобы все слышали: «Ты! Ты ее убил!» Не встала, не закричала, потому что знала: «Я. Я убила ее». Но смотреть на лорд-канцлера сил все-таки не было, поэтому рукой обреченно шевельнула, мол, делай, что хочешь, и продолжила перебирать золоченые кружева, только что прибывшие из дариата Кауда. Отправленные ей в подарок леди Эллой Дар-Кауда, еще не знавшей, что она убила ее сестру.

- Вы не почтили своим присутствием похороны, - лорд-канцлер не осуждает, он констатирует факт. – Все-таки она была Вашей первой фрейлиной. Это будут обсуждать. Что прикажете мне отвечать на вопросы?

- Что хочешь. И не пытайся меня убедить, что ты не знаешь. Если бы ты не знал, ее бешеная сестрица уже оборвала бы все штандарты со стен этого замка, а лорд Хетти стоял у меня под дверью с мечом в руке.

Помолчали. Посверлили друг друга взглядами. Поняли, что бесполезно, что никто из них не признает свою вину. Подписали бумаги. Лорд Дар-Эсиль поклонился, направился к выходу.

- Ты не хочешь спросить у меня, что с твоим сыном? – удар в спину.

- Мне безразлично. Делайте с ним, что хотите, Ваше Величество.

- Лорд Дар-Эсиль!

Вернулся от двери, тяжело вытер пот со лба, посмотрел прямо и гордо, будто не Дар-Эсиль вовсе, а Дар-Халем.

- Ну что ж я могу поделать, моя королева? Мне действительно все равно. У меня воюют в Виридесе, из Кимназа снова приходят дурные вести, а Ваш маршал... - устало махнул рукой. – В общем, когда Вы будете в состоянии принимать решения, нужно обсудить, каким образом мы сделаем, наконец, лорда Хетти главнокомандующим Аккалабата. Верховный лорд Дар-Пассер, только что вернувшийся с передовой, рапортует, что при всей большей опытности лорда Меери, превосходство младшего Дар-Халема в стратегии и тактике очевидно. И, если позволите мне занять еще две минуты Вашего драгоценного времени, в Виридесе война идет на открытой местности, укрепленных замков как таковых там почти нет, поэтому огромную роль играет то, может ли военачальник сам вести наши силы в атаку, оставаясь при этом неуязвимым... Вы меня не слушаете.

- Да, лорд Дар-Эсиль, я Вас не слушаю. Мне безразлично. Делайте, что хотите.

4 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Дождать ее сейчас. Выкинуть из головы все сомнения, которые не первый день уже точат душу: не для того ли я так стремлюсь поскорее поставить Хетти не только номинально, но и формально во главе армии Аккалабата, чтобы обезопасить его и своего сына (своего старшего сына)? Или так действительно лучше для Империи? Никогда прежде при жизни верховного маршала Аккалабата не приходилось смещать его, заменяя на его сына. Слишком много произошло за последнее время, чего не было никогда прежде. Стоит ли дальше раскачивать лодку? Нет. Да. Если уж и верховные дары Пассера и Фалько в один голос требуют передачи маршальского жезла младшему Дар-Халему, это значит, что ситуация дошла до предела. Либо мы сейчас сомнем Кимназ и Виридис и будем еще несколько лет жить спокойно, собирая силы, либо... нам, как сто пятьдесят лет назад, придется встретить воинов-кимнов под стенами Хаяроса – озверелых, ненавидящих, винящих нас и наши крылья во всех своих бедах. Прекрасно вооруженных, ведомых жаждой наживы и мести – тех, кто с малолетства воспитывается и живет ради одной цели – уничтожение Империи даров, единственного государства, с которым кимны делят пространства Аккалабата. Виридис для них не в счет – там такие же крылатые дары, как мы. Они их превратят в прах вместе с Аккалабатом.

Я дожду ее сейчас. Потому что, когда мутная пленка ненависти к младшему дару Халема, осмелившемуся украсть у меня любовь и доверие сына, перестает застилать мое зрение, я прекрасно вижу, что у Хетти хватит ума и трезвости использовать свое новое положение во славу Империи, а не во вред ей. Ни смерть Солы, ни подзуживание этой обезумевшей интриганки в Умбренических горах, которая так умело притворялась нежной и любящей (лорд Дар-Эсиль с облегчением констатировал, что, хотя он по-прежнему даже в мыслях не решался назвать Койю по имени, сердце его больше не останавливалось в груди, когда он сам или кто-то при нем вспоминал о леди Дар-Умбра) – ничто не заставит маршала Аккалабата свернуть с раз избранной им дороги.

- Так я предлагаю маршальский жезл лорду Хетти, Ваше Величество?

- Хоть самому демону Чахи.

Это ты сейчас так говоришь. Через неделю, когда все забудется, ты с меня голову снимешь за это решение. Поэтому...

- Тогда подпишите, Ваше Величество.

- Лорд-канцлер, - каркающий смешок царапнул его уши. – Вы предивно меня развлекаете. Подумать только, позавчера у Вас умерла жена, оставив новорожденного ребенка, на которого Вы даже не захотели взглянуть. Сегодня Вы ее хоронили, объяснялись с родственниками, у которых, надо думать, было к Вам много вопросов, особенно у этой Вашей... чокнутой заговорщицы из Умбрена.

- Она не моя...

- Не перебивать! Не перебивать свою королеву. А сегодня – ужасная прелесть! – Вы приходите ко мне якобы обсудить причины смерти Вашей возлюбленной деле и будущую судьбу Вашего

4 мая 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

долгожданного сына (она так напирает на *возлюбленной* и *долгожданного*, что хочется ее удушить), а на самом деле... А на самом деле, мой лорд, Вы по-прежнему печетесь только о судьбах Аккалабата. Кимназским тварям нечего делать в мире рядом с Вами, лорд Дар-Эсиль. Они обречены.

- Благодарю Вас за высокую оценку моих заслуг, Ваше Величество. Вы подпишете назначение лорда Хетти?

- Только через мой труп.

- Ваше Ве...

- Не перебивать! У меня, слава Лулулле, есть живой и здравствующий верховный маршал. Будьте добры обеспечить, чтобы и лорд Меери, и лорд Хетти в действующей армии выполняли его приказы.

- Но Ваше Величество, лорд Дар-Халем...

- Жив-здоров, как мне известно. Пусть и командует. А лорд Хетти пока поднаберется военного опыта и займется чем-то другим... женится, например.

Знает она или не знает? Знает или не знает? Ох, если б мне знать!

6 декабря 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Койя Дар-Умбра, Хару Дар-Умбра

Когда моя любовь к тебе перехлестывает через край и вздымается над головой как волна – гигантская, светло-зеленая, с белыми брызгами, когда я упираюсь локтями в колени, а кулаками жму на зажмуренные глаза так, будто одновременно хочу выдавить коленные чашечки и глазные яблоки, почему я не исчезаю в этот момент, не разваливаюсь на куски? Почему я делаю три-четыре глубоких вдоха, встаю, расправляю юбку, распахиваю дверь, кричу садовнику: «Нет, не сюда! Левай, под моим балконом! Все три куста!» Почему я не могу заплакать? Запереться в комнате, послать всех к демонам и весь день прорыдать? И второй день, и третий... И пусть они все делают, что хотят. Расцарапать лицо, разодрать в клочья платье, вырвать на себе волосы, выбросить из окна подаренное тобой ожерелье, разбить расписной умывальный кувшин и запустить лохань из-под него вниз с горы, чтоб гремело. Я ведь уже сожгла все твои письма. Почему я не могу? Корво...

- Койя, если тебе не дано плакать, ты себя не заставишь.

Хару собрал в горсть прохладные красные ягоды и протягивает их жене.

- Попробуй.

- Я уже пробовала. С Корво, когда мы гуляли последний раз. Такая кислятина!

- Не надо было...

- Что? Гулять с Корво?

- Да нет, - смеется лорд Хару. – Пробовать. До заморозков. Они несъедобны, пока их не тронет морозом. Попробуй сейчас?

Койя неохотно протягивает руку, большим и указательным пальцем берет одну толстую гладкую ягоду. Рассматривает на свет.

- Ой!

- Осторожнее! Кожица тонкая.

Капелька ярко-красного сока попала Койе в уголок рта. Она высовывает кончик языка, с недоверием слизывает. Удивляется:

- Вкусно.

- Я ж говорю тебе: совсем другое дело.

Подбирая подол, Койя поднимается к мужу, на усыпанный ягодой холмик. Присаживается, начинает срывать красные лопающиеся бочоночки, отправляет по одному в рот. Довольно щурится.

Хару так и стоит над ней, протянув руку с ягодами. Спыхватывается, собирает их сам губами с ладони. Хорошо! Словно сахарный лед. В Хаяросе и центральных дариатах скромные умбреньские ягоды не в чести, потому Койе и не доводилось их пробовать. А на юг их отправляют бочками. Они быстро портятся, но дары Акилы, Гавиа, Кауда идут на расходы, чтобы получить редкое лакомство. Единственное лакомство, которым может похвалиться Умбрень.

- Я долго думала о том, что такое дуэм.

6 декабря 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Койя смотрит на него снизу, задрав голову. Она присела на четвереньках, как кошка. Пальцы теребят зубчатый лист, покрытый блестящими пузырьками. Пузырьки лопаются, оставляя капли липкого сока. Даже дети в Умбрене знают, что сок листьев и стеблей ягоды-ледяники сжигает кожу и все, что под ней. Не зря ее еще называют стеклом-травой: как тонкий бокал, разбиваясь, она режет больно. Не сразу, эффект наступает через пару часов. Койя растирает в пальцах мясистый черенок, у основания ногтя повисла темная капелька. Но Хару почему-то ее не останавливает.

- Хару, это не для того, чтобы выжить! Это для того, чтобы нас подчинить!

Хару вздыхает, усаживается прямо на только что обобраный Койей ягодный куст, притягивает жену к себе на колени. Одной рукой она продолжает обрывать ягоды – те, до которых может дотянуться, другой – терзать листья, выдергивая ползучие кустики с корнем. Коричневая струйка течет по запястью, прямо в манжет. Хару не останавливает. У него крепнет ощущение, что он держит на руках лорд-канцлера Аккалабата.

- Я читала. Записки, оставленные твоей женой. Книги в библиотеке. Вот смотри, что у меня получилось. Королевам приятно быть уникальными – единственными живорожденными женщинами на планете. Поэтому они бдительно следят за тем, чтобы женщины не могли родиться в наших замках. Сам посуди: запрещение браков с тейо, у которых есть крылья и при этом прекрасно появляются на свет девочки... увод молодых даров за ширмы... жены королевской крови, которые выдаются как высший знак монаршей милости, а на самом деле являются одним из способов не позволить... в общем, я думаю, что они сознательно портят нашу кровь, Хару. Они все знают, все понимают, у них все рассчитано. В тиши хаяросских кладовых, за семью замками, куда путь заказан даже лорд-канцлеру, плетут свою паутину. Там у них все записано, все предусмотрено. Из поколения в поколение. Когда нужно навязать тот или иной дуэм. Когда требуется опустошительная война или массовое кровопролитие на турнирах. Кто должен погибнуть. Они все знают – говорю же я тебе, лорд Хару!

Он спихивает ее с колен. Это существо рядом с ним, которое рассуждает словно лорд-канцлер, выглядит как его жена и ведет себя как маленькая девочка, оно... говорит ужасные вещи! Оно предьявляет обвинения королеве! Пусть у нее руки опухнут к вечеру, пусть у нее хоть до костей мясо с пальцев облезет – так ей и надо! Она несет вредную ересь и должна быть наказана.

- Койя, ты безумна! Как это вообще могло прийти тебе в голову?

Взгляд Койи полон презрения. Она отползает медленно, цепляясь подолом за кустики ледяники, подносит руку к глазам, рассматривает потеки темного сока. В другой руке у нее ягоды – полная горсть. Сладкие, вкусные. Койя вздрагивает всем телом, бросает их мужу в лицо, вскакивает и, напевая, бежит к замку, уверенно перепрыгивая с камня на камень. Она высоко поднимает юбку, и Хару видит, что на ней тяжелые башмаки женщин-итано. Грубые, но удобные.

- Пропади оно все пропадом!

6 декабря 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

От яростного вопля Хару над его головой со скальной стены начинает сыпаться песчаная крошка, а мелкий зверек, вроде суслика, как ошпаренный вылетает из-под кустиков ледяники и бросается наутек. Хару наступает прямо на куст, в котором сидел зверек. и яростно давит ягоды, так что сок, словно кровь, брызжет по сторонам.

- Пропади оно все пропадом!

Он потрясает над головой кулаками, словно хочет докричаться до прекрасной Лулуллы в небесном ее чертоге. Задирает вверх голову.

- Пропади оно...!

Разжимает свои кулаки в ужасе. Койя... Только что. На его глазах... Да она же все руки себе сожгла соком ягоды-ледяники!

Он догоняет ее у входа в замок. Приземляется прямо у нее за спиной, схлопнув крылья так, что мускульное напряжение отдается во всем позвоночнике. Не обращая внимание на ее недоуменный писк, хватает за локоть, тянет – скорее, к колодцу, крутит ворот, заставляет ее вытянуть руки, засучить рукава до локтей – он видел, куда текла коричневатая струйка. Льет. Снова крутит ворот. Льет. Она смотрит расширенными глазами. Молча. Пока молча.

Вопить она начнет ночью. Когда впитавшийся сок проест сухожилия, связки и мышцы и надо будет просто терпеть, потому что даже кровь из пант молодого оленя не помогает от этой боли, хотя Хару и выльет все, все, что у него было, все, что берег для своего и Киттино альцедо. Она будет пытаться сжать пальцы, чтобы облегчить боль, а он – отворачиваясь, чтобы не видеть ее слез – будет разжимать, распрямлять скрюченные фаланги, потому что нельзя, потому что иначе так и останется. Она вырвется и будет лупить его кулаками – по лицу, по голове, а он вырвется и снова схватит ее за запястья, прижмет к подушке, чтобы не смела сгибать свои почерневшие, словно сожженные пальцы с уродливо раздувшимися суставами. Она выгнется, застонет глухо, застучит по кровати ногами, и он, отведя взгляд от ее заревавшего лица, увидит, как колени расставлены приглашающе, как неприлично задралось платье... и войдет непрошенный. Первый раз. В свою законную жену. Как подобает лорду Дар-Умбра.

- Койя?

- Молчи.

- Тебе плохо?

- Мне хорошо. Хару?

- Прости меня.

- Хару? Ты был во мне?

- Прости.

- Хару, спасибо. Мне хорошо.

Руки вытянуты по швам - морщинистые, будто она всю ночь стирала, а не занималась любовью. С синими пятнами омертвевшей кожи. Сок стекло-травы вошел внутрь, сделал свое черное дело,

6 декабря 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

вышел слезами и потом. Через неделю пальцы снова начнут шевелиться, через две – обретут былую подвижность. Больше болеть не будет. Морщинистые раздутые багрово-синие пальцы. И лучащиеся глаза. Счастливая улыбка на пол-лица.

- Хару, у нас будет ребенок?

- Увидим.

- Хару, люблю тебя.

Нет, это послышалось. Не сказала. Он и не ждал.

И потекли дни, счастливые дни ожидания. Он приходил к ней в спальню почти каждую ночь. Когда ясно стало, что будет ребенок, стал осторожен, в кровать не ложился, сидел на краю, по голове гладил тяжелой рукою. Она перехватывала руку, прижимала к губам, не плакала.

За три месяца ни разу не поднялась в библиотеку. Ни разу не заговорила о паучихе на троне, о дуэме... Занималась садом, болтала с Китти. Хару чувствовал, как отпускает его внутри державшая сердце когтистая лапа. Ощущал себя молодоженом, отпускал нелепые шутки, меньше горбился за столом, поглядывал гордо и радостно на жену, на сына, на слуг, на ненадолго явившегося Меери, который тоже оценил перемены, произошедшие в Койе, и был с ней подчеркнуто нежен и ласков. Даже пытался, хотя и неудачно, скрыть от нее причину затянувшегося отсутствия Хетти. Виридис вспыхнул неожиданно и предсказуемо и горел ярко и неугасимо.

Койя восприняла весть о том, что брат поставлен во главе армии, поскольку отец оказался не способен ею командовать, на редкость спокойно. Хару, прекрасно осознававший, что он и Китти будут последними из Умбрена, кого шурин призовет под свои знамена, тоже бровью не шевельнул: Виридис снова поднялся – Виридис будет повержен. Его сейчас занимало другое.

«Будет еще один сын!» По утрам, пока не проснулись домашние, Хару сидел в кабинете, прикидывал, где устроится спальня, кого из женщин-тейо позвать в повитухи и в няньки, как выгоднее заказать в Ямбрене белое мягкое полотно... понадобится не меньше рулона. Он чувствовал, что живет, и дышал полной грудью.

Когда у оленей закончился гон, Хару сделал вылазку на горные пастбища – снял панты с четырех молодых самцов, чтобы обновить запас болеутоляющих для себя и для Китти. Альцедо у них по времени почти совпадало: не успевал прийти в себя Хару, как Китти, старательно и умело вычесывавший отца последние четыре года, начинал жаловаться на ломоту в плечевых суставах и головокружение. Меери к нему подпускать по-прежнему было нельзя, Хару и Койя справлялись сами. Порошка наготовили на этот раз с запасом. Святая Лулулла защитит роженицу, но дитя, рожденное в боли, по умбренским поверьям, может полюбить эту боль и искать ее всю свою жизнь. Хару рисковать не хотел. Койя будет рожать без боли. Рядом с ним, вместе с ним. Он чувствовал, что живет, и мир наполнялся новыми красками.

Но однажды ночью в комнате над его головой (там, где спит Койя, замотав огромный живот в три одеяла) раздаются крики и грохот, и лорд Хару, не теряя времени на то, чтобы добежать до двери

6 декабря 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

и подняться по лестнице, выпрыгивает в окно, благо оно открыто даже в свежие умбрские ночи, и одним взмахом крыльев оказывается в спальне жены. От того, что он там видит, у него перехватывает горло. Койя стоит, опираясь рукой на спинку стула, согнувшись вперед, будто кто-то сильно ударил ее под дых, с волосами, закрывающими от него лицо, и дышит сипло, прерывисто, как после долгого бега или полета. На ней светлая ночная рубашка, которую она свободной рукой пытается заткнуть между ногами, и от этого ткань из белой становится красной. Красным пропитались и простыни на кровати. На них – тело, неуклюже повернутое, с раскинутыми руками. И еще одно, содрогающееся, на полу, преграждает лорду Хару путь от окна к Койе. Раненый пытается встать на колени, хватая воздух, дергает головой, силясь что-то сказать. Но получается только жалкое «Ыыы...», переходящее в хрип. Выгнув руку так, что она кажется сплетенной из гибких речных водорослей, тот, что на полу, силится нащупать рукоятку кинжала, торчащую у него из спины, между крыльев. Не дотягивается, рука опадает вдоль тела, сотрясаемого последней конвульсией. Предсмертная алая пена показывается на губах.

- Хару! На что ты смотришь? – злой шепот Койи заставляет лорда Хару оторвать взгляд от отвратительного зрелища. – Помоги мне.

- Ты ранена? – умирающих даров лорд Дар-Умбра на полях сражений и турнирной арене видел немало, но от одной мысли о том, что смертоносный металл мог коснуться Койи, в груди у него начинается грохотать гром.

- Нет, - слышен смешок сквозь свистящий шепот. И не успевает Хару облегченно вздохнуть...

- Хуже. Хару, там что-то с ребенком...

- Я позову...

- Не надо никого звать. Подержи меня. Он уже почти вышел.

Она показывает, как ему встать и протянуть руки, чтобы можно было на них опираться, постанывая, трясет задом, словно кобыла, к крупу которой прилипла колючка, роется у себя между ног одной рукой, потом упирается ему в голову животом, а в локти плечами – запускает под окровавленный подол обе руки, что-то там выкручивает, тянет. Сквернословит при этом она не переставая, как ветеран-тейо на поле боя. Это продолжается довольно долго. Иногда она вынимает руку из-под подола, чтобы поправить волосы или вытереть пот, и на лице остаются кровавые пятна. Когда Койя особенно энергично встряхивает задом, совершая при этом винтообразное движение всем своим телом, словно надевая на руки, просунутые в промежность, Хару не выдерживает. Отводит глаза, подавляя рвотный позыв, и пропускает момент, когда жена отворачивается от него и, даже не отодвинув мертвое тело, укладывает рядом с ним нечто маленькое и сморщенное, с вытянутой головой на тоненькой шейке, болтающимися ручками-ножками. Это покрыто слизью с ног до кончиков крыльев. Оно не дышит. Детей на Аккалабате носят четыре месяца или чуть меньше. Рожденные за месяц до срока не выживают.

Хару первый раз в жизни видит, как выглядят аккалабатские дары до своего рождения. Он бы много дал, чтобы это не видеть. Не здесь, не сейчас, не с нею, не с нами! Здесь, сейчас, с нами, с

6 декабря 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

ней. Койя стоит тихо, как неживая, вытянув руки по швам и опустив голову. Ему кажется, что он слышит, как из нее капает кровь.

Хару прикидывает, как завернуть трупик младенца, чтоб выкинуть. Мертворожденных детей нельзя хоронить. Он не знает, как пробавляются остальные – в Умбрене есть ущелья и водопады. Кто уж там ест свалившуюся на голову мертвечину – пещерные волки или медведи – какое ему до этого дело. Главное упаковать и унести, пока не опомнилась Койя. Хару склоняется над трупиком ниже. Что-то его задело при первом осмотре, что-то показалось не так. Он задерживает взгляд на скукоженном личике, на груди, спускается... Из горла вырывается сухой хрип.

- Койя! – ошеломленно сипит он. – Это... по-моему... девочка.

- Дай посмотреть.

Койя окровавленным пальцем раздвигает ноги маленького существа, которому не суждено было дышать воздухом Аккалабата.

- Девочка, - в одном слове горечь утраты и радость обретения. – Девочка с крыльями. Хару, мы не должны никому говорить.

Сознание она теряет внезапно, и лорд Хару успевает только дотащить ее до постели и, сбросив на пол труп несостоявшегося убийцы, положить на его место леди Койю. Прямо на кровавое пятно, на измятые простыни. Ей сейчас все равно. А ему нужно срочно спрятать три тела.

- Расскажешь, как это произошло?

Койя сидит, расставив ноги, в чугунной лохани. Знахарка сказала, что от деревянной бочки в теле может завестись всякая дрянь, а надо наоборот – выпарить всю заразу. Старуха, присланная кузеном Хару из соседнего дариата, славилась на весь Умбрен своим лекарским мастерством и нелегким характером. Хару она костерила на чем свет стоит, но он был ей благодарен. Старая тейо, похоже, сделала все возможное, точнее, оттяпала все возможное и невозможное. Он даже не ожидал, что внутри у Койи столько всего, без чего она сможет спокойно жить, как обещала старуха. Часа три она провозилась, вытягивала, как ему показалось, из Койи жилы, прижигала, завязывала, поминая при этом на все лады демона Чахи и недотепу – мужа своей пациентки. Наконец, разогнулась, вытерла руки о черный передник, велела посадить Койю в ванну, в которую тут же высыпала остатки оленьего порошка, хлопнула по спине лорда Хару:

- Что нос повесил? Жить она будет. А одного сына вам хватит. У некоторых и того нет.

Он быстро глянул на Койю. Она лежала плашмя на спине, разглядывала каменную резьбу на потолке. Под голову у нее был подложен завернутый в войлок нагретый на очаге продолговатый валун, который привезла с собой старая тейо. Она утверждала, что это кусок несгоревшего кимназского талабрита – из самого подземного пекла, доставшийся ей от ее прапрабабки и страшно целебный. Верилось с трудом, но раз уж старухе не удалось пока взорвать ни один из умбренских замков, что было бы закономерным результатом засовывания талабрита в камин, то и Хару не возражал. Лишь бы на пользу.

6 декабря 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

С того момента, как она потеряла сознание в комнате, Койя не произнесла ни слова. Знахарка это комментировать отказалась: сказала, что ее дело – хвори телесные, а уж что там творится в тонкой господской душе, ей неведомо. Тем не менее Хару не оставлял попыток узнать, что случилось. Спрашивал разными словами каждые пять минут.

- Койя, как они на тебя напали?

Она ответила, только вернувшись в комнату. Простыни были поменаны, запятнанные ковры унесли, шторы задернули. Прислуга разговаривала шепотом и ходила на цыпочках. Горничная внесла два подсвечника, Хару шикнул на нее, оставил один и то пригасил в нем пару свечей.

- Я просто лежала. Окно было открыто. Все произошло в считанные секунды.

- Если бы в считанные, ты бы не пережила эту ночь.

- Они двигались слишком медленно, - Койя усмехнулась с неожиданным самодовольством. – Их было очень просто убить.

- Ты сама себе противоречишь: они двигались слишком медленно в считанные секунды, - он специально произнес это, чеканя каждое слово, чтобы она заметила противоречие.

Койя задумчиво поджала губы. Казалось, она оценивала ситуацию со стороны.

- Нет, так и было, - решительно качнула она головой. – Они даже заранее не обнажили оружие. Рассчитывали, что я уже сплю.

- Два дара с внутренним временем, кинжалами и коротким мечом на безоружную прекрасную деле? Тебе не обязательно было быть спящей. Все кончилось бы...

- В считанные секунды? Они не дотронулись до меня даже пальцем. Я слишком быстра для них. Жалкие неудачники с жалким внутренним временем. Уверена, им ничего не оставалось, кроме как стать наемными убийцами – ни на турнирной арене, ни в реальном бою им ничего не светило.

Хару смотрел во все глаза и не понимал. Внутреннее время? У Койи? Асгир помнил все, но... они пытались фехтовать однажды, в самом начале, когда «она» оправилась после трансформации, и это было ужасно. Аса даже заплакала – от отчаяния, от бессилия. Полностью сохранив технику, она лишилась главного, что определяло на Аккалабате класс фехтовальщика, и больше в тренировочный зал не заходила.

- Ты, похоже, расстроился? – в голосе Койи звучало неприкрытое раздражение. – Да, у меня есть внутреннее время. Не такое как было. Но на среднего мечника хватит даже с избытком. Ты не замечал, потому что я запускала его только однажды – в присутствии Хетти, на королевском турнире. Ты, да и никто другой, не смог бы сквозь рев водопада услышать журчание ручейка.

Чувствуя себя полным дураком, Хару спросил:

- А лорд Хетти знает?

- Ну разумеется, - Койя глядела на мужа чуть ли не с сожалением. – А теперь уходи, мне надо поспать.

...

- Почему ты запер библиотеку?

6 декабря 1503 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Койя, ты еле стоишь на ногах!

У нее весь лоб в испарине, рука царапается о камни, кажется, что сейчас она оползет по стене так же, как спадает у нее с руки и волочится по полу пушистая шерстяная шаль.

- Открой мне библиотеку.

- Зачем ты спустилась?

- Какая разница. Дай ключи.

Хару, кряхтя, поднимается, долго роется в кармане орада.

- Тебе не следовало запускать внутреннее время, - бурчит он себе под нос.

- Вот и я тоже так думаю. Из-за этого я ее потеряла. Лучше бы меня убили.

...

Разговоры о потере ребенка становились их манией. Они выискивали причины, обсуждали сценарии, вспоминали детали. Они никогда не смотрели вперед, только назад.

18 октября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Койя Дар-Умбра

Шорох мышиный, скрежет где-то далеко, в другой половине замка открываемой двери, вой ветра в камине комнаты Хару - он никогда не закрывает заслонку. Почему я все это слышу? Зачем на меня наваливаются запахи, звуки - те ощущения, которых я прежде не замечала? Мне не снести. Капает вода в кухне из крана. Повариха-итано всегда забывает его завернуть. Кухня в хозяйственном крыле замка, четырьмя этажами ниже. Зачем я слышу, как капает эта вода? Звон цепей и скрип колодезного ворота. Окна библиотеки выходят на горы, три толстых стены отделяют ее от внутреннего двора. Зачем так скрипит этот ворот? Не могу сосредоточиться.

Ветхие страницы пахнут вчерашним обедом. У меня на руках сажа - я облокотилась о дверь, когда зашла в кузницу к Хетти. Это было неделю назад. Откуда эта липкая чернота на подушечках пальцев? Койя с ожесточением трет их о первое, что подвернулось. Корешок книги крошится, но пятен на переплете не остается. Пальцы чистые. Это было неделю назад.

Она испуганно оглядывается: не видел ли кто? Нет, конечно. В комнате никого, кроме нее. А если кто и войдет, то не сразу выцепит взглядом крошечную фигурку за баррикадой из толстых томов, таких древних, что некоторые листы расползаются под ее пальцами, за нагромождением пожелтевших от времени свитков, большую половину которых не удастся расклеить, чтоб прочитать. Раньше Койя убирала прочитанное на место, старалась как-то сортировать неожиданные сокровища, обнаруженные в библиотеке Дар-Умбра. Теперь она просто отодвигает их в сторону, наваливает сверху этаж за этажом, не стараясь запомнить, что где положила. Полки пустеют, а заляпанного пятнами каменного стола, овалом своим повторяющего форму комнаты, стола, за которым больше выпито было бутылок, чем прочитано строк, с того момента как вырубил его топоры умбренических каменотесов, уже давно не видно.

...

- Что еще ты надеешься там найти? - спрашивал Хару, заметивший наконец, что жена все больше охладевает к кухне и саду и все чаще запирается в библиотеке. Самым тревожным симптомом стало ее равнодушие к фехтовальным занятиям Китти. Хару не пускал ее в тренировочный зал, но раньше хотя бы она просилась.

- Не знаю, - она не сразу подняла от книги воспаленные глаза и ответила равнодушно, будто разговаривала не с ним, а с этой же книгой. - Но должна же я чем-нибудь занимать время?

- Ты могла бы...

- Какая разница! - перебила Койя и снова уткнулась в книгу.

- Койя! - Хару было не просто заставить отступить, тем более, в бою, а сейчас он чувствовал себя как на поле боя. - Ты моя жена и прекрасная деле. Это не изменить. Займись домом, прикажи прогнать пару слуг, выругай Китти за беспорядок в спальне, закажи себе новое платье, проедься верхом. Сделай хоть что-нибудь из того, что делают все.

18 октября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

В карих глазах блеснуло упрямство. Он ожидал гневной отповеди "Я - не все!" и заранее ей радовался. Искра погасла, не разгоревшись. Койя перевернула страницу. Спустя минуту - еще одну.

- Здесь негде ездить верхом.

- Хоть вокруг замка!

- Хару, здесь негде ездить.

Он постоял некоторое время над ней и вышел, не закрыв за собой двери. Пусть хоть сквозняк заставит ее пошевелиться!

Когда он вернулся вечером сообщить о прилете Меери, дверь была все так же распахнута, хотя руки у Койи покрылись гусиной кожей, а губы ее посинели. С зимними сквозняками Умбрена шутки плохи. Больше тысячи лет прошло с тех пор, как дары начали заселять его южные склоны, но у них так и не получалось строить замки, которые можно было бы проветривать, не опасаясь выстудить их. Приходилось выбирать между вязкой слякотностью, царившей в помещениях с наглухо закрытыми окнами и слабо теплящимися каминами, и пронизывающими порывами ледяного ветра, вторгавшимися в любую щель и мгновенно пробиравшими комнату так, что она не могла служить обителью человеков.

Хару выругался сквозь зубы, завернул жену в свой орад и заставил двадцать минут просидеть в бочке с горячей водой и натереться медвежьим салом, прежде чем выйти к ужину.

Меери уже побывал у Китти и спустился в обеденный зал веселый и беззаботный.

Меери Дар-Кауда

- Койюшка, ты опять дуешься?

Он не видел ее несколько месяцев, и перемена бросалась в глаза. Может быть, просто больна? Не мудрено. После потери ребенка, в такой глухомани, зимой... Даже крепкий организм даров Аккалбата давал сбои в негостеприимном Умбрене. Что уж сказать о прекрасной деле?

Койя не удостоила его ответом, но Меери поразило не это. Китти не бросил на нее умоляющего взгляда, не вставил деликатно "Мама, с тобою беседуют..." Слово не обратив внимания на ее бестактность, уселся за стол рядом с Меери, приподнялся, с интересом заглянув в миску с супом. Без энтузиазма сообщил: "Снова баранина..." Он не любил жирное. "Потерпи годик, - шепнул Меери. - Переедешь к нам, и твоя прекрасная деле позаботится о твоём желудке. Жаловаться не будешь".

Осекся, поймав недовольный взгляд Койи. Она не села, а прям-таки плюхнулась напротив них, придвинула к себе тарелку. Меери сразу заметил, как неряшливо она ест, и ему стало неловко. Даже кружевными манжетами Койя ухитрилась зачерпнуть суп. Меери недоумевающе оглянулся кругом: все - и хозяйка, и слуги - делали вид, что так и надо. Только Китти заерзал как на иголках. Теряясь в догадках, Меери попытался внести в поглощение пищи струю оживления. Рассказал придворные новости, щедро приправив их сплетнями, чуть ли не в лицах изобразил последнюю

18 октября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

стычку между молодежью Пассеров и стариками Эрзелей. Столичные резиденции этих кланов стояли бок о бок, а их образ жизни различался, как отличается ревуший поток летнего Эль-Зимбера от неподвижности Эль-Зимбера зимнего.

Пассеры считали, что в столице старикам делать нечего, зато давали всем желающим молодым возможность окунуться в придворную жизнь, показать себя на столичных турнирах, до отвала наесться, напиться, натискаться девушек-тейо и намахаться мечом в благопристойных тавернах и злых притонах Хаяроса. В их особняках жизнь была ключом, и это бурление было как кость в горле дарам Эрзеля, которые, как говорили в народе, даже рождались с насупленными бровями. В обиходе была фраза "мрачный, как Дар-Эрзель". Выяснить, в каком возрасте у Дар-Эрзелей возникало сердитое выражение на лице, не представлялось возможным: в столице у них обретались одни старики, а в военных лагерях и на провинциальных балах Меери их не разглядывал. Впечатление, что у Эрзелей даже пятнадцатилетние дары ведут себя так, будто сильно устали от жизни, у него было, но он на нем не заморачивался. Заморачивались Дар-Пассеры, которым приходилось жить рядом с Усыпальницей Дар-Эрзелей (так они называли их резиденцию) и которые не теряли надежды соседей "расшевелить" (так они называли пьяные вопли и ночные шествия с факелами у Эрзелей под окнами). Достичь согласия не удавалось уже которую сотню лет. Приходилось то жаловаться королеве, то выяснять отношения в честном бою.

Последняя потасовка произошла непосредственно у главных ворот Дар-Аккала, участие в ней приняла даже дворцовая гвардия, почти целиком состоявшая из Дар-Пассеров, крови пролилось много, имелись и трупы. Королева была милостива: выслала из Хаяроса двадцать молодых да буйных Пассеров и четверых стариков у Эрзелей, пригрозила казнить самых активных участников, но, продержав их неделю в клетках под потолком кишящего крысами подземелья (крыс сердобольные тюремщики подсаживали в клетки, чтобы зверюшки не карабкались по цепям сами и добирались до своих жертв в хорошей физической форме - аппетит им нагуливать не требовалось), приказала отпустить всех, кто выжил. Выжила половина, но одного взгляда на обглоданные крылья и бескровные лица выходящих из подземелья Меери хватило, чтобы понять: скоро их останется не более четверти.

Что-то вроде интереса мелькнуло на лице у Койи при упоминании о милосердии королевы.

- Они должны быть благодарны Ее Величеству. Она позволила им жить, - проронила она, сосредоточенно рассматривая жирные пятна на своих манжетах.

Меери чуть ложку не уронил. Не на такой результат он рассчитывал, пытаясь вывести Койю из прострации. Она между тем ожила окончательно, откинулась на спинку кресла, победоносно посмотрела на всех, хлопнула в ладоши, привлекая внимание.

- Нет, десерта не надо. Пусть слуги выйдут. Нам нужно поговорить.

Меери, Хару и Китти, который всегда был отражением настроения Койи и весь обед просидел тихо, как мышь под метлой, не знали, выдохнуть ли им с облегчением, увидев перед собой прежнюю оживленную Койю, или бежать от нее на край света. Энергия от нее исходила какая-то

18 октября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

лихорадочная. "Она, точно, нездорова, - подумал Меери. - И я тоже заболел, если пообщаюсь с ней такой чуть подольше. Она просто излучает..." Он не успел додумать, как охарактеризовать ту невидимую болезненную ауру, которая, казалось, концентрировалась вокруг Койи и подползала к нему через обеденный стол. Просто инстинктивно отодвинул кресло и рассердился за это сам на себя.

- Меери, сегодня ты будешь спать в комнате Китти. В его постели.

Хару молча поднялся из-за стола. Китти залился румянцем: краснеть он умел как никто на Аккалабате. Меери, не веря своим ушам, постарался обратить происходящее в шутку.

- А где будет спать Китти?

- Меери, ты слышал, что я сказала. У нас нет времени на твои шутки. Я хочу жить.

Логическая цепь распалась в голове у Меери, и звенья ее раскатывались так далеко, что никаким мозговым усилием он бы не взялся загнать их на место.

Китти беспомощно оглянулся. Хару не трогался с места. Он стоял как каменный идол - из тех, которыми были украшены древние замки Эсилей, Фалько и Кауда до прошлого царствования, когда их снесли по приказу Ее Величества, увидевшей во сне, после бурного бала в одной из этих знаменитых твердынь, напоминавших о эпохе королевы Лулуллы, полчища гранитных колоссов, марширующих по Хаяросу и низвергающих стены Дар-Аккала.

Говорили, она просто перепила на балу: прошлая королева славилась невоздержанностью. По другой версии, она как раз выпила недостаточно много и наутро проснулась с воспоминанием, что не договорилась с семьей Дар-Кауда об очередном маленьком сувенире - хорошеньком мальчике, которого верные своим обычаям Кауда отказались отправить за ширмы ровно в то самое время, когда лорд-канцлер избавил от той же участи своего младшего сына, а уже зрелый дар дома Фалко, выбранный на замену, скоропостижно женился (точнее, вышел замуж). То, насколько послушно и быстро были низринуты каменные исполины, свидетельствовало, с точки зрения Меери, (он не был старшим сыном и мог только догадываться, правда принадлежала лишь лорду Рейвену), что непокорные древние кланы восприняли это как меньшее из всех зол, которые обещал гнев властительницы Аккалабата.

Меери было шесть лет, когда изваяния рыцарей древности сбросили с башен родовых замков Кауда, но он хорошо помнил тот темный, стихийный ужас, который испытывал, если, возвращаясь с вечерней прогулки, вдруг видел их в свете молнии или отблесках факелов - гордые, непримиримые, что-то про него, маленького, знающие, что заставляло их смотреть угрожающе. После того как древние истуканы были изгнаны со стены и разбиты в щебень во внутреннем дворе крепости, он перестал бояться, поднимаясь от конюшни, огибать дозорную башню, чтобы попасть к себе в спальню. Раньше Меери вынужден был пролетать под самым носом у молчаливых каменных стражей Дар-Кауда, выглядевших как живые, и с ужасом представлял, что было бы, если бы хоть один из них чихнул в этот момент.

18 октября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Хару и до пояса не достал бы этим монструозным созданиям мастеров прошлого, но молчание от него исходило такое же грозное. Меери, никогда не трепетавший перед отцом, Рейвеном, королевой, Хетти Дар-Халемом и демоном Чахи, невольно вздрогнул.

Он начинал их ненавидеть. Лорды Дар-Кауда не любят терять контроль. А Койя только что заставила его бессознательно отодвинуться от стола. И теперь эта реакция на молчание Хару. Меери очень не нравился сейчас сам себе.

Койя не моргнула и глазом. Она сидела прямая как меч и испепеляла взглядом Меери. Китти, все время, пока длилось молчание, бешено ерзавший на стуле, напомнил ей о себе:

- Койя, мне нет пятнадцати. Осталось подождать всего год. Да и тогда не обязательно сразу...

- Год - это много. Мне нужно, чтобы ты взял его крылья сегодня.

Меери взъярился. Да какое, к демону Чахи, ей дело!

- А я уже десять лет, как совершеннолетний. Брось командовать. За год с зеленых лун не осыпется бронза. И я сам решу, как и когда отдавать свои крылья.

- Меери, сегодня или никогда.

Она была по-торжественному серьезна, и от этого еще страшнее.

- Койя, что на тебя нашло? - Меери попытался вернуть ситуацию в рациональное русло. Он действительно не понимал.

- Ничего. Просто уже пора, - совершенно рациональным тоном ответила Койя. - Год не имеет значения. Это просто двенадцать месяцев. Триста семьдесят шесть дней. Я не вижу большой беды в том, что Китти возьмет твои крылья раньше, чем предписано в нашем дурацком Регламенте, и ты проходишь эти двенадцать месяцев в юбке, а не в штанах. Мне надо жить.

- Отец, да скажи ты ей, честное слово! Ты ей скажешь?

Меери, уже два года с чувством хозяйской радости следивший за взрослением Китти, с удовольствием подмечавший в нем все новые и новые черточки, отличавшие юношу от мальчишки, уверенного в себе и своем дойе каруна от неприкаянного полусироты-неумехи, каким он был при их первой встрече, улыбнулся первой реплике Китти и нахмурился на вторую. Все-таки грань была еще очень зыбкой, и при всей своей любви к Китти, сознавая свою обреченность на это чувство, Меери не хотел торопить события. Одно дело, когда они пара "карун - дойе", оба с мечами, и один может при случае постоять за другого (у Меери не было иллюзий на счет того, кто этот "один" и кто "другой"). Но полностью утратить контроль, сделать что-то необратимое...

Он был не готов и знал, что Китти еще не готов. Но Китти должен был заявить об этом сам, а не обращаться за помощью к отцу. Он должен был сказать: "Я не готов его трансформировать" или "Мать, не лезь в наши дела". Но не сказал. Так и сидел, переводя взор с отца на Меери, ждал от них помощи.

- Койя, они не готовы.

Слова сорвались с губ Хару, словно ожил вдруг каменный исполин.

18 октября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- К чему? К тому, чтобы убраться наконец в замок Кауда? - желчно поинтересовалась Койя. - Помнится, лорд Меери, твой брат говорил нам, что у вас их как чешуи на горной форели. Хару, ты сам обсуждал с ним приданое.

- Почему мы должны убраться отсюда? - удивленно спросил Китти. Меери поморщился. Все не так. Надо жестче, малыш. Китти увидел его лицо, глаза у него стали отчаянными.

- Мама. Пожалуйста. Это наше дело. Мое и Меери.

Вот так уже лучше, мой карун. Почти что совсем хорошо. Как же я восхищаюсь тобой сейчас, когда ты такой решительный! Бледный, со сжатыми кулаками стоишь против матери (да какая она ему мать, окстись, лорд Меери!), чтобы защитить меня - своего дойе, потому что понял, искоса посмотрев на меня, что я "не хо-чу", потому что ты хочешь так, как мне лучше. А я знаю как. Я на следующий день после твоего пятнадцатилетия... Да какой день! В ту же самую ночь из объятий не выпущу, маленький мой, зашвырну мечи свои с самой высокой башни - хоть королеве за ширмы, хоть в пасть демону Чахи. Сам стащу с себя и с тебя орад, и безрукавку, и сапоги, окна все заложу ставнями, чтобы никто не слышал - нет! - настезь их распахну, чтоб все слышали, как я ору. Как я пою над тобой, под тобой, от тебя, маленький мой. Я даже крылья свои окровавленные убирать тебе не позволю, плевать на традицию. Я специально об этом подумаю в самый важный момент (говорят, если очень хотеть, должно получиться), чтоб не забыть, чтоб самому утром подняться и весь этот ворох обшкрябанных перьев за дверь вынести. Я для тебя, за тебя это сделаю, мой родной, чтобы ты не жалел, чтобы тебе не было больно. Через любую свою боль я встану в первое утро, я, леди Мейра Дар-Умбра, или как ты меня назовешь, и выброшу эти кровавые воспоминания. А когда ты проснешься, я буду ждать тебя уже чистенькая. И мы будем жить вместе долго и счастливо и умрем в один день. Мой карун...

- Меери, у тебя глаза страшные.

Да что у них тут происходит? Я дважды за время нашего разговора выпал из него подчистую. То о каменных рыцарях задумался, то размечтался о том, как у нас будет с Китти, а им хоть бы хны. Хару так и стоит в угрожающей позе, руки засунув в карманы орада, словно боится удушить Койю на месте. Куда вся любовь-морковь подевалась, аж страх берет... Китти тоже поднялся, пытается быть сильнее, чем есть, первый раз в жизни, наверное, серьезно возразил мачехе. А она как сидела, так и сидит. Прямая, напряженная, готовая к тому, чтобы ее удушили на месте. И улыбается. Жутко так улыбается. Обещающе.

Что с ними со всеми такое?

3 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

3 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Хару Дар-Умбра

Хару еще раз проверил засов. Намертво. Женскими пальчиками не сдвинешь. Даже если учесть, что Койя в три раза сильнее, чем обычная деле. И красиво. Хетти сковал непростую задвижку на дверь башни, где находятся комнаты Хару и Койи, со всей братской любовью. Ни о чем не расспрашивая, выковал диковинный затворный механизм, сунул в руки Хару, объяснил, как установить и пользоваться, и улетел обратно в Хаярос. На вопрос "Когда будешь?" ответил: "Постараюсь нескоро. Мне надоело объяснять твоей жене, что я командую армией Аккалабата, а не виридскими бунтовщиками". Так и сказал: "твоей жене", а не "моей сестре". Это в последнее время вошло у него в норму.

Хару поднял с пола свечу. Для того чтобы задвинуть мудреный засов, даже мужчине требовались обе руки. Беда не велика. Но если так пойдет дальше, для того чтобы урезонивать Койю, не хватит ни его мозгов, ни его языка, ни... - упаси нас святая Лулулла! - Хару с отвращением посмотрел на свою пятерню. В свете одинокой свечи она отбрасывала огромную тень. Он надеялся, что ему никогда не придется ударить Койю, что можно ограничиваться другими мерами, например, перевести Китти от греха подальше в северное крыло замка. Там нездорово, но парень, который уже все соображает, не наслушается лишнего.

Хару остановился на нижней площадке. Сапоги, привезенные оруженосцем с последней осенней ярмарки в предгорьях, жали немилосердно. Конечно, надо мерять. А как? Одну ее не оставишь, отправиться на торговище с ней - беды не оберешься. Она совсем не следит за языком. Кровавые мозоли на больших пальцах Хару мазал медвежьим жиром и посыпал ледяной крошкой. Пробовал прикладывать распаренный олений хвост - не помогло. Нужно ждать следующей ярмарки.

Резкий порыв ветра поднял полы орада Хару, задул свечу, когда он был в нескольких ступенях от верхней площадки. Она выходила в небольшой зал, по периметру которого располагалось несколько дверей: в спальню Хару, в подсобное помещение для всякой всячины и в третью комнату, продолжавшую называться его кабинетом (у всех старших даров на Аккалабате должен был быть свой кабинет), но постепенно превращавшуюся в его оружейную и столовую Койи. Хару стаскивал сюда все оружие, какое считал нужным держать под рукой, и этого оружия становилось все больше и больше. Он говорил всем и себе, что делает это, памятуя о ночном нападении, и гнал от себя мысли о грозном будущем, которое читалось в строго сведенных бровях и преждевременной седине на висках Хетти, несколько месяцев как вернувшегося из Виридуса, и в молчаливости прилетавшего из Хаяроса лорда Меери. Теперь на стенах прежде мирной комнаты висели мечи, а на этажерке, поверх нескольких старых писем, лежали метательные ножи. После покушения первое время в комнате дежурили оруженосцы или младшие дары, но Хетти сказал: "Брось, Хару. Никто ее больше не тронет. Я им шеи сверну". И снял камень с души Хару, позволив распорядиться людьми, которых ему так не хватало, с большей пользой для дариата. Теперь в комнате никто не ночевал, а Койя - в дурные моменты своей "так называемой жизни", как она

3 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

теперь выражалась - требовала, чтобы ей туда приносили еду. Долго она там никогда не задерживалась, запикивала, не жуя, в себя что бы ни подавали, не замечая вкуса, не жалуясь, но и ни разу не похвалив пищу. Сразу поднималась к себе наверх. Поэтому Хару был удивлен, найдя дверь приоткрытой. Из-за порога тянуло холодом.

Заглянув в щель, Хару увидел яркие колочие звезды и сообразил, что жена, наверное, не закрыла окно, и ветер распахнул дверь изнутри. Повторного нападения он не опасался - Хетти ведь обещал. Тем не менее, брешь в обороне замка была ни к чему, да и снегу могло нанести. Колочие яркие звезды на неподвижном зеленом небе обещали метель. Хару шагнул в комнату, поежился, протянул руку...

Створки окна грохнули одновременно с захлопнувшейся у него за спиной дверью.

Если бы она не вдохнула прерывисто перед тем, как напасть, он бы был уже трупом. Но тоненький свист за спиной Хару услышал.

Она нападала молча, ожесточенно, не делая никакого секрета из своей цели. Она не пугать пришла его - убивать. Полуголая, в той короткой ночной рубашке, в которой он оставил ее часом раньше, прежде чем спуститься вниз по хозяйственным и другим надобностям. Сам Хару был вынужден сражаться в ораде. Она не оставила ему ни секунды, чтобы протянуть пальцы к застежке, ни шанса на то, чтобы запрыгнуть на подоконник.

Не имея той мускульной силы, которая служит веским дополнением к фехтовальному мастерству даров Аккалбата, Койя, даже в узком, вытянутом между окном и дверью пространстве, выжимала все возможное из своей скорости. Хару сразу же понял, что с его внутренним временем за ней не угнаться. Он парировал на чистых инстинктах, едва успев поставить подсвечник и выхватить мечи и даже не помышляя о том, чтоб перейти в нападение. И она была ослепительно, изощренно технична.

Мечи она, разумеется, подобрала заранее. Времени у Хару, ушедшего в глухую защиту, хватило на то, чтобы оценить соответствие тех приемов, которыми его вознамерились убивать, полудлинным легким клинкам, мелькавшим перед глазами и в первую же минуту разрезавшим в нескольких местах не только орад, но и безрукавку.

Койя отсекала его от окна и загоняла в угол, между шкафом и этажеркой. Хару начал уставать. Она начала улыбаться. Не той истерзанной, злой улыбкой, которую он видел у нее на лице последние несколько месяцев - с того самого дня, когда на Аккалбате не родилась девочка с крыльями, а веселой, мальчишеской, напомнившей Хару прежнего Ко Дар-Халема. Только Ко не стал бы его убивать. Подхлестнутый этой мыслью, Хару прыгнул вперед, забыв о разнице в классе. Стереть с ее лица эту долгожданную, эту отвратительную улыбку!

Это было неосторожно. Перед ним была техника Дар-Халемов, умноженная на их фантастическую реакцию. Быстрое почти горизонтальное движение разрубило не только орад и безрукавку. Хару успел подумать: "Хорошо, что не слева", - и пропустил снова. На этот раз слева, чуть ниже сердца. Он словно со стороны услышал свой вскрик, и это напомнило ему, что у него есть голос.

3 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Если он умрет... точнее, когда он умрет... Он не успел взять защиту, и самый конец клинка Койи полоснул по не прикрытой гарде руке, повыше запястья, кровь разлетелась веером. В глазах Койи появилось серьезное выражение. Хару глухо застонал. Сейчас он умрет, так и не заговорив с ней, так и не попытавшись понять: почему?

- Почему, Койя? Ответь. Почему?

Она чуть ослабила натиск. Снова улыбка - на этот раз спокойная, все понимающая.

- Почему?!!

Неужели она тоже устала? Почему она позволила мне выбраться из угла, куда так успешно меня зажала, и подпускает к окну?

Хару, чувствуя, как кружится голова от потери крови, удвоил усилия. Он хотел жить, святая Лулулла, он должен был жить, у него был Китти! Воспоминание о сыне придало ему сил, которых хватило даже на то, чтобы заставить Койю отступить к подоконнику. На ней не было ни царапины, но она... выдохалась? Хару уверовал в это и стал действовать настойчивее, пусть менее организованно, но не давая сопернице передышки, оставляя "дырки" в своей обороне, а она... она этих дырок не видела? Или уже не успевала?!!

Хару заставил себя успокоиться. Левая кисть почти не работала, в голове шумело. Сейчас или никогда. Он отбросил в сторону меч, который держал в левой руке, обеими, благо тяжелые мечи дома Умбра позволяли двуручный хват, взялся за более длинный клинок, которым обычно фехтовал правой, поднял его как мог высоко, отбросил ударом ноги Койю на подоконник... С силой опустил меч.

Что ошибка была роковой, Хару понял в тот же момент, когда его органы чувств, полуослепленные разогнанным до предела внутренним временем, сообщили, что его нога в кованом сапоге ударила не в мягкое, податливое подбрюшье, а в каменную кладку, а меч застрял в кованом подоконнике. Теперь он лежал на этом подоконнике животом, повинувшись нажатием на затылок женской ладони, подкрепленному холодом стали у основания черепа.

- Почему?

Он бы мог попросить у нее пощады, напомнить о Китти, но не мог выдавить из себя ничего кроме этого жалкого "Почему?"

- Потому что я хочу жить. А вы мне мешаете. Ты и твоя проклятая королева.

Его как ушатом холодной воды облили. Пыл схватки иссяк, как и не было. Я и моя королева? Слепец! Он и представить себе не мог, что безумие зашло так далеко.

- Койя, опомнись, что будет с Китти?

- Ничего с ним не будет. Женится на Меери. Я буду жить. А ты разобьешься о плиты собственного двора. Я не хочу тебя убивать своими руками. Китти расстроится. Пусть он решит, что на нас снова напали. И ты доблестно умер, защищая меня и его. В воздухе. Странно было бы, если б это произошло в запертой изнутри башне, где кроме меня и тебя никого нет.

3 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Вот почему она подпустила меня к окну. Я думал, она выдыхается, а она еще ставни успела открыть. А теперь сдирает с меня орад.

- Койя, тебе никто не поверит. Раны при сражении в воздухе не такие, как...

- Хару, посмотри вниз. Да ты разобьешься в лепешку! Крылья раскрыть ты не сможешь, я тебе рукояткой меча сейчас врежу.

Ничего себе прощальный разговор между мужем и женой!

Между тем Койя потихоньку переваливала его через подоконник. При каждой попытке сопротивления лезвие больно щекотало загривок. Хару чувствовал, что удерживается с трудом, еще чуть-чуть и конец. В глазах замелькали черные точки. Он попробовал потрясти головой, чтоб их прогнать, и его вырвало. Сотрясаясь всем телом, он не успел никак прореагировать на эту новую силу, которая бросила его обратно в комнату, швырнула под стол и превратилась в свистопляску железа, перемежающуюся громкими проклятиями Койи. Хару отключился, как только среди поминаемых ею органов, родственников и мест обитания демона Чахи, прозвучало знакомое имя. Меери!

Меери Дар-Кауда

Я не собирался к ним. После той гадкой сцены, когда Койя бросилась на меня в обеденном зале, Китти схватил ее за руки, а она его отпихнула так, что он грохнулся на пол. Ему не было больно, и заплакал он просто от того, что его отшвырнули как вещь, вышвырнули из своей жизни. Тот человек, который всегда подавал ему руку, если он падал. Я еле сдержался, чтоб ей не врезать. Послал ее к демонам и поклялся больше не прилетать до Киттинога совершеннолетия.

Но лететь пришлось. Я как глянул в глаза Дар-Пассеру, начальнику королевской гвардии, назначенному письмоношцем исключительно для доставки личного послания от Ее Величества лорду Меери, так у меня сомнения не осталось: надо лететь. Потому что, неважно, что там в послании, но мало мне не покажется, это точно. А было там кратко: явиться – не запылиться. Слава Лулулле, не завтра, а через три дня.

Я надеялся, что она про меня забыла, ведьма. После Кимназа старался ей на глаза не попадаться, хотя она, вроде, была мной довольна. Войнушку, конечно, выиграл Хетти, но и я свой меч приложил. И не только меч - несколько месяцев ходил с надорванным горлом. Наорался на передовой. Вперед! Назад! Ичита! Даже во время альцецо кричать не получалось, хрипел, как кабан полузarezанный. Рейвен сказал, что я полный придурок. Я ответил, что полный придурок – это когда верховный дар древнейшего рода сам вычесывает своего младшего брата на третьем десятке. В общем, поговорили, родные души. Рейвен еще зудел, мол, не мог я, что ль, воевать подольше. Не перестаю удивляться: ради того, чтобы дистанция между мною и Китти навевала покой и прохладу, он предлагает держать на передовой пол нашей армии. Пришлось напомнить, что там иногда убивают. Только тогда он заткнулся. А королева, душенька, с глаз долой из сердца вон, быстро обо мне позабыла, чему я несказанно обрадовался.

3 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Улизнуть из Хаяроса Рейвен мне не позволил: нужны ему, видишь, свежие придворные новости. Сам расположился с женой на безопасном расстоянии от венценосной мегеры. А я остался в столице. Не высовывался, но руку на пульсе держал. При каждом удобном случае мотался в Умбрен, пока Койя совсем не свихнулась. И было мне от этого хорошо. Потому что малыш меня честно ждал и мне так радовался, будто это он надо мной, а не я над ним пел.

Я такому научился за эти месяцы, сам бы себе не поверил. Обмирать от страха, когда у него альцецо, и он стонет протяжно и жалостно, и кто-то другой рядом с ним... трогает его спину, ворошит перья... Я знаю, что это Хару, но я бы убил! Не знал, что так сильно это бывает. Мое! Мое! Голыми руками разорвал подушку в клочья. Утром, чтобы не заметили, собирал камышинный пух по всей спальне. Конечно, не до конца. Прислуга шепталась потом. Но мне было все равно. Я по ночам вместе с ним умирал от боли. Сидел на подоконнике и прислушивался к каждому звуку. Я сам буду лично его чесать, когда мы поженимся. Никого не подпущу, хотя это считается и не комильфо, когда деле чешет своего дара. Не женское это дело считается. Ничего – перетопчутся.

А вот королева не перетопчется, судя по похоронному виду, с которым Дар-Пассер протянул мне письмо. В кои-то веки я ей понадобился! Неужели измыслила столь грандиозную мерзость, что за нее не берется никто, кроме лорда Меери Дар-Кауда. Ему сам демон Чахи велел быть верным и исполнительным, так уж он здорово влип! Короче, я поблагодарил Дар-Пассера, пробежал глазами письмо и через час уже был в воздухе.

Никого не предупреждал, прилетел поздно, ввалился без приглашения через заднюю дверь. Хорошо, что Хару не отменил приказ, когда-то данный охране: пускать меня в любое время дня или ночи. Хорошо для Хару...

Не знаю, что меня дернуло поднять голову и начать разбираться, что там такое я нестандартное вижу в окне. Что за нетипичное украшение свешивается с карниза. Ой-ей. Не надо было мне сюда прилетать. Мне уже вмазали по щеке, рассекли лоб и, по-моему, собираются отрубить голову.

- Койя, остынь!

- Тебе не надо было вмешиваться.

Ведь еле дышит, а какая упорная! Но я ощутимо свежей и сильнее физически. Обезоружу, свяжу...

Благие намерения. Она подобралась и вертит мечом, как демон Чахи хвостами.

- Койя, скажи хоть, в чем дело?

- В тебе.

- А Хару причем?

- Он отказался на тебя надавить.

Очень мило и верно с его стороны. Спасибо, мой будущий свекр, тихо постанывающий под столешницей. Только зачем же ты вылезать-то собрался? И прямо ей под ноги.

Меери устало опустил меч.

- Сдаюсь. Пожалуйста, не перерезай ему горло.

3 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Хорошо, - дружелюбная интонация Койи совершенно не вязалась с ее угрожающей позой: одна рука держит Хару за волосы, другая прилаживает меч ему под подбородок. Хару, еще не отошедший от шока и потерявший столько крови, что удивительно, как он вообще был в сознании, осоловело хлопал глазами. Казалось, он уже не понимал, где они и что с ним.

- Отпусти его, Койя. Он провалится в постели не меньше недели, а потом ты ему что-нибудь объяснишь. Не надо ссориться.

- Я с ним не ссорилась. Но он вел себя как кухаркина тряпка.

Хару Дар-Умбра сравнили с тряпкой. Нет, сейчас, конечно, похоже, так он висит на руках Койи. Но в целом... непредставимо. Тогда уж я полная ветошь.

- Ты опять обо мне и Китти?

Если наш разговор не будет стремиться к финалу, Хару истечет кровью.

- Да, я о вас. Ты ляжешь?

- Сейчас или через год?

- Сегодня.

- Койя, - Меери, сопровождаемый ее подозрительным взглядом, засунул руку за пазуху, достал сложенный вчетверо листок. – Письмо королевы.

- Что там? – она не протянула руку. Свеча, принесенная Хару, давно погасла, звезды заволокло облаками, поднималась метель. В такой темноте не могут читать даже дары Аккалабата.

- Приглашение. От которого нельзя отказаться. Судя по тому, с какой кислой физиономией передал его мне лорд Дар-Пассер, знаешь, тот с шишкой на лбу, начальник королевских гвардейцев...

- Она послала его самого? – глаза Койи расширились и засверкали, это Меери увидел без всякого освещения.

- Ну да. Как ты думаешь, стоит пойти и узнать, что она замышляет? Или лучше послушать тебя и сообщить королеве, что леди Мейра не может прибыть ко двору, ибо...

- Она долго в тебе не нуждалась, - задумчиво проговорила Койя. – Мне это не нравится.

- По крайней мере, зовет в тронный зал, а не в подземные казематы.

- От тронного зала до подземелий пять минут ходу, даже если тебя понесут – брыкающегося и изрыгающего проклятия. Но, скорее всего, она действительно хочет поручить тебе что-то важное. И ты мне об этом расскажешь.

Нажим в ее голосе нарастал, но Меери с радостью видел, как одновременно ослабевает давление, с которым клинок упирался в подбородок Хару. Тот все сильнее клонил голову. Меери быстро кивнул.

- Я тебе все расскажу.

- И как только развяжешься с этим ее поручением, отдашь Китти крылья.

- Да. Да. Я клянусь.

3 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Он вытянул вперед руки с прижатыми друг к другу большими пальцами и торопливо пробормотал слова клятвы.

- Ты не обманешь?

Голос у Койи впервые дрогнул.

- Я не обману.

- Меери, ты должен забрать Китти отсюда. В безопасное место. Пока я...

- Я клянусь тебе, Койя.

Она бросила меч. Села на пол, рядом с Хару, обняла его нежно руками.

- Милый, прости.

Меери шагнул вперед, опустился рядом на корточки, приложил ладонь ко лбу Хару, проверил пульс, ощупал одежду, пытаясь в темноте определить, насколько сильно кровотечение.

- Ты мне сможешь его донести? А потом нужно будет здесь прибраться. Чтобы слуги не задавали вопросов.

- Как с твоей подушкой?

Он усмехнулся. Руки и щеки у нее были ледяные, но он все равно ее поцеловал.

- Койя, ты похожа на пещерного гризли. Дохлого пещерного гризли. Злого и окоченевшего. Иди в постель и залезь под три одеяла. Я сам его дотащу.

Она встала, пошатываясь, побрела к двери. Волосы, раздувавшиеся от ветра, казались более живыми, чем сама Койя.

- С ним все будет в порядке! – крикнул Меери ей вслед. Сама она не спросила.

- Я знаю. У нас только Элджи не соображал, куда бить, - ответила темнота.

В окно рванулась первая порция снежной крупы – пурга нарастала. Меери крякнул, поднялся, от души захлопнул окно, нагнулся к лежащему у его ног человеку.

- Пойдем, лорд Хару. Я бы сказал, что нам с тобой предстоит трудный день, но сначала нужно хотя бы дожить до рассвета.

5 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Меери Дар-Кауда, без пяти минут верховный маршал Аккалабата

- Лорд Меери, в связи с тем, что наш верховный главнокомандующий, повредившись на старости лет в уме, покончил жизнь самоубийством, а его сын, лорд Хетти, не откликается на призывы своей королевы, столь остро в нем нуждающейся, мы решили передать руководство армией Аккалабата и жезл верховного маршала тебе.

- Благодарю вас, Ваше Величество.

- Ну что ж ты? Возьми.

Королева, благосклонно улыбаясь, протягивает ему знак маршальской власти. Из-за спины лорд Дар-Пассер нашептывает: «Правильно все делаешь. Еще пять секунд с преклоненной спиной, потом на коленях до трона и возьми. Поцелуешь жезл, потом ее руку. Встанешь и произнесешь слова клятвы. Там Дар-Эсиль – он подскажет».

Меери поднимает глаза на Дар-Эсиля, как всегда подпирающего трон на пару с кем-то из старших даров Фалько, и холодная волна проходит у него по позвоночнику. Потому что лорд-канцлер говорит ему «нет». Даже не говорит – молча кричит это «нет», губами, глазами, всей своей позой предостерегает, умоляет его, Меери. *Нет, нет, не делай этого!*

Меери понимает, чем сейчас рискует всесильный лорд-канцлер. Он, Меери, не силен в подковерных играх. Но даже он заметил поданный ему безмолвный сигнал. Значит, могут заметить и остальные. Значит, лорд-канцлер наплевал на собственную безопасность, чтобы быть уверенным, что даже такой неискушенный в физиономистике Меери, «военная косточка», далекий от придворных интриг и политических хитросплетений, заметил и понял. Значит...

«Меери, я сказал пять секунд, а не десять», - Дар-Пассер аккуратненько тычет его носком сапога между крыльев. Королева начинает проявлять нетерпение. «Не мешай», - отбрыкивается Меери. Дай додумать. *Ради чего поставил бы на карту жизнь и карьеру лорд-канцлер Аккалабата? Ради кого? Почему отказался Хетти? Так ли уж сильно «повредился умом» старик Дар-Халем, что ему надо было пронзать себе горло двуручным мечом?*

- Простите меня, Ваше Величество.

Да что же это у меня с голосом?

- Я не слышу Вас, лорд Меери. Возьмите, пожалуйста, жезл. Он тяжелый.

Она еще и капризничает!

- Простите меня, Ваше Величество. Я не могу его взять.

- Почему?

Ну, если вот так просто, без экивоков спрашивает королева Аккалабата, значит, она настолько изумлена, что не хуже меня потеряла дар речи.

- Потому что я не хочу быть Вашим главнокомандующим.

- Чахи тебя побери! – вырывается у лорда Пассера. – Меери, ты тоже в уме повредился? Ты первый не-Дар-Халем, кому предлагается этот пост со времен Корвуса Изобретательного! Дар-Эсиль, да растолкуй же ему!

5 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Нет, это Вы *мне* растолкуйте, лорд Дар-Эсиль, - тон у королевы уже абсолютно зловещий. И маленький зайчик, маленький солнечный зайчик скачет, повинувшись движению ее маленькой ручки, по портьерам и гобеленам тронного зала. Маленький зайчик от маленького зеркальца, которое она держала все это время в пальцах, в которое она, как теперь с холодной неизбежностью понимает Меери, видела лицо лорд-канцлера, говорящее «нет».

- Объясните мне, лорд Дар-Эсиль, что за неповиновение проникло в стены этого замка? Где корни этой заразной болезни? И почему каждый, кого я призываю, чтобы их отрубить, тоже оказывается заражен? Или я уже не королева Аккалабата?

- Ваше Величество! (Меери уже давно бы впал в панику, но лорд-канцлер и мускулом не шевельнул.) Я не вижу в поступке лорда Меери прямого неповиновения Вам. Лорд Меери предан Вашему Величеству, как и я, как все здесь присутствующие. Просто он трезво оценивает свои силы.

- Он? Не смешите меня, лорд-канцлер! Он за год утихомирил Кимназ. Так, что я уже давно не слышу об этом ужасном месте. А теперь он отказывается принять командование и уничтожить гнездо одной маленькой, но очень ядовитой змеи, беспрестанно тревожащей его королеву. Уж не потому ли, что Вы не хотите этого, лорд Дар-Эсиль?

- Как я могу не хотеть того, чего хочет моя...

- Я все видела! – королева торжествующе подбрасывает зеркальце в воздух, и оно, несколько раз перевернувшись, падает, разбиваясь на сверкающие осколки. – Я видела, как ты сказал ему «нет». И он повторил за тобой, ни капли не сомневаясь. Значит, вы поняли друг друга. Вы – заговорщики. Все Дар-Кауда! Все Дар-Эсили! И Дар-Халемы!

Если так и дальше пойдет, прорываться придется с боем. Меери не успевает додумать эту мысль до конца, когда чувствует, как крепко обхватывают его по бокам руки верховного дара Пассера. *Вот он – верный слуга своей королевы. Предвосхитил и принял меры.*

- Ваше Величество, я могу объяснить, почему я говорил ему «нет».

Интересно, как ты вывернешься, хитрая крыса!

- Моя королева, будучи Вашим лорд-канцлером, я превыше всего на свете ставлю Ваши интересы и интересы Аккалабата...

Лицо у королевы стало скучающим, мол, барахтайся, рыбка, невод-то поднят. Канцлер между тем не тушевался и продолжал:

- Военные интересы Империи требуют, чтобы во главе ее армии стоял лучший из лучших, а лорд Меери, при всем моем к нему уважении, таковым не является. Не имея возможности и времени отговорить Ваше Величество и не желая ничем обидеть благородного дара Кауда, затеяв спор в присутствии остальных, я посмел прибегнуть к единственному оставшемуся мне способу. Зная, что лорд Меери доверяет мне, я попытался вынудить его отказаться от предложенного поста. Что он сейчас, на Ваших глазах и сделал. Я приношу свои извинения Вам, досточтимым лордам и особенно лорду Меери, которого совершенно незаслуженно, поверьте мне, Ваше Величество,

5 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

обвинили в отсутствии преданности. Я уверен, не будь моего вмешательства, наш благородный лорд Кауда с благодарностью принял бы из Ваших рук маршальский жезл и смело и верно исполнял бы Ваши приказания до самой смерти. Но – еще раз простите меня, моя королева – я остаюсь при своем убеждении: на этом посту нам нужен сильнейший. И пока не вернется лорд Хетти...

Лорд-канцлер говорил горячо и убедительно. Он это умел. Королева явно не знала, что делать. Палач уже давно был наготове и маялся от безделья в соседней маленькой комнате. Ему было обещано много работы: от пыток до публичного умерщвления подозреваемых. Но подозреваемые как-то вдруг испарились. Теперь уже королеве казалось, что все, что говорит лорд-канцлер, это гораздо убедительнее и весомее, чем то, что нашептывали ей в уши некоторые верховные дары, которые и придумали этот забавный трюк с зеркальцем. И потом, если она сегодня казнит лорд-канцлера и Меери, то как это поможет искоренить мятежную Умбру? Королева решила позволить себя убедить.

- Ну, хорошо, - процедила она сквозь зубы. – И что вы мне предлагаете? Аккалат уже четверо суток без главнокомандующего.

Лорд-канцлер открыл было рот, чтобы ответить, но распахнулась дверь в конце парадного зала и в нее важно прошествовал герольд-распорядитель. Это был человек-функция, изо дня в день повторявший, как заведенный, одни и те же слова и движения, строго прописанные в дворцовом регламенте. Казнить его было не за что, поэтому королеву он не боялся.

- Ну, что там еще? – недовольно спросила она.

- Лорд Хетти Дар-Халем, Ваше Величество.

Все, как по команде, повернулись к дверям. В них, действительно, стоял числившийся в бегах лорд Хетти Дар-Халем собственной персоной и с присущим ему дружелюбным спокойствием оглядывал зал. Кое-кто, забыв о присутствии королевы, присвистнул. На него зашикали. Хетти слегка изменил выражение лица, теперь оно как бы спрашивало: «У вас здесь, что, эпидемия? И безнадежно больные есть?», и направился прямо к трону. Огибая живописную группу, состоящую из Меери и Дар-Пассера, бросил сквозь зубы: «Чего это он тебя обнимает?» Остановившись в двух шагах перед королевой, преклонил колени. Подождал, убедился, что властительница Аккалата ничего не имеет ему сказать, начал сам:

- Ваше Величество! Я прошу прощения, что запоздал явиться по Вашему повелению, но, видит святая Лулулла, ваши гонцы прибыли ко мне в замок, когда я был в отъезде, и мои тейо, не зная, где я, не смогли сообщить мне о Вашем желании меня видеть. Как только я вернулся и услышал о Вашем приказе, я тут же снова поднялся в воздух, чтобы предстать перед властительницей Аккалата. Мой меч, моя жизнь, все, чем я владею, всегда к Вашим услугам, моя королева. И я прошу Вас, если прежние заслуги нашей семьи омрачены перед Вами самоубийством моего отца, простите его, простите нас за эту слабость и позвольте мне искупить его вину и свою, если есть она у меня в Ваших глазах.

5 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Произося этот витиеватый монолог, Хетти не спускал глаз с маршальского жезла, который королева выпустила из рук и зажала между коленями. Жадность, с которой он пожирал взором предмет, еще недавно служивший символом власти его отца, не ускользнула от королевы. Странная усмешка исказила ее губы:

- Как славно! Ты хочешь его? Скажи, лорд Хетти, ты его хочешь?

Говорила она теперь сладострастным шепотом, поглаживая жезл двумя пальцами, словно он был не знаком маршальской власти, а жезлом любви.

- Отдать тебе его, молодой лорд Дар-Халем?

- Если Вашему Величеству это угодно...

- Возьми.

Лорд Хетти приблизился к трону, не вставая с колен, поцеловал протянутый ему жезл, руку королевы, поднялся во весь рост с уверенным и счастливым лицом. Меери было, с одной стороны, противно смотреть на него, с другой – притягательно: так искренне выглядел Хетти в своих верноподданнических чувствах, в своей радости обладания, в возвышении над толпой подобных себе, но низших, не способных на то, на что сейчас чувствовал себя способным новый верховный маршал Аккалабата.

Королева с довольной улыбкой дослушала до конца стандартную формулу. Обернулась к лорд-канцлеру:

- Ну, вот теперь, пожалуй, я тебе верю, лорд Дар-Эсиль.

- Откуда он знал? – прошипел Дар-Пассер за спиной у Меери.

- Что «откуда он знал»?

- Что Хетти вернется. Все же было так очевидно. Решение королевы напасть на логово Хару, самоубийство маршала, бегство Хетти. Все были уверены, что он давно у сестры в Умбрене. Потому тебе и предложили. Ты ж, небось, рад был бы избавиться от дуэма с малолетним ублюдком.

- Еще раз так его назовешь, я тебе язык вырву, - не поворачивая головы, отрезал Меери, позвоночником чувствуя недоумение Дар-Пассера.

События возле трона продолжали разворачиваться своим чередом.

- У меня будет к Вам первое поручение, мой маршал.

- Все, что угодно, моя королева.

- Оно может Вам не понравиться, мой дорогой.

Заигрывает она с ним, что ли? Меери снова стало противно.

- Не может, моя королева. Любое поручение из Ваших уст я приму как награду.

- Посмотрим. Меня тревожит логово Вашей сестрицы в Умбренских горах, мой маршал. Леди Койя довольно оригинально пережила трансформацию. Само существование такой, как она, подрывает устои Аккалабата. И к тому же, она сеет смуту. Забрала к себе мальчика лорда Рейвена.

5 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Спрашивается, зачем? В общем, она мне не нравится, лорд Хетти. До такой степени, что я не могу спать по ночам.

«Знаю я, отчего ты не можешь спать по ночам», - мстительно подумал Меери. И тут же одернул себя – не отвлекаться, слушать внимательно.

- Я готов помочь своей государыне обрести еженощный покой, - ни одна нотка не дрогнула в голосе Хетти. Маршальский жезл он любовно прижимал к груди. – Прикажите, моя королева.

- Разберись с ней, мой маршал. Раз и навсегда. Возьми войска, сколько тебе надо. Я не хочу больше слышать имени Койи Дар-Умбра.

- Я все понял, Ваше Величество. Разрешите выступить послезавтра. Мне потребуется хотя бы день на то, чтобы осмотреться и решить, сколько человек я беру с собой.

- Послезавтра. Но ни сутками позже, лорд Хетти. Кстати, прихвати с собой лорда Меери: он тут тарачился на твой маршальский жезл.

Хетти слегка приподнял уголки губ.

- Вот уж совсем мне не нужен за спиной тот, кто только что претендовал на мое место. Меери я не возьму. И вообще советую ему держаться подальше от моей, точнее Вашей, армии. Позвольте мне это маленькое непослушание, Ваше Величество. Тем более, у него, как я помню, дуэм. И как раз со змеиным отродьем, как Вы изволили выразиться.

Он доконал ее своим послушанием. Она на все готова, только бы Хетти убрался уже с глаз долой и отправился воевать Умбрен. А ей еще предстоит замиряться с лорд-канцлером. Он состроит обиженные глазки и выцыганит себе десять телег привилегий за то, как несправедливо сегодня его оболгали. И чуть не казнили. И меня вместе с ним. Но Чахи с ними, пора выбираться из зала. В Умбрене я и так буду только завтра к утру.

Ночь из-за набежавших туч была непроглядная, а не грязно-зеленая, как полагалось поздней осенью. Тучи лежали у самой земли, и лететь приходилось непривычно низко, да и мысли лезли в голову всякие. О том, как отреагирует Койя на известие о смерти отца, о предательстве Хетти, на которого Меери несмотря ни на что привык полагаться, о непонятном поведении лорд-канцлера... Поэтому он не сразу отреагировал, когда над головой взметнулись темные крылья и спокойный голос приказал «Идем на посадку», подтвердив эти слова убедительным взмахом прямого меча, остановившегося в миллиметре от шеи Меери.

Хетти выглядел так же, как днем. Только чуть более бледным и чуть менее решительным. Усевшись против Меери на камень, он потер усталым движением плечевые мышцы и спросил скучным тоном:

- Это куда ж ты собрался?

- Угадай, - огрызнулся Меери.

- Вообще, без ума. Чего ты там будешь делать? – беззлобно, даже как-то весело поинтересовался Хетти.

5 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Защищаться.

- От кого?

Такой разговор Меери совсем не устраивал. Он поднялся и вынул мечи.

- Хетти, давай решим все сейчас. Ты сильнее. Если ты убьешь меня, то замок продержится на день-другой меньше. Но ты, если хоть капля совести у тебя осталась, а я не хочу, просто не могу верить, что не осталась, должен сообщить Китти, почему я не пришел. Почему меня нет с ними.

Хетти невозмутимо массировал мышцы, подниматься на ноги он и не думал.

- Ты все сказал? Вижу, что все. А теперь сядь и послушай меня. День-другой, говоришь? Ты полагаешь, она мне позволит взять меньше мечников, чем требуется, чтобы десять раз сравнять крепость Дар-Умбра с землей, вернее, с камнем? Где, ты думаешь, я, растерявший остатки совести, был эти четыре дня, после смерти отца? Сбежал, зная, что меня пошлют воевать против родной сестры, и даже не явился на похороны? Ты так думаешь о верховном даром Халема?

Все это произносилось на одной интонации, ни одной угрожающей нотки не проскользнуло в ровном голосе Хетти, но Меери вдруг стало стыдно. А ведь действительно – я разговариваю с верховным даром Халема. Предположить, что он убежал, испугавшись ответственности... да что на меня нашло, ради прекрасной Лулуллы! Просто Хетти – он ведь всегда такой... вещь в себе.

- Ага, я вижу, что ты понял, - констатировал Хетти, встретившись с ним глазами. – Над планом защиты Умбренского замка и отступления в горы в случае неудачи я размышляю уже давно. С первых дней замужества Койи. Всегда было ясно, что она нарывается.

Меери кивнул, стыд жег его щеки багровым румянцем. Хорошо, что Хетти не видит. Хетти между тем залез в карман, вытащил трут, огниво, пару свечных огарков.

- Сейчас наладим освещение – взглянешь. Спросишь, чего непонятно. В целом за эти четыре дня (за вычетом, разумеется, времени на перелет туда и обратно) я успел довести их систему защиты практически до идеала. В моем представлении, конечно. И в папином тоже. Он помогал. Я не говорил ему, что от своих, - вздохнул Хетти. – Плел что-то про беглых каторжников из Кимназа, скитающихся по горам. Наверное, он мне не верил.

Система защиты, действительно, была великолепная, в чем Меери тут же и убедился. Схемы и комментарии к ним, сделанные убористым почерком Хетти, приходилось разглядывать при тусклом свете свечи, но он старался не пропустить ничего, уже догадавшись, какая роль уготована ему в этой военной кампании. Наконец, с оборонительными сооружениями умбренской твердыни было покончено. Сели, вытерли пот со лба, посмотрели друга на друга испытующе:

- Хетти...

- Меери, у меня будет больше людей. Но ты опытнее. И вот. Еще...

Меери ожидал, что он вынет ее из кармана и тоже даст ему посмотреть. Но он и представить себе не мог, что она разработана уже так досконально – схема наступления на крепость Дар-Умбра. Вариант неожиданной и победоносной атаки с воздуха, вариант осады, вариант с подкопами вдоль внешних стен, вариант с подкупом челяди и проникновением через крышу сторожевой башни...

5 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Этим-то когда ты занимался?

Хетти отвел глаза.

- Так, на досуге.

Хороший досуг у парня! Разрабатывать планы уничтожения замка родной сестры. Можно свихнуться.

- Хетти, почему ты просто не отказался?

- Меери, а ты?

- Я был в Кимназе. Два года назад. Мы, как ты помнишь, сильно их поколотили, а еще сильнее разозлили. Их становится все больше и больше, этих одержимых демоном Чахи. Если мы дадим слабину, от наших деревень и замков останутся кучи обугленных трупов. Нам нужен хороший главнокомандующий, за которым пойдет армия.

- А я был не только в Кимназе, но и в Виридисе. В этом году. Судя по тому, что творится сейчас на границе, язва расплзается. Если там не навести порядок огнем и мечом, и чем скорее, тем лучше, они... они вооружены не хуже нас, Меери. Им до Хаяросу ходу неделя. И они строят флот. Подойдя по течению Эль-Эсила, они имеют шанс еще за неделю превратить нашу столицу в руины. Кто, по-твоему, должен командовать нашей армией? Лорд Дар-Пассер? Он ничего не видит дальше учебного корпуса и элитной гвардии королевы. Эх...

Хетти обхватил руками голову, посидел так немного, вскинулся, взъерошил черные пряди.

- В общем, так получилось, Меери, что, если не я и не ты, то кто? И армия должна мне доверять. Поэтому я буду делать все по-настоящему. За исключением этого маленького предательства.

Он кивнул головой на исписанные листочки в руках у Меери.

- Если потерпите поражение, уводи их в горы. Там все подготовлено. Преследовать мы не будем. Слишком рискованно, а если вы продержитесь до тех пор, пока лед не ляжет на реки, и вовсе опасно.

- Хорошо.

Говорить больше было не о чем. «Спасибо» казалось бессмысленным, ибо непонятно было, кого выручал – Хетти Меери или Меери Хетти. Но оба стояли, не двигаясь, не решаясь первым сказать «Прощай». Наконец, шевельнулся Хетти:

- Вот, вроде, и все. Что недопонял – тебе Койя расскажет. Да, только, пожалуйста...

Он развернул стянутый в скатку орад, порылся в кармане, недовольно поморщился:

- Помялось немного. Ты передай... там тебе скажут, кому. От меня. Это для ребенка. Если получится. А если нет – то ей. И скажи ей, что ее отец вел себя как настоящий мужчина. И Койе скажи. Если бы не он, мы бы с тобой тут сейчас не стояли.

Меери принял в ладонь несколько фигурок из необожженной глины: лошадку, смешную лягушку с выпученными глазами, крылатого воина с обнаженным мечом, женщину в пышном платье, приподнявшую руку в прощальном жесте. Он знал, что не стоит спрашивать, но не спросить не мог – иначе чувствовал бы себя виноватым перед Хетти:

5 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Кто она? Твоя деле...

- Дочь лорда Эсиля.

- Лорд-канцлера? – Меери даже споткнулся, задев носком сапога кочку на холмике, на который карабкался, собираясь взлетать. Он хоть убей не мог вспомнить, как выглядел старший сын лорда Дар-Эсиля, хотя видел его определенно не один раз. Что-то такое бесцветное, и вот, надо же, с Дар-Халемом...

Хетти раздраженно кивнул.

- А кого же еще? И не забудь сказать Койе. Она волновалась за Корво. Все время боялась, что он нас предаст. Ну, удачи тебе!

Широкие крылья прыгнули в воздух. Меери постоял немного, перебирая в руках глиняные фигурки. Где-то за облаками полыхнула зарница. Он в последний раз взглянул в направлении Хаяроса – и тебе удачи, маршал! – и мощными взмахами начал подниматься к темному краю туч – туда, откуда дышала свежестью, молниями и громом надвигающаяся гроза.

19 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Глава 10. Алый бархат, красная кровь

Хетти Дар-Халем, маршал Аккалбата

- Лорд Дар-Халем! Мы пришли, чтобы Вы услышали нас.

- Я слушаю Вас, милорды.

Вшестером заявили, сволочи. Ритуально. Я не собираюсь вас слушать. Я и так знаю, о чем вы будете говорить. О том, что быстрой победы не получилось. О том, что мы уже второй месяц воюем в Умбрене. Хорошо, что вы видите только одну причину этого: воевать пришлось не один мятежный замок Хару Дар-Умбры. Хару, по-моему, сам не ожидал, что его кто-то поддержит. А ведь поди ж ты! Половина дариатов Умбрена последовали за ним. И это сильно осложнило нам жизнь. Знал ли я, что так будет? Знал, как не знать! Все учтено, все предусмотрено, хотя мне не положено это учитывать. Предусматривать у нас должен лорд-канцлер. Совет Старейшин. На худой конец, сама Ее Величество Королева. Лорд Хетти Дар-Халем был послан повергнуть к ее ногам один непокорный замок. Откуда ему было вестать (Хетти с трудом подавил горькую усмешку), что их здесь окажется больше десятка? Сид хорошо постарался. Прилетел, чтобы выразить благодарность, нашел леди Койю больной и в упадке духа, предложил свои услуги - сопроводить в поездках к соседям. Лорд Хару, до которого наконец-то дошло, чем пожертвовали Койя и Сола для нас с Сидом, не мог отказать. Глупо, конечно, это все выглядело. "Я хочу отдать долг!" Сид, который пытался учить меня думать, "как Дар-Эсили", оказался в два раза большим Дар-Халемом, чем я. Наверное, нас подменили еще в колыбелях.

Мели, мели языком. Рыба в неводе. Излагай свои соображения, любезный лорд Эрзель. Расскажи мне в красках о том, как все устали и выдохлись, как действует на нервы необходимость сражаться против своих... и о том, как вы сомневаетесь в маршале Дар-Халеме, не забудь упомянуть. Только вежливо, а то я язык тебе вырежу. Покритикуй мою тактику и стратегию и внеси идиотские (неееет! просто идиотские, а не НАСТОЛЬКО ИДИОТСКИЕ!) предложения. Ты, дорогой мой, конечно, не в курсе, что ваш Дар-Халем воюет правильно, правильной некуда. Только он вас предал, давно уже, еще в самом начале. Еще до начала вас предал. А тактика и стратегия у меня очень верные. И мы победим. Только чуть позже. Сидане нельзя сейчас в горы. Ей надо оправиться после той страшной ночи. Нашей с ней первой и последней ночи. Хару сказал, что так болезненно трансформация происходит один раз на тысячу случаев. Почему именно у нас? Я готов был руки себе выломать за то, что я ими с ней сделал. С ним сделал. Но Хару сказал - вырезай, и я вырезал левое крыло Сиды, которое никак не хотело отделяться от его тела, под корень - расслоив мышцы и выдергивая хрящи. У меня до сих пор в ушах стоит его крик. А он...она, наверное, до конца жизни будет помнить, как я улетел, не дождавшись, пока она сможет встать с постели иначе, как на четвереньках. Святая Лулулла. я никогда ее... его таким некрасивым не видел. И не увижу больше. Ни красивым, ни некрасивым. Его. Ее.

19 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- ... И мы вынуждены констатировать, лорд Дар-Халем, что дела наши здесь развиваются не лучшим образом.

Всё.

- А по-моему, у нас *здесь* все прекрасно.

У меня очень плохо в Кимназе. У меня там и половины нет сейчас от тех мечников, которых Меери оставил на границе в прошлом году. Кимны режут их как котят, сжигают наши летучие патрули огненными выхлопами из горючих колодцев. Они уже давно научились использовать это странное свойство тамошней земли – глубокие жерла, ведущие, как я понимаю, в черные подземные озера. Если в одно из жерл бросить факел и подождать, пока разгорится, а потом, когда нужно, швырнуть совсем небольшой кусочек местной горной породы – талабрита, то из соединенных с ним колодцев вырываются высокие языки пламени. Там, где жерла стоят близко друг к другу, кимны выстраивают из них стены огня при приближении наших войск. Крылатые – дары и тейо – могут облететь сверху, но либо на значительной высоте, либо рискуя наглотаться ядовитого дыма. В последнее время кимны освоили новый способ применения подземных горючих озер: уж не знаю, чем они пропитывают гибкие трубы, сшитые из овечьих и козьих шкур, но эти трубы теперь не горят. Значит, их можно присоединить одним концом к жерлу, а другим – направить вверх, на пролетающих даров, либо вниз – на пехоту итано и мечников, атакующих на земле. Это производит не только непосредственный эффект, но и деморализует противника, то есть нас. Меня самого при виде обгорелых трупов чуть не стошнило. Первое, что я сделаю, когда покорю Кимназ – прикажу засыпать жерла. Обычным камнем. А сверху сделаем крышки из самого прочного умбрена, который только сможем найти. И прикуем их цепями.

- Да, я вас внимательно слушаю, лорд Дар-Акила.

Еще немного, досчитаю сейчас до пяти... А теперь ты будешь слушать меня. Внимательно.

- Хватит!

- Лорд Дар-Халем...

- Маршал Дар-Халем! Мар-шал! Главнокомандующий вашей гребаной армией, которая под началом лорда Меери так разболталась, что не может неделю взять захудалый замчишко! Вам нечем заняться, верховный дар Акилы? Разве не Ваши ублюдки и бездари, позор своих матерей, идиоты, которых Вы называете мечниками... позавчера двадцатером не могли справиться с четырьмя дарами Умбры?

- Там была еще Ваша сестра, маршал...

- Идите и расскажите об этом всем! Четыре Дар-Умбры и деле с кинжалом...

- С двуручным мечом.

- Неважно. Ваши мечники бежали, мой лорд. И все это видели.

- Их копейщики со стен...

- Не перебивать!

19 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Я сломаю его сегодня. Или никогда. При этих... молчаливо сочувствующих. Хотя, пожалуй, старшие дары Пассера уже сочувствуют мне. Еще бы! У всех рыльце в пушку, и они знают, что я прекрасно осведомлен о том, сколько из их бойцов одобряют то, что мы делаем. Это вам не Кимназ и не Виридис. И не мятеж пограничных лордов, получивших дариаты в последние двести лет. Это мы воюем Дар-Умбру. Это мы сами себя воюем... подонки. И первый из них я, маршал Аккалабата. Но у меня плохо в Кимназе. И поэтому... О?

- Замолчите, лорд Дар-Акила. Мы здесь не для того, чтобы оспаривать приказы верховного главнокомандующего. (Ах, как я люблю Сидовых родственников в лиловых орадах!) Простите нас, лорд Дар-Халем.

- Благодарю Вас, лорд Дар-Эсиль (Как же его зовут? Он троюродный дядюшка Сида. Или четвероюродный? Не суть важно.) Я рассчитывал на Ваше благоразумие. Поверьте, у меня нет иного желания, кроме как поскорее разделаться с мятежниками и вернуться в Хаярос. Но обстоятельства против нас. Мы впервые воюем в горах без мечников клана Умбра. Более того, мы воюем *против* даров Умбрена. На их территории. Зимой. И ведет их против нас лорд Меери, который хоть и распустил эту армию дальше некуда, но свое дело прекрасно знает. Но и я свое тоже... Скоро мы все будем дома. Сегодня же вечером командиры получают диспозицию для нового штурма. А сейчас прошу простить меня, дары...

Сдержанный кивок. Я и так слишком много с ними объясняюсь. Как говорил отец Сида: много причин – плохая причина. Много объяснений – плохое объяснение. Давайте раскланиваться, дары, и по палаткам. Обдумывать, кто с кем, против кого, зачем и почему. Троюродный дядюшка явно неспроста задержался у выхода. Помогу ему.

- Вы что-то хотели еще, лорд Дар-Эсиль?

- Значит, завтра возьмем, лорд Дар-Халем?

(Как можно беззаботнее!)

- А куда мы денемся!

- Хетти, лорд Корвус сообщил из столицы, что положение Империи...

- Да знаю я, какое у нее положение! Завтра возьмем.

Взять бы и отрубить тебе голову! Или себе... Интересно, как это делается?

Хетти уснул прямо на стуле, не раздеваясь.

20 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Койя Дар-Умбра

- Хару!
- Да?
- Это конец.
- Да.
- Неплохо смотрятся. Даже красиво – черные орады на снежном фоне. Вот в стороне, видишь? Гарцует мой братец Хетти. Где он взял такую жирную лошадь?
- Хорошо, что мы заранее отправили леди Дар-Халем в горы.
- Ты отправил.
- Койя...
- Хару, я же не дурочка, в отличие от моей сестры Эллы. Удивительно то, что и ты, оказывается...
- Не дурак?
- Да. Подумать только, гениальная и коварная леди Койя Дар-Умбра просыпается утром и обнаруживает, что все, кого она великодушно у себя приютила и планировала использовать в качестве заложников, когда дело примет тугой оборот, находятся вне сферы ее досягаемости. В горах Умбрена, в месте, заботливо подготовленном моим братом Хетти. В месте, куда нет дороги тем, у кого нет крыльев.
- Значит, это правда... Деле твоего брата и ребенок твоей сестры. Леди Сидана и Некко. Ты не давала им убежище, ты...
- Брала их в заложники, дорогой! А ты так неожиданно все испортил.
- Это не я.
- Вот как?
- У твоего брата есть голова на плечах, Койя. И знаешь что? Я искренне надеюсь, что этот мальчик, расправившись с нами, станет лучшим главнокомандующим в истории Аккалабата. Кимназ и Виридис лягут к его ногам...
- Ты об этом сейчас думаешь?!!
- Мне интересно, о чем *ты* думаешь, Койя?
- О многом.
- Например?
- О девочке. Нашей так и не родившейся дочке. Хару, мы бы могли с тобой...
- Знаю. Еще.
- Об Аккалабате. О том, каким он будет лет через пятьсот. И о том, каким он мог бы стать.
- Неинтересно. Еще.
- О Меери. Китти не переживет...
- О лорд-канцлере?
- Нет. Давно уже нет.

20 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- А чего лорд-канцлер? – третий голос, злой и насмешливый, вплетается в разговор. Насмешливый – от безнадежности, злой – от предвкушения.
 - Лорд Меери, Вы подслушивали?
 - Ага. Так почему наша красотка Койя думает о лорд-канцлере? Вернее, не думает, но, по твоему мнению, Хару, могла бы. А?
 - Это не твое дело, Меери.
 - Вот еще! Я здесь собираюсь жариться на огне, который вы запалили, защищать эту, с позволения сказать, ци-та-дель, - Меери возводит глаза к небу. Слово *цитадель* звучит в его устах непристойно. – А мне отказывают в последнем маленьком желании. Предсмертные желания, Койюшка, исполняет даже твой любимый лорд-канцлер. Правда, мелкие... типа молитву прочитывать или, там, стакан эгребского. Ну так что?
 - Меери, ты невыносим. Иди налей себе стакан эгребского.
 - Не скажете – не буду защищать замок. Нет, правда.
 - Меери!
 - Я совершенно серьезен, мадам.
 - Хару, убей его.
 - Как же вы мне надоели! Я ухожу.
 - Куда?
 - Туда, - Меери выразительно тыкает вниз указательным пальцем. – Туда, где на сомнительного изящества лошади гарцует лорд Дар-Халем – глава нашей армии и надежда Аккалабата. Иду раскаиваться и поступать под его начало.
 - А я на кухню, - неожиданно заявляет лорд Хару. – Надо перекусить до того, как надежда Аккалабата прикажет трубить к атаке.
- С неожиданной для своих габаритов ловкостью он протискивается между Меери и Койей и исчезает за дверью, ведущей на лестницу.
- Значит, любимый лорд-канцлер... - Меери бережно обнимает Койю за талию, она не отстраняется.
 - А зачем ты спрашивал?
 - Ну, я же не знал, правильно ли догадался... И почему Хетти просил передать, что Дар-Эсиль не предатель. Он тебя бросил или ты его?
 - Он. После того как я попросила ребенка для Сола.
 - Ты воистину сумасшедшая. Даже не знаю, кто из вас с Соллой хуже. Только для того чтобы Хетти и Сид смогли быть вместе?
 - Только для того, чтобы они были счастливы, лорд Меери. Ты считаешь, это недостаточный повод?
 - Счастье? На Аккалабате? Воистину ты сумасшедшая, Койя.

20 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Почему нет? Почему нельзя быть просто счастливыми? Без обмана? Без угрызений совести? Без этого страшного, раздирающего душу выбора? Почему нельзя просто *жить*?

- Это ты мне говоришь? Дару Кауда, от рождения лишенному выбора? Ты хоть представляешь себе, что было бы, если б тогда после турнира вы с Хару сказали «нет»? Если бы Китти сказал мне «нет»? Я подслушивал. Ты говорила сейчас: «Китти не переживет». Переживет. Запрешь, побьется недельку-другую о стекла – переживет. Я – не переживу.

- На здоровье.

- Да уж, сплошное здоровье у тебя в замке. Кстати, что там насчет неродившейся девочки?

- Убить тебя, что ли... - в глазах у Койи загорелся нехороший блеск. Меери аккуратно пошевелил кинжалом, заранее приставленным ей у левой подмышки.

- Не получится. Во-первых, я обещал твоему брату, что...

- Меери, заканчивай. Вон Хетти уже закончил объезжать позиции, скоро начнется.

- Ну так проинформируй меня поскорее, что интересного в этой неродившейся девочке. У нас уже четыре сотни лет все девочки на Аккалабате неродившиеся, смею тебе заметить.

- Она почти родилась, Меери. У меня и у Хару. Девочка с крыльями. Помнишь эту историю с асасинами?

- Брр... Ты, говорят, была вся в кровище. Очень неэстетично.

- Это была не только их кровь. Когда они на меня напали, пришлось запустить внутреннее время. Вот и случился выки...

- Пришлось запустить чтооооо?

- Внутреннее время, Меери. Тебе разве Рейвен не доложил? Оно у меня есть, потому что... в общем, как я поняла из старых книг, потому что мы с Корво очень любили друг друга и наш первый раз...

- Не рассказывай! Ничего не хочу знать про ваш первый раз.

- Вот и Хару так говорил, - назидательно произносит Койя. – Они строятся там, внизу, видишь, Меери?

- Вижу-вижу. Рассказывай быстрее.

- Когда мы рассмотрели... то, что из меня выпало... из-за того, что я запустила внутреннее время...

- Койя, дальше! Кончай уже топтаться на одном месте!

Молодец, Хетти! Диспозиция как на ладони. Снова все, как ты показывал мне тогда в горах, при тусклом свете свечного огарка. Мы еще повоюем, Койюшка! Мы еще повоюем... Вот только некем нам воевать.

- ...У нее были крылья, Меери. Как у маленьких даров при рождении. Такие же – тоненькие, пушистые, как у Некко и Креча.

- Чахи меня забери!

20 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Заберет обязательно. Меери, мы думаем... мы читали многие книги... там ничего нет про это... но я размышляла...

- Койя, у нас две минуты. Хетти поднял штандарт королевы.

- Это, наверное, из-за той крови тейо, которая течет в Хару. – Койя зачастила скороговоркой. - Меери, ты не спросил меня об одной вещи, которую подслушал. Об Аккалабате. Что будет здесь через пятьсот лет.

- Скажу тебе так же, как лорд Хару. Неинтересно. Особенно, - Меери зевнул старательно. – Человеку, которого не будет уже через полчаса. Самое большее, через час. Я верю в твоего брата Хетти.

- Меери, но ведь это и есть самое интересное! Аккалабату нужно, чтобы ты был. Чтобы вы с Китти еще раз попробовали.

- Что попробовали? Все-таки у нас красивый сигнал «К штурму», пам-парапам-пам-пам, не находишь, Койя?

Она улыбнулась сдержанно.

- Красивый. Чтобы вы попробовали родить девочку. У тебя должно получиться лучше, чем у меня. Ты ведь из древних даров. Помнишь, как говорится в легендах? О происхождении тейо.

- "Когда-то от браков пришедших с небес даров крылатых с итано, рожденными этой землей и пригвожденными к ней отсутствием крыльев, возникло сословие тейо, несущее крылья, как дары, но не способное бЕгом минут управлять. Время, пройдя, разделило итано и даров, тейо теперь уж рождаются только от тейо. И благородному дару вовек не пристало тело и душу свою с тейо соединять. Не говоря уже об осквернении телом итано..." Хмм... А ведь правда... Тейо рожают бескрылых женщин и крылатых мужчин, не обладая при этом внутренним временем. Они одинаково просто производят детей с итано (хотя чураются этого) и с дарами (хотя браки между дарами и тейо запрещены). У нас есть внутреннее время, но утрачена способность давать жизнь женщинам... С итано мы не совокупаемся уже много сотен лет. Никому из даров даже не придет в голову такая мысль! Я запутался, - признался Меери.

- Я тоже так и не смогла додумать эту мысль до конца. Но вы можете попытаться... Обещай мне, Меери!

- Я ушел к воротам.

- Меери! Зачем?

Он удивленно приподнял брови.

- Что зачем?

- Ответь мне, зачем ты идешь к воротам? Ради чего?

- Ради Китти.

- Ты погибнешь. Он не станет жить без тебя. Ради чего ты идешь к воротам, Меери?

- Койя, ты дура, но на редкость упорная. Точнее, и. И на редкость упорная дура. Тебя это не украшает.

20 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Ради чего ты идешь к воротам, Меери?

- Койюшка, оставь меня. Я уже не иду ни к каким воротам. Поздно уже к воротам идти. Я снимаю орад и, дрожа от холода и смятения, лечу вниз драться с твоим братом Хетти. Убить я его не убью, скорее он меня, но отвлечь этого гениального главнокомандующего надо. Хотя бы часть наших людей успеет отойти в горы. И тебя прихватят, не беспокойся.

- Меери! Ты мне надоел. Я сама тебе расскажу, зачем ты летишь вниз бессмысленно тратить время моего брата Хетти. Ради Аккалабата. Ради будущего людей, которых ты любишь. Только ты неправильно понимаешь, что должен сделать для этого будущего. Но тебе повезло - я тебе сейчас объясню. Полетишь ты сейчас не вниз, а в горы, вместе с моим мужем Хару. Командовать уже, как видишь, незачем, да и почти некем. Я тут сама, как смогу, разберусь, а вы с Китти родите там девочку с крыльями. Договорились?

- Не-а. Неинтересно. Знаешь, Койя, я ведь никогда не фехтовал с твоим братом. Передай Китти, что я его люблю. Очень.

Надо же, как мы красиво проигрываем! Не ожидала. Жаль, что не будет времени сказать брату Хетти спасибо за доставленное удовольствие.

- Леди Койя, меня прислали за Вами!

- Очень хорошо. Бери меня под мышку и полетели.

И хорошо, что меч у тебя тяжелый, двуручный. Мне такие всегда нравились.

А теперь, милый мальчик, когда ты прочувствовал кинжал у своей шеи, быстро и осторожно, чтобы тебя не зарубили на подлете к земле, опускаемся вон туда – видишь? – в гуцу сражения, где мой брат Хетти мастерски убивает мою будущую любимую сноху.

Умник. Дай мне теперь, пожалуйста, вот это... да-да, не надо делать круглые глаза.. и убирайся к демону Чахи, а то я тебе отрублю голову, хоть ты и из Умбрена!

Хетти Дар-Халем

Внутреннее время Халемов... оно вырывается из-под замка, как срывается с горных круч кипящий водопад Эль-Зимбера. Чистый, сверкающий, сметающий все на своем пути поток... пенящийся кровавыми пузырями, затягивающий в свою неотвратимую глубину, поглощающий мелкие ручейки и речушки... Внутреннее время Дар-Кауда течет широкой рекой, и временной поток Дар-Халемов захлестывает ее не сразу. Но захлестывает. Меери успевает повернуться только для того, чтобы встретить удар в лицо, а не в спину. Древние роды Аккалабата умеют сражаться и умирать...

Койя возникает из ниоткуда, с тяжелым двуручным мечом, на рукояти которого добела сжаты костяшки тонких пальцев.

- Меери! Обещание!

- Койя, вдвоем мы сможем...

20 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Уходи! Это мой брат! Мы не будем нападать на него вдвоем!

Я знал, что у тебя есть внутреннее время, сестрица, но и предполагать не мог, что ты можешь раскрутить его до такой скорости. По-моему, и сама ты удивлена. И Меери уходит, уходит спокойно, потому что в другом месте, там, где наши итано уже карабкаются на крепостную стену, он нужнее, и потому что он верит – искренне или не очень – что не оставил слабейшую с сильнейшим, что не оставил тебя умирать. Всплеснули над головой его пятнистые крылья... и мы с тобою вдвоем, сестра, одни среди кипящего яростью поля боя.

Сбив... поворот... выпад...

Я знал, что у тебя есть внутреннее время, Койя, и предполагал, что хватит его не надолго. Занимательно смотреть, как иссякает наш водопад, как внутренний поток Дар-Халемов превращается в маленькую речушку. Хорошо, что, кроме меня, этого никто никогда не увидит.

Выпад... сбив... поворот... прямой удар с короткой руки... Все.

Я дышу тебя прямо в завитушку над левым ухом. И держу тебя крепко-крепко. Так, что непонятно, какое сердце бьется сильнее – твое или мое.

Прежде чем довести прием до конца, выкрутить меч и отбросить его в одну сторону, а Койю - в другую, Хетти успеваает еще разглядеть вены на запястьях сестры, натянувшиеся как струны, легкий переход от загорелой на кистях кожи к чуть менее смуглой там, где у благородных деле начинаются кружевные манжеты...

...

- Хетти, да бей же ты! Бей! Все смотрят.

Никто не смотрит, но лорд Дар-Халем, верховный маршал Аккалабата, знает, что надо ударить. Потому что никто не смотрит, но некоторые увидят. И никакие воспоминания, мелькающие у него в голове, никакие радужные картины далекого детства в которых он, Хетти, и Ко, его старший брат, всегда вдвоем, всегда вместе, не могут заставить его сдержать удар. И не потому, что кто-то заметит, и не потому, что Кимназ и Виридис и короне Аккалабата не на кого рассчитывать... А потому, что карие глаза напротив – это не вечно смеющиеся глаза Ко и даже не глаза прежней злой и насмешливой Койи (*Нууу, Хетти, ну зачем ты прилетел? Сегодня здесь должен быть мой гадкий лорд-канцлер. Кто же остался охранять ведьму на троне?*) В этих глазах безумие отчаяния, как у самки дикого зверя, пытающейся грудью закрыть, защитить свое потомство, увести охотников от норы или берлоги. Зная, что без нее детеныши все равно погибнут, но повинувшись слепому, всепобеждающему инстинкту материнства.

Все эти мысли Хетти не думает. Они у него просто есть – все одновременно, в ту единственную секунду, когда еще можно опустить меч.

11 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Элла Дар-Кауда

Какие же они непокойные, мои брат и сестра! Мало им Сола, которая сама же себя и свела в могилу, которая так и напрашивалась!

На что напрашивалась Сола, леди Элла не стала додумывать. С некоторых пор она заметила, что если не додумывать, то и плакать получается реже. А плакать она устала, очень устала. И Рейвен устал. Только в последний год, вопреки сгущавшимся на границах Аккалабата и над головами семейства Халемов (бывшего семейства Халемов) тучам, жизнь в главной крепости богатейшего дариата Империи стала налаживаться, и верховный дар Кауды снова пришел в то состояние духа, которое, как смутно помнилось Элле, следовало полагать для него основным. Естественным и нормальным. Выразилось это в частности в том, что он перестал считать каждую слезинку своей возлюбленной супруги драгоценностью, нуждавшейся в оправе из сочувственных вздохов и охов.

- Я тебя умоляю, - желчно сказал в один прекрасный день лорд Рейвен, заметив, что Элла, по своему обыкновению, собирается приступить к водным утренним процедурам. – Если ты будешь рыдать по каждому ничтожному поводу, то замок обрастет мхом, не успеем мы состариться. А ты знаешь, во сколько обходится ремонт этих ветхих сооружений?

Из всех крепостных сооружений Аккалабата, относящихся к эпохе королевы Лулуллы, замок Дар-Кауда в самую последнюю очередь можно было назвать ветхим. Так что Элла неожиданно успокоилась. Смущенно пробормотав: «Действительно», - она без всякого перехода обратилась к мужу с вопросом практическим:

- Ты будешь сегодня тренировать Некко? – и, получив утвердительный ответ, окончательно успокоилась.

Находиться в состоянии довольства и умиротворенности сначала было леди Элле в новинку. Но постепенно она распробовала и стала находить все больше причин для того, чтобы прекратить или вовсе не начинать плакать. Вечером первого дня, обошедшегося без слез, Рейвен подарил жене ожерелье, служившее живым воплощением непревзойденного мастерства ювелиров Дар-Кауда (то есть такое, равного которому не было бы даже у королевы, если бы не удивительные вещицы из дворцовой сокровищницы, называемые в обиходе «наследством святой Лулуллы»). Когда, всласть покрасовавшись перед зеркалом, леди Элла занялась пристраиванием ожерелья на почетное место в одной из своих шкатулок (каждая из них была размером с походный сундук, с какими сопровождают своих лордов на дальние расстояния оруженосцы-тейо), верховный дар подкрался сзади, запустил обе руки жене в лиф, довел ее быстренько до полного изнеможения и благорасположения, не жалея сил, расцеловал в обе щеки, давая волю не только губам и языку, но и зубам, и пообещал, уже окончательно избавив супругу от всякой одежды, что в случае повторения неслыханного успеха дополнит ожерелье приличествующими перстнями, браслетом и серьгами. Элла, уловив те несколько секунд, в которые муж стягивал с нее туфли, следовательно, она могла говорить, а не только сладострастно стонать, выклянчила еще брошку и пряжку для пояса и сочла, что игра стоит свеч.

11 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Спустя всего две недели комплект драгоценностей был сформирован, а не плакать вошло в привычку.

И сейчас, удовлетворенно разглядывая в зеркале свои белые, пухлые, но не потерявшие аристократичности руки, лицо, не затуманенное ни тенью заботы, всю свою статную фигуру с подчеркнутой хорошо продуманным покроем платья талией, не позволявшей даже заподозрить, что эта деле была матерью двоих детей и ожидала третьего, леди Элла Дар-Кауда ничего, кроме благодушия и полной уверенности в том, что сегодняшний день пройдет так же размеренно и спокойно, как предыдущий, не испытывала.

До тех пор пока не услышала взволнованный голос мужа, только что вернувшегося из столицы: хаяросская резиденция Дар-Кауда нуждалась в ремонте перед зимним бальным сезоном, и лорду Рейвену, несмотря на то, что нежелание вникать ни во что было благородным принципом его жизни, приходилось летать и вникать, что приводило его в еще более желчное и саркастическое настроение, чем обычно.

Но на этот раз Рейвен был не раздражен, он был взволнован. Леди Элла услышала это не только в голосе, но и в стуке его каблучков по ступеням парадной лестницы, по которой он не поднимался сейчас, а взбегал, как мальчишка-тейо, посланный с поручением.

- Элла, где дети? Где они, я тебя спрашиваю?

Почему вдруг встревожился всегда относившийся к детям со смесью отцовской гордости и безразличной холодности Рейвен, Элла догадываться не собиралась. Проще было, как и все в этом простом на удивление мире, спросить у мужа. Тем более, что вот он влетает в комнату – с выражением глаз, которое очень-очень Элле не нравится. Это даже хуже, чем было, когда Меери сдавался Китти.

- Дорогой, что с тобой? – ласково начинает она. - Все как обычно. Креч в саду. Некко гостит у тетушки Койи в Умбрене.

Рейвен как вкопанный останавливается посреди комнаты, и рука Эллы, протянутая к нему, застывает в воздухе.

- Значит, в Умбрене, - произносит он обреченно, будто ему только что после сорока лет тюремного заключения зачитали смертный приговор. – В Умбрене.

- В Умбрене, - растерянно повторяет Элла. – Он же еще при тебе улетел. Он всегда лета...

- В Умбрене, - голос и вид у мужа жалкие, даже хуже, чем после поединка Меери и Китти. – Элла, Эллочка, девочка ты моя...

Он шагает навстречу протянутой руке Эллы, которую та все никак не может опустить, натывается на нее как слепой, находит своей огромной ладонью, сжимает пальцы. Элла не понимает уже совсем ничего, но доверчиво прижимается к мужу, тычется носом между ключицами, шепчет ласковое – этому большому, самому сильному и надежному человеку, который у нее один в мире, который один способен спасти, защитить, объяснить, что в конце концов происходит. Она ведь так плохо все понимает, она так плохо во всем разбирается, и, если он не будет ей объяснять и о ней

11 ноября 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

заботиться, она погибнет... Только почему он так стискивает ее, так, что становится больно дышать, а на спине остаются, наверное, следы от бешено царапающих ее кожу сквозь платье пальцев? Он, что, сошел с ума, так набрасываться? Это больно, она совершенно не выносит, когда ей больно! И когда на спине трогают платье!

- Не надо! Нет! – яростно извиваясь, Элла отталкивает мужа. – Не подходи!

Зеркало – это непрочная, но преграда. Никогда Элла бы не подумала, что она способна сдвинуть тяжелую золоченую раму с места. Сейчас она падает на бок, между Эллой и мужем – эфемерная, кажущаяся защита от того зла, от той боли, которую он принес с собой, которую он хочет сейчас причинить ей, Элле. Звон разлетевшихся стеклышек, кажется, отрезвляет Рейвена. Он отступает на шаг, проводит рукой по лбу. Спрашивает спокойно и мрачно:

- Значит, Креч в саду?

Элла, всхлипывая, кивает. Рейвен, мгновенно утратив к ней всяческий интерес, поворачивается, тяжело ступая, идет к двери. В дверном проеме останавливается, и она замечает, как неловко висят у него за спиной крылья. Муж говорит безжизненным голосом:

- Хетти вернулся. Королева назначила его главнокомандующим и приказала уничтожить умбренский замок Хару. Заговор против короны. Пленных не брать. Только зачинщиков – для пыток в хаяросских подземельях. Армия выступила три дня назад. Меери примкнул к мятежникам – так их теперь велено называть. Они все там в замке – сам Хару, Койя, Китти... ходят слухи, что они захватили в заложники сына лорд-канцлера. У лорда Хетти, оказывается, к нему чувства, так что Койя предполагает шантажировать брата. И Некко – в Умбрене... гостит у тетушки Койи. Это единственное, что нас спасет, когда начнутся допросы: никто не поверит, что мы по доброй воле, зная о намечающемся мятеже, отдали Койе своего сына. Ну еще то, что ты дурочка...

Прежде чем выйти, Рейвен на мгновение оборачивается: на лице у него усмешка мертвеца, и Элле становится снова хорошо и спокойно от того, что она действительно дурочка. И ей ничего не будет.

20 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Хетти Дар-Халем

Хетти ударил, мысленно возблагодарив демона Чахи за то, что шум окружающей битвы не позволил различить короткий вскрик, похожий на всхлип, который вырвался из груди Койи. Выдернул меч. Смотрел, как тело сестры падает на землю. Хотел поддержать, не смог заставить себя дотронуться.

- Все смотрят, - задумчиво повторил он. – Все смотрят... Что они видели, глупая, при нашем с тобой внутреннем времени?

- Лорд Дар-Халем! Лорд Дар-Халем! – встrepанный парень из клана Пассеров, весь раскрасневшийся в пылу битвы, с энтузиазмом взывал к Хетти. – Смотрите, они отступают! Они бегут!

- Не преследовать! – яростно выкрикнул Хетти. Голова кружилась – то ли от опьянения боем, то ли от горного воздуха.

- Это может быть ловушка, - объяснил он удивленному парню. - Лучше Дар-Умбра никто не знает загорье. Я туда без предварительной разведки не сунусь. И никому не советую.

- Но как же?... – мальчишка выглядел обескураженным и подозрительным одновременно.

«Наверное, вспомнил, что Койя – моя сестра», - подумал Хетти. Кивком головы указал на тело в бордовом бархате, на котором почти незаметно было темное пятно между лопаток.

- Если так тебе не стоитя на месте, лорд... как тебя?

- Альт Дар-Пассер, к Вашим услугам.

- Лорд Альт Дар-Пассер. Назначаю тебя своим нарочным. Лети в Хаярос и будь первым, кто доложит Ее Величеству о падении замка Хару Дар-Умбра. И гибели главной зачинщицы мятежа.

Глаза у парня округлились: он не мог оторвать их от бордово-алого пятна, выделяющегося на черно-белом фоне, который образовывали трупы умбренских мечников в крупитчатом взрытом снегу перед Хетти.

- Вы... Лорд Дар-Халем! Сами? Но как же так?! – с неприкрытым отчаянием выкрикнул он.

Хорошо воспитывают Дар-Пассеры своих мальчишек. Что-что, а родственные чувства у них сильнее некуда. Я только что вырос в его глазах до небес за военный успех и преданность королеве и тут же упал ниже башмака итано за то, что убил родную сестру. Во всяком случае разнесет он эту новость как полагается – быстро и не гнушаясь яркими красками.

- Ты меня слышал? – холодно осведомился маршал Дар-Халем.

Мальчишка наконец поднял взгляд от женского тела у своих ног, сглотнул судорожно. Краска с его щек сползла, уступив место смертельной бледности.

«Слишком эмоционален для Дар-Пассеров, - внутренне поморщился Хетти. – Интересно, кто он по материнской линии?»

- Так ты услышал меня, лорд Альт?

- Д-да, лорд Дар-Халем.

- Ну так исполняй. На вот, передай в качестве доказательства.

20 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Хетти опустился на колени, отрезал кинжалом длинную прядь темных волос, завязал в узел, протянул не глядя, через плечо, ошеломленному Альти.

- Лети уже. Охаде!

«Твоя карьера сделана, малыш, - пробормотал верховный главнокомандующий Аккалабата, поднимаясь с колен через полминуты. – То, что ты просто салютнул мечом и смылся, не задавая мне лишних вопросов, я оценил и не забуду. По крайней мере дал мне попрощаться. До встречи, Ко, до скорой встречи у трона святой Лулуллы...»

Хетти энергично развернул крылья. Он терпеть не мог врать даже самому себе. Жить он собирался долго. У него хватало на это внутреннего времени.

22 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Хетти Дар-Халем

- Пропустите, пропустите меня к главнокомандующему!

- Куда ты лезешь, мальчишка! Лорд Дар-Халем обдумывает стратегию преследования мятежников!

- Да пропустите же!

Хетти недовольно поморщился и выплюнул изо рта огрызок пера. Как всякий верховный дар, он предпочитал писать своими перьями и понятия не имел, почему они изнашивались быстрее, чем, скажем, Сидовы. Сидовы он таскал с умом, так, чтобы на черном ни одного лилового отблеска не шевельнулось даже в яркий солнечный день, чтобы никто не догадался, и хранил их для торжественных случаев. Теперь – для очень торжественных.

Вставать не хотелось, все тело ломило после вчерашнего: даже Дар-Халем не может махать мечом шесть дней кряду. Но если не встать, катавасия на входе сейчас переместится в палатку, а выгнать всегда труднее, чем не пускать. Верховный маршал Аккалабата резко отдернул полог.

Два часовых – младшие дары из рода Акила (после явления Сида в Виридисе Хетти не доверял охрану штабной палатки оруженосцам-тейо) – с трудом удерживали брыкающегося парня в разодранной безрукавке. Вид у охраны был удовлетворенный, ибо синяк под глазом нарушителю спокойствия они поставили знатный. И по крыльям, видать, причесали плашмя мечами. В общем, достойно выполнили свой долг. И воззрились на Хетти с немым упреком, когда он тихо сказал:

- Совсем с ума посходили. Это лорд Альт Дар-Пассер. Я посылаю его с поручением... В СТОЛИЦУ!

Последнее слово Хетти проорал так, что дрогнуло пламя на ближайшем костре. Стражники, облегченно и покаянно расступившиеся еще на первых словах маршала, полностью потеряли дар речи. Ибо всегда спокойный и невозмутимый лорд Дар-Халем впился железной хваткой в плечи несчастного Альти и приподнял его над землей, буравя ненавидящим взглядом:

- Какого демона Чахи?!! Я посылаю тебя в Хаярос ПОЗАВЧЕРА! Ты, что, никуда не летал? Ты, конская падаль, ослушался своего главнокомандующего?!!

Если в глазах обалдевшего от такого приема Альти стоял страх, то в сердце у Хетти бушевало отчаяние: «Пассеры! Всегда Дар-Пассеры! Никому ничего нельзя поручить. Этот ублюдок не мог обернуться менее чем за три дня туда и обратно. Он просто никуда не летал. Королева еще не знает, что мы взяли замок. Я не доложил. Она голову мне оторвет!»

- Пустите, - выдохнул наконец Альти и жалобно дернул крылом. – Вы мне голову сейчас оторвете. А она у меня единственная.

- У меня тоже, - рывкнул Хетти, все же собираясь с мыслями и опуская парня на землю. Теперь, когда лица их оказались наконец на одном уровне и отблески факелов подбежавших со всех сторон даров и тейо засветились в темных глазах мальчишки, Хетти вдруг осознал, что не узнает

22 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

его. Только что, три минуты назад у входа в палатку, сразу сообразил, что перед ним молодой Дар-Пассер, которого он отправлял с поручением, а сейчас...

- Что это с тобой? Сам на себя не похож, - только сейчас Хетти увидел, как у его посланца запали глазницы, как мертвенно-бледны щеки... скользнул взглядом по губам, на которых налипла сухая пленка, по острому подбородку...

- Где шлялся? – спохватившись, буркнул он и убрал руку с плеча Альти. Тот плюхнулся на землю прямо у него под ногами.

- Я был в Хаяросе, верховный лорд Дар-Халем, как Вы и велели. И принес Вам срочный приказ королевы. Столица в осаде.

Трясущимися пальцами парень вытянул из-под безрукавки помятый пергамент, вложил в руку Хетти, которую тот протянул совершенно автоматически. Кто-то догадался поднести факел...

- Лорд Дар-Халем! Лорд Дар-Халем!

Верховный дар Акилы. Старшие дары Пассера возле него. Фиолетовые безрукавки Эсилей. Черные мечи немногочисленных Умбра. Мерцают в факельных бликах металлические накладки на перчатках Дар-Спэров... Хетти сунул письмо, под которым стояла подпись лорд-канцлера, в первую же протянутую ладонь, глухо сказал, отвечая на чей-то шепот из полутьмы «Виридис?»:

- Кимназ. Я Меери голову размозжу, если еще раз его увижу. Кто так воюет?

- Он не Дар-Халем, - ответили из полутьмы.

- Я знаю, что он не Дар-Халем, верховный лорд Акила, - с горькой иронией произнес Хетти. – Согласитесь, сейчас бы нам весьма пригодилась еще парочка Дар-Халемов.

Круг теней над его головой пошевелился. Даже не поднимая головы, Хетти знал, как узок этот круг, хотя уже все сопровождавшие его в умбреном походе мечники подошли от своих костров к палатке главнокомандующего. Он чувствовал, что по мере того, как письмо верховного лорда Эсиля переходило из рук в руки, среди сильных, умудренных наукой боя мужчин, еще вчера торжествовавших на развалинах замка Хару Дар-Умбры и предвкушавших заслуженный отдых после недолгой дороги домой (никто всерьез не рассчитывал, что Хетти поведет армию вглубь Умбрена – лишней десяток трупов мятежников не стоил риска), зарождалось какое-то странное чувство. Это был не страх, еще не страх, и тем более не отчаяние, а какая-то злая усталость, разочарование, грозившее перерасти в безразличие, которое не даст им сражаться, которое, если дать ему волю пустить ростки в их сердцах, превратится в беспомощность, в жалкую мысль о том, что все равно, кто победит, лишь бы все поскорее закончилось...

- Кольцо смыкается, - громко прочитал кто-то с сильным южным акцентом. – Мы не можем отозвать гарнизон из Виридиса и надеемся только на Вашу помощь, лорд Хетти. Если вы не поторопитесь, то можете уже не торопиться...

- Красиво пишет наш лорд-канцлер, - зло выговорили поблизости. В задних рядах чей-то меч со свистом разрезал воздух.

22 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Дурак наш лорд-канцлер, - Хетти сообщил об этом как всегда спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся, совсем негромко. Но его все услышали.

- Лорд Дар-Халем!

- Что, лорд Дар-Пассер?! Вы полагаете, что умственно полноценный человек может предположить, что верховный главнокомандующий Аккалабата отправится в опасную экспедицию в Умбрские горы, не организовав защиту столицы таким образом, что она неделю может гарантированно продержаться против любых сил любого известного нам противника? Уверяю Вас, даже лорд-канцлер и – кто там у нас остался за главного? Старейшина Вашего клана и верховный дар Фалько? Даже им не удастся сдать врагу Хаярос быстрее, чем за неделю.

Большинство даров, окружавших Хетти, с надеждой расправили плечи. Послышался звон мечей, облегченно шорхнули крылья. Даже дары Пассера сочли нужным проглотить оскорбление: Хетти говорит дело, он Дар-Халем и... Только Альти, про которого уже все забыли, громко сказал:

- Удастся.

- Чтооо?!!

Теперь они стояли напротив друг друга – в кольце вновь напряженно смолкнувших даров – двадцатилетний маршал Аккалабата, единолично повелевающий его армией, и изможденный мальчишка в порванной безрукавке.

- Они там все обезумели, лорд Дар-Халем, - зататорил Альти, пряча глаза. – Когда я прилетел, город уже был в осаде, но королева ничего не желала слышать, пока ей не принесут вести о падении цитатели Дар-Умбра. Она, по-моему, даже толком не понимала, что идет какая-то другая война, где тоже нужно принимать решения... что столица в опасности. Лорд Дар-Эсиль пытался ей объяснить. Но пока она не увидела... - Альти в первый раз за время своей сбивчивой речи поднял взгляд на Хетти, взгляд, полный жалости, будто он был во всем виноват. - ... Доказательство... В городе паника, лорд Дар-Халем. Единственный, кто сохранил хоть какую-то трезвость мысли, это лорд-канцлер. Но он не военный...

- Он дар Аккалабата. – возразил Хетти. – И неплохой мечник, насколько я знаю. Должен сообразить, что к чему. Хотя...

- Почему они послали тебя? – встрял в разговор один из старших Пассеров. – Ведь очевидно же, что свежие крылья донесли бы до нас эту новость...

- На пару часов быстрее, чем он, что не имеет никакого значения, лорд Дар-Пассер. – Хетти не собирался дальше слушать и говорить. - Мы вылетаем с рассветом. Всем отдыхать. Командиров прошу через полчаса в штабную палатку. Буду рассказывать, что вы будете делать... Альти, иди со мной.

Кольцо даров и тейо распалось, выпуская Хетти. Он шел, стараясь смотреть прямо перед собой, чтобы не замечать в свете факелов и костров мелькающие то тут, то там белые пятна. Марля, бинты, пластырь... Мы похожи на передвижной лазарет, а не на военный лагерь. Если так и дальше пойдет, через год у Империи не останется боеспособных солдат. Я задущу Меери, если он

22 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

попадется мне в руки! Кимназ должен был молчать еще хотя бы пару лет. Пару лет, пока вырастет новое поколение молодых мечников, пока затянутся раны дариата Умбра и на его бойцов снова можно будет надеяться... А сейчас... Как поступят те лорды Умбрена, которые не ушли с Хару в горы? Они обещали короне нейтралитет в обмен на гарантию безопасности им и их семьям. Хетти до сих пор с содроганием вспоминал те переговоры. Оставалось только догадываться, каким образом лорд Дар-Эсиль собирался уломать королеву... Мысль о лорд-канцлере заставила его вспомнить и о мальчишке, переминавшемся рядом.

- Иди спать, Альти.

- Лорд Дар-Халем! Вы хотели о чем-то меня спросить?

- Иди спать. Все завтра. Я вообще не понимаю, как ты это сделал. За два дня туда и обратно... И они ведь не послали свежего вестника не потому, что им было некого... Так?

Альти коротко кивнул.

- Они вообще... Он вообще...

- Лорд Дар-Эсиль даже не сообразил, что ты можешь свалиться без сил, только вылетев из Хаяроса?

- Он вообще об этом не думал. Просто сунул мне в руку письмо... Это плохо?

- Это хуже, чем можно себе представить, Альти. Лорд-канцлер *не сообразил*... Защити нас, святая Лулулла!

29 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Глава 11. Сдохнуть в Хаяросских подземельях

Верховные дары Халема и Эсиля

Хетти никогда не задумывался о том, сколько лет лорд-канцлеру Аккалабата. Казалось, что слово «годы» вообще не приложимо к этому лишенному эмоций и морщин лицу, к застывшим в высокомерной безмятежности серым глазам, к голосу всегда молодому и властному, к стройной фигуре, ни плечи, ни спина которой не согнулись, не поддались ни на дим³ воздействию времени. Да и само слово «время» - какое отношение оно могло иметь к могущественному лорд-канцлеру Дар-Эсилью? Это для Хетти оно текло – иногда тянулось, иногда резво бежало, летело порой так, что дух захватывало. Сколько его проползло или пролетело с тех пор, как в первый раз он увидел отца Сиды – перед малышowym турниром, затеянным Дар-Пассерами на юбилей старейшины клана. Хетти только исполнилось семь – отец придержал на год его появление перед глазами ценителей мечного боя. Он с самого начала увидел, насколько хорош его младший в управлении внутренним временем, в освоении фехтовальных приемов, и решил, как он любил выражаться, «не бежать впереди королевской кобылы» - дать Ко лишний годик побыть лучшим из Дар-Халемов. Так что у лорда Дар-Эсиля были формальные основания хмуриться, когда он подошел к маршалу Аккалабата на зеленой лужайке, окруженной высокими чалами и – по случаю празднества – обнесенной плетеным забором.

- На год задержались, да, Дар-Халем? И показываешь малыша не в Хаяросе, а на мало кому интересном домашнем турнире... Есть причины? С ним что-то не так?

Отец Хетти сбросил фамильярно положенную на плечо руку лорд-канцлера.

- Не твое дело, Эсиль. То, где и когда я вывожу своих парней на арену, имеет отношение не к дворцовой политике, а к боеспособности Аккалабата. Это мой огород, и не лезь.

- Ну-ну-ну-ну, - канцлер вовсе не выглядел оскорбленным или обескураженным. Казалось, ему было даже весело. Руку, которую так раздраженно стряхнул с плеча Дар-Халем, он тотчас же запустил в недра орада и извлек оттуда средних размеров кинжал с уменьшенной рукоятью.

- Оцени-ка.

Лорд Дар-Халем, все еще насупленный, протянул руку: вещица явно была из мастерских Дар-Кауда, а значит, внимания стоила. Взвесил на ладони, проверил баланс, пару раз рубанул с силой воздух, утопив рукоять вместе с гардой в огромном своем кулачище. Подтвердил одобрительно:

- Вещь. Сыну купил?

- Да, - глаза лорд-канцлера потеплели. – Сид, подойди сюда, познакомься с лучшими мечниками Аккалабата – старым и новым. Или старым и молодым, как тебе нравится.

Беленький мальчик, тут же прервав разговор с кучкой сверстников в темно-лиловых орадах, послушно направился к Дар-Халемам. Знакомство явно его не интересовало, со старыми друзьями было занятнее. Хетти, все время разговора молча сидевший у отцовских ног на траве, тоже нехотя поднял голову. Ему вполне хватало для общения братьев, даже иногда хотелось сбежать подальше

³ Мера длины на Аккалабате, примерно 0,8 сантиметра.

29 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

от шумного Ко. Никакие новые лица в окружении семилетнего Хетти не предусматривались. Они просто были ему не нужны. Тем более этот... в серебристом ораде... Подошел и стал пялиться. Хетти не любил, когда на него пялились, да и волновался перед первым турниром, поэтому в ответ на вежливое приветствие «серебристого» буркнул что-то нечленораздельное, достал кинжал и стал чистить им ногти. Сид недолго постоял над ним, словно надеясь хоть на какую реакцию, покрутился вокруг старших даров, вернувшихся к разговору, и, углядев на другом краю поляны высокую женщину в переливающимся на солнце атласном черно-малиновом платье, пустился к ней со всех ног. Хетти ревниво следил, как женщина, наклонившись, развела руки и Сид с разбегу зашмыгнул в ее объятия. «Ну и пускай, ну и подумаешь...» - подумал Хетти.

Турнир он тогда с легкостью выиграл. Финал вообще продолжался нисколько – так быстро разобрался Хетти с одним из Дар-Умбра, что ничего не запомнил. Ничего, кроме восторженных светлых глаз, следивших за ним с трибуны. Кроме того, что их обладатель бежал к нему после боя так же, как утром к матери, поскользываясь на мокрой траве (во время последних боев прошел дождь), и, не добежав трех шагов, встал нерешительно, словно сообразив, что делает что-то не то... посмотрел исподлобья на Хетти, пробормотал:

- Поздравляю! – и хотел было уже повернуться, но остановленный Хеттиным искренним «Спасибо!» и уставшей, но твердой рукой, ухватившей его за локоть, вдруг развернулся и порывисто обнял, и не сказал, а прошептал на ухо, задыхаясь от радости – так, будто выиграл не чужой мальчишка Халемов, а его родной брат:

- Знаешь... это было так здорово... так великолепно! Ты лучше всех, ты самый лучший, действительно!

И Хетти было приятно. Единственным, что омрачало радость, был скептический взгляд лорда Дар-Эсиля, восседавшего на почетном месте за веревочным ограждением. Взгляд, которым лорд-канцлер словно поклялся сопровождать Хетти вечно.

Но сейчас верховный маршал Аккалабата пол своего дариата отдал бы за то, чтобы вернуть этот взгляд. Чтобы услышать голос, холодный, как водопад Эль-Зимбера и звонкий по-молодому – угрожающий, приказывающий, жалящий. В мертвую пустоту смотрят глаза лорд-канцлера из-под спутанных волос, глухо, как из-под земли, звучит его голос. Голос – отдельно, слова отдельно.

- Значит, она умерла от твоей руки. Мерзавец.

- Я не мог ей позволить убить меня. Аккалабату...

- Ему всегда что-нибудь нужно.

Странно слышать эти слова от лорд-канцлера Аккалабата. Хетти проходит на середину комнаты, без приглашения плюхается в кресло. Если с этим безжизненным старцем разговаривать бесполезно, так же, как с отцом в последние дни, то жалеть его маршал Аккалабата не намерен. Десяток витиеватых росчерков на огрызках пергамента, которые один за другим извлекает лорд Дар-Халем из карманов орада, это все, что ему сейчас нужно. Нужно Аккалабату...

- Нельзя закалить клинок в ледяной воде Эль-Зимбера...

Оооо... дела совсем плохи.

29 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Отец тоже в какой-то момент начал общаться с помощью старых пословиц и цитат из военных легенд эпохи Лулуллы. Чем больше нужны были Хетти его советы, тем туманнее становились обрывки древней мудрости, которые прежний лорд Дар-Халем предлагал сыну в ответ.

Если этот пошел той же дорожкой... то нет нам с Сидом прощения за то, что мы сотворили. Нет. Не так. То я должен сделать все, что могу, для того, чтобы наша любовь не стала последним ударом, от которого рухнет Империя. Кипящий котел в Виридисе, кимны под стенами Хаяроса и...главный враг Империи на ее троне – королева, которую не интересует ничего кроме расправы над соучастниками мятежа. Завтра в столицу должны привезти Эллу с мужем и младшим сыном. Значит, сегодня вечером меня не должно быть в столице. Я способен убить свою сестру в честном бою, но я не собираюсь присутствовать при пытках и казнях ближайших родственников. И я хвост демона Чахи засуну в глотку тебе, лорд-канцлер, если ты не возьмешься за перо в ближайшие пять минут.

Лорд-канцлер тем временем никакого интереса к бумагам, появившимся на столе, не проявлял. Уставился взглядом в окно, на обледенелые крыши Хаяроса, на облака, примерзшие к шпилям храма святой Лулуллы, и бормотал себе под нос древние вирши. Выглядел он при этом как мощи приспешников упомянутой королевы, которые демонстрировались в ее главном храме в День слияния лун. Хетти всегда был уверен, что, доведись ей с поднебесного сверкающего престола увидеть эти ошметки, прародительница аккалабов была бы жутко разочарована и вряд ли признала бы близкое знакомство с теми, кто возвел ее на трон и поэтому превратился в такого рода святыни. Хетти решил подняться и врезать.

- Что, малыш Хетти, нелегко чувствовать себя палачом? – с неожиданным оживлением поинтересовался лорд-канцлер, когда Хетти оказался у него за спиной.

- Я только исполнил тот смертный приговор, который подписали ей Вы, лорд-канцлер, - голос Хетти сочился ядовитым почтением. – Конечно, когда Вы перестали летать в Умбрен, Вам уже трудно было заметить, как быстро начало ухудшаться умственное состояние Койи. Государственные дела занимали все Ваше время, не оставляя ни малейшей возможности задуматься, как чувствует себя выброшенная Вами из жизни женщина. Еще бы! Вы, единственный из даров Аккалбата, за более чем десять веков его существования, кто трансформировал целых четырех деле (Вашу первую жену я позволю себе включить в список). Такое разнообразие возможностей! Такой богатейший выбор! Такая бездна эмоций и ощущений! Куда уж тут помнить о том, что обычно деле бывает единственной! Или о том, чем платят за свою деле! Вы – единственный, кто ничего... никого не отдал, чтобы получить...

Удар кованой перчатки ожег щеку Хетти. Сразу почувствовался морозный сквозняк из окна, прихвативший кровавую струйку из рассеченной скулы.

- Не смей! Мальчишка! – лорд Дар-Эсиль задыхался, после истеричного выкрика губы его продолжали шевелиться беззвучно, словно не могли подыскать на голову Хетти достойных проклятий. Мечи, сами собой оказавшиеся у него в руках, дрожали, как у усталого мечника в конце долгого боя. Хетти отпрыгнул.

29 декабря 1504 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Удивляюсь я Вам, лорд-канцлер, - спокойно сказал он. – Вам завтра лорда Рейвена и леди Эллу допрашивать, а Вы совсем не готовы. Нервный какой-то. Так забудете, и как дыбой пользуются, в состоянии невиданного аффекта. Нельзя так реагировать. На правду-то.

Мечи доставать он не собирался. Орад все равно был старый и рваный, да и кровью пропитавшийся изрядно за время умбренской кампании. Поэтому Хетти просто отступал по комнате, слегка отмахиваясь полами своего черного одеяния от упорно и обреченно атаковавшего его лорд-канцлера.

Выпад – шаг в сторону – выпад – шаг назад – выпад... Хетти проскользнул под оружием и ухватил лорд-канцлера за обе руки, пристроившись сзади.

- Хватит валять дурака, лорд Дар-Эсиль. Во-первых, у нас у обоих завтра тяжелый день. Вам предстоит развлекать королеву страданиями людей, которые не заслужили ни капли этих страданий. А я положу пол нашей армии для того, чтобы не просто разорвать кольцо вокруг Хаяроса, а сделать это так, что кимны надолго запомнят эту осаду. Главное не забыть оставить, кому будет помнить. Руки у нас к вечеру будут по локоть в крови, врагов прибавится не меньше, чем вдвое, а желания видеть друг друга раз в десять уменьшится. Так что... - Хетти немного ослабил хватку, лорд-канцлер не пошевелился. – Подпишите все, что мне нужно, чтобы защитить Хаярос, и я не буду Вас больше тревожить. Когда все закончится, встретимся и потолкуем. Расскажите мне, как Вы любили Койю... А я постараюсь красочно описать, как ослепительно выглядела леди Сидана, когда я последний раз ее видел. Не надо дергаться!

Хетти снова посильнее прихватил запястья лорд-канцлера и подтолкнул его к письменному столу.

- Садимся. Подписываем.

Лорд-канцлер обмяк так же внезапно, как выхватил клинки пятью минутами раньше. Сел, подперев голову руками, стал послушно читать документы, пытаясь вникнуть. Вскоре, однако, он бросил это занятие и последние листы подписал уже не глядя. Глухо сказал куда-то в пространство.

- Глупый ты мальчик, лорд Хетти. Заладил, как ярмарочный зазывала: трансформировал четырех деле... трансформировал четырех деле... не думал о чувствах четырех деле... Знаешь ли ты, что это значит: трансформировать четырех? Не знаешь. И не догадываешься. И не дай тебе пресвятая Лулулла. Я ведь любил мать Сида, Хетти, очень любил. Знаешь, сколько раз я был за ширмами при ее жизни? Ни одного. У меня вся спина была исхлестана королевской плетью, на меня пальцами показывали при дворе, когда я выходил от королевы с кровоподтеками на лице. Я говорил «нет» королеве Аккалата, лорд Хетти. Ты когда-нибудь говорил ей «нет»? Ну-ка вспомни. А после смерти Дейаны... знаешь, сколько раз я был за ширмами *после* ее смерти? Я не вылезал оттуда, ублажал капризных девчонок, валялся с ними в кровати, выделял все, что они хотели, лишь бы они все оставались там – за ширмами. Лишь бы не брать ни одну из них себе в жены. Место матери Сида было для меня священо.

Хетти взял со стола подписанные бумаги и вышел.

30 декабря 1504 года - 24 марта 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Глава 12. Последние новости

Лорд Дар-Халем!

Пишу, чтобы сообщить Вам последние новости. Королева в гневе. Привезенные в столицу из дариата Кауда мятежники, возглавляемые Вашей сестрицей и ее малодосточтимым мужем лордом Рейвеном, проявили невиданную дерзость, позволив себе умереть под пытками раньше, чем Ее Величество получила достаточное наслаждение. Возможно, в этом есть и доля моей вины: я не учел, что спины и кости даров Умбрена, которые были моими подопечными в последнее время, гораздо крепче, чем дух и плоть древнейшего рода, и позволил себе увлечься в самом начале процедуры. В результате Ваша беременная сестра и ее муж скончались практически мгновенно. Чуть дольше продержались их домочадцы и прочие родственники, к пытке которых я не имел возможности приложить руку лично. Ее Величество выразила мне свое недовольство и сочла нужным сообщить, что единственное, что может ее утешить, это Ваша быстрая победа над кимнами и возвращение в столицу для дальнейшего исполнения ее поручений. Она твердо убеждена, что Вы – единственный из верховных даров, кто остался ей верным, и намерена приблизить Вас к трону, где Вы займете приличествующее место, потеснив даже Вашего покорного слугу,

пока еще лорд-канцлера Аккалабата,

Корво Дар-Эсия.

P.S. Боюсь, что если завтра Ее Величество вспомнит о существовании малолетнего сына лорда Рейвена и леди Эллы и захочет занять себя и меня истязанием этого несчастного существа, являющегося в настоящий момент последним представителем рода Кауда, мальчик тоже не продержится долго. Я совсем разучился пытать, милорд, все у меня мрут, как мухи. Тем важнее Ваше скорейшее появление в столице в ранге спасителя отечества и короны.

Хвала королеве!

Дворец Дар-Аккала, 30 декабря 1503 года

...

Халем. Умбрен. Кауда. Обезглавленные дариаты, обескровленная армия, выжженная земля и с корнем выкорчеванная из сердец надежда, что все это когда-нибудь кончится. Хетти с усилием вогнал мечи в твердую землю, вытащил, отправил обратно в ножны. Ему – с детских лет с благоговением относившемуся к оружию – в страшном сне не могло привидеться, что кровь и сажу с мечей он будет счищать только так. День ото дня, неделя за неделей. Когда он последний раз нормально занимался своими клинками, главнокомандующий Аккалабата уже и не помнил. Он только с каждым днем ощущал, что они становятся все тяжелее, что, сохраняя прежнюю твердость удара, он тратит гораздо больше сил, чем прежде, на замах, на финальный рывок, которым вытаскиваются мечи из разрубленного пополам тела или искореженного конского доспеха. Движения становились все более рациональными, повороты все более скупыми, рисунок атак все более экономным и четким. Хетти уже не сражался, не фехтовал, да и боем на мечях то, что выделял он на поле боя, назвать уже было нельзя. Это было убийство на мечях – эффективное,

30 декабря 1504 года - 24 марта 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

дошедшее до высшей степени автоматизма, которую позволяла кровь Дар-Халемов. Автоматизма, внушавшего ужас не только чужим, но и своим.

Уже давно не приходили в палатку Хетти старейшины кланов и командиры полевых отрядов. У них не было сил спорить и смелости обсуждать приказы. Давно не приходилось повышать ни на кого голос. Хетти писал, нарочные относили, армия Аккалабата беспрекословно исполняла распоряжения своего маршала. Кимны отступали. Не разжимая кольца. И каждый мальчишка (а их все больше мелькало у боевых костров, и это заставляло Хетти болезненно сжимать зубы, когда он, стараясь смотреть только прямо перед собой, проходил мимо) знал, что дары теснят противника на собственные земли, выжимают с владений короны в свои дариаты, к стенам родовых замков, защищать которые остались совсем уже старики да малые дети. Аккалабам впервые за много сотен лет приходилось воевать на своей территории не брат на брата, когда можно было брать пленных, жечь замки, рубить руки и головы по законам, общим для обеих противоборствующих сторон и даже попираемым ими в соответствии с некими негласными установлениями. Впервые на территории Империи хозяйничал враг, не желавший иметь ничего общего с дарами Аккалабата, ни в грош не ставивший все их представления о ведении войны и сознательно втоптывавший в грязь все, что было у них ценного и дорогого.

Кимназ, отказавшийся подчиняться власти Хаяроса практически сразу же после смерти святой Лулуллы, Кимназ, где веками скрывались от королевского гнева все недовольные, куда уходили с семьями и вассалами лорды, лишённые замков и дариатов, Кимназ, давно уже нависавший темной тучей на восточных границах Империи и издавек грозивший ей гигантскими кострами на меловых скалах, жерлами подземных огнеметов и темно-серыми флагами с багровым крестом, развевавшимися над приграничными бастионами, вдруг оказался в самом центре Аккалабата. Кимназ без спросу хозяйничал в маленьких и больших городах, Кимназ бормотал на своем гортанном наречии на ярмарочных площадях и в тавернах, Кимназ вытаскивал из-за пояса тяжелый кинжал в ответ на косые взгляды и перешептывания за спиной. Обтекая, как упорные мели, хорошо укрепленные замки, Кимназ захлестнул Аккалабат словно взбесившийся Эль-Эсиль в недобрый слове поминаемое половодье триста пятьдесят пятого года со дня прихода святой Лулуллы.

Станным выглядело все. И то, как медленно, подобно инвалиду, с трудом вставшему с кресла и усилием воли преодолевающему каждый шаг, продвигалась вперед армия Аккалабата, казалось бы, напрасно теряя время и силы. И то, что ни в стратегии ни в тактике маршала Аккалабата не чувствовалось ни изобретательности, ни гибкости, ни уверенности: Хетти не ударял с тыла, не организовывал вылазок, он просто, осознавая скудость своих сил и щадя то, что осталось теперь от прежде победоносного войска, тупо давил по всему периметру, отодвигая противника все дальше и дальше от стен столицы. Странно было и то, что никто – ни вдвое больше времени, чем Хетти, проведенный на полях сражений лорд Дар-Пассер, ни вечно всем недовольные сеньоры клана Акила, ни слушающие и исполняющие волю святой Лулуллы под сводами ее храма дары Фалько – не возражал и не возмущался. Все было странно, а то, что никто

30 декабря 1504 года - 24 марта 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

не удивлялся этой странности, свидетельствовало об одном: усталость, копившаяся в душах мечников Аккалабата, дошла до предела.

Бороться с усталостью мешал страх, поселившийся даже в самых мужественных сердцах в день, когда Альти Дар-Пассер, которого с тех пор не именовали иначе, как горевестным Даром без Имени, принес главнокомандующему Дар-Халему весть о нападении кимнов. Страшно было от того, что Дар-Халем в армии остался один, что оголены были фланги, на которых прежде всегда щетинились надежные мечи клана Умбра, что черный с изумрудными глазами лев Дар-Кауда на крапчатом фоне не реял над самым большим костровищем. Пехота итано редела на глазах, ряды конницы тейо таяли с устрашающей быстротой. И все меньше становилось отцов семейства, которые на жадный вопрос знакомых из другого клана: «А твой младший? Он еще в замке?», кивали сдержанно и уходили, провожаемые завистливыми или горькими взглядами.

Хетти знал все, но делал вид, что не замечал ничего. Письма из Хаяроса рвал, не читая. Преданный Альти, которому сама судьба вручила пост горевестника, метался между лагерем и столицей, приносил лорд-канцлерские депеши, тут же отправлявшиеся в мусорную корзину, и относил донесения Хетти, состоявшие из двух-трех строчек и всегда одного и того же постскриптума. На недоуменные взгляды Альти, сопровождавшие очередную партию бумажных клочков с лорд-канцлерской печатью, Хетти отвечал с мрачной яростью: «Что смотришь? Яд это! Всё яд! Яд. Отравить они хотят главнокомандующего Аккалабата». В качестве противоядия, вышвырнув очередное послание от лорда Дар-Эсила, он доставал письмо двухмесячной давности и мусолил глазами строчки, сообщающие о смерти Эллы и Рейвена. После этого он снова мог командовать. Никто, даже Альти, не знал, что каждый вечер Хетти молится королеве Лулулле за здоровье лорд-канцлера. Если бы тот перестал присылать «яд», Хетти давно уже подписал бы акт о капитуляции. О том, что когда-то Хетти надеялся прорвать кольцо нападающих первым же ударом, ему вспоминать не хотелось. И он был благодарен за то, что никто ему об этом не напоминал.

Кончилось все быстро и невероятно. Невероятно быстро с приходом весны завершилась мучительная военная кампания. Вместо послания от лорд-канцлера явился он сам, собственной персоной, сопровождаемый то ли дарами, то ли тейо в орадах такого кричащего зеленого цвета, что Альти Дар-Пассер сам слегка позеленел, провожая их в палатку главнокомандующего. Через полчаса в лагере было объявлено о мирном договоре с Виридисом, по которому Аккалат уступал южным соседям часть земель, «освобожденных» участниками и споспешниками умбренского мятежа (другая часть этих земель отходила короне), в обмен на военную помощь в борьбе с кимнами. Вириды должны были ударить в тыл противнику по заранее согласованному плану.

Прежде чем огласить текст договора, предусмотрительный лорд-канцлер скинул орад и держал в напряжении крылья, ибо Хетти не удалось (да не очень он и старался) убедить его, что из рядов не полетят в ответ кинжалы и дротики. Никакой реакции не последовало из рядов. Ни возмущения (а ведь не худшие земли отдавались виридам – не только горные края Умбрена с полуразрушенным

30 декабря 1504 года - 24 марта 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

замком Хару Дар-Умбра получали они, но и плодородные уголья Дар-Кауда с их нетронутыми, хотя обезлюдившими твердынями), ни упрека в том, что королева больше не надеется на своих верных подданных и зовет на помощь их заклятых врагов, ни подозрения в государственной измене, ни недоверия, ни гневной отповеди (да мы сами этих врагов перчатками закидаем!) не услышал лорд-канцлер. Измученные и отчаявшиеся мальчишки, стоя за спинами своих отцов и старших братьев, еще более отчаявшихся и изможденных, выслушали его молча, отсалютовали мечами маршалу Дар-Халему, выкрикнувшему приказ строиться к атаке согласно диспозиции, полученной командирами накануне, и разошлись.

- Хетти? – лорд-канцлер почему-то впервые вспомнил о том, что главнокомандующий Аккалабата – его зять. Добавил теплоты в вопросительную интонацию.

- Ну вот... как-то так, - вымученно улыбнулся Хетти. – Ты не волнуйся. Они уже не способны спорить и сопротивляться. Куда скажешь – туда и пойдут. Я укатал их за эти три месяца, как сивку крутые горки. Совершенно безвольная армия. Армия призраков.

Он впервые говорил лорд-канцлеру «ты». От облегчения. От того, что почти уже сработал план, который они не просто не составили вместе – даже не обсуждали (никто из них не решился вслух произнести такое: втайне договариваться с виридами, «укатывая» при этом аккалабатскую армию до такого состояния, чтобы даже самые гордые и самолюбивые, а также подозрительные и сварливые, не вздумали возмутиться против предложенного договора).

- Сколько это займет времени? – лорд Дар-Эсиль, пожившись, начал заворачиваться в орад: весна обещала быть ранней, но проснувшийся от зимней спячки ветер еще обжигал плечи и заставлял дыхание курчавиться белыми спиралями под ноздрями.

- Вириды пришли все, как договаривались?

Лорд-канцлер кивнул. Самодовольная ухмылка на миг тронула его губы.

- Прибежали. Примчались. Прилетели. Все до единого. Ты прав был, Хетти, у них населения больше, чем земли. Они на головах там живут друг у друга. Видел бы ты, что называется у них «дариатом»...

- Я видел.

- В общем, одна мысль о том, что они получают владения Кауда, вскружила им головы.

- Хорошо. Очень хорошо. А наших ты сколько привел?

- Как ты и просил. Увел от границы всех, чтобы вириды видели. Здесь сейчас третья часть. Остальные вернутся на юг сегодня же вечером.

- Нет, я передумал. На юг я пошлю тех, кто у меня сейчас здесь. Альти! Где ты, демон тебя забери?

Как всегда, извиняющимся тоном:

- Я привел лошадей.

- А, молодец. Приведи теперь мне старших даров Умбрена. Всех троих, кто остался в живых.

Глядя в спину удаляющемуся Альти, Хетти задумчиво повторил:

30 декабря 1504 года - 24 марта 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Всех троих старших даров Умбрена... Ты думал, что когда-нибудь мы будем так говорить? Ты представляешь, сколько сейчас в Умбрене даров и тейо, способных поднять мечи?

Лорд-канцлер не ответил. Он смотрел на Хетти так, что... и одобрение, и осуждение были в этом взгляде. И какое-то радостное презрение, что ли.

- Ага. Теперь и ты понял, - Хетти вернул взгляд. Почти что зеркально.

- Лорд Дар-Халем, Вы же не собираетесь...!

- Пока Альти нет, честно, как на духу, скажу тебе: собираюсь. Прикрыть границу с Виридисом дарами Умбры, пока наши союзники в ядовито-зеленых орадах будут торжествовать на развалинах замка Хару и делить приписанные к нему утесы и скалы. А потом дам Дар-Умбрам карт-бланш. Закрою глаза. Умою руки. Пусть делают, что хотят. Помотавшись годок на границе с Виридисом, они только злее станут. Изучат получше предполагаемого противника. И когда, вернувшись, застанут его у себя на родовых землях, то полетят клочки по закоулочкам. И никакой мирный договор не помеха!

- Хетти! – простонал лорд Дар-Эсиль. – Ты не мог это сам придумать! Ты Дар-Халем!

- Я не сам, - неожиданно тихо сказал Хетти. Смотрел он при этом не на лорд-канцлера, а на приближающихся даров Умбрена: они шли медленно, видно было, как двое поддерживают третьего, явно припадающего на левую ногу.

- Это Сид. Сидана. Конечно, мы не были уверены, что Кимназ нападет. План был на случай, если мы не будем справляться с Виридисом. Уже стало ясно, что замку Хару суждено быть разрушенным. А Сид... Сидана... она всегда думала об Аккалабате, она хотела, чтобы нам здесь жилось спокойно, после того как они уйдут. Он прилетел как-то ко мне в лагерь... и предложил. Мы разные варианты рассматривали, не только этот, не беспокойтесь.

- Мы на «ты», - лорд-канцлер так же внимательно рассматривал даров Умбрена, которые уже начали вскарабкиваться на холм, где стояли они с Хетти.

- Угу. В общем, дать клану Умбра накопить силы и столкнуть их с виридами, которые за год-другой все равно не освоятся на горных территориях. С одной стороны, возвращение дариата Хару семейству Умбра будет тогда выглядеть закономерным: королева носа не подточит. С другой – Умбры же, они, сам знаешь какие, их надо направлять в нужное русло, иначе толку не будет. Пусть воюют с виридами, а не с Хаяросом. С третьей – даже если бы Кимназ не начал проявлять себя так активно...

- Проявлять активно... - лорд-канцлер сам себе удивлялся: вид Хетти, разглагольствующего в их фирменном дарэсильском стиле, воодушевлял его больше, чем сам факт подписания мирного договора с Виридисом и перспектива решения кимназской проблемы. Старшие дары Умбры наконец добрались до границы зоны слышимости и почтительно остановились. Хетти сделал им знак подождать.

- Вот видишь, какие они... - с неожиданной тоской в голосе повторил он. – Пассеры бы полезли сразу к нам на холм, не задумываясь, нужно ли им слушать то, что сейчас обсуждается. А Акилы прям-таки из штанов бы выскочили, чтобы услышать нечто, не предназначенное для их свинячих

30 декабря 1504 года - 24 марта 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

ушей. Короче, с какой стороны ни возьми, получается, что воевать на два фронта, растеряв большую часть армии – убитыми и ранеными в Умбрене, ушедшими за горную цепь вместе с Койей, запершимися в своих замках в знак протеста или из страха перед расправой королевы...

Но лорд-канцлер уже не слышал. Забыв про даров Умбрена, топчущихся чуть ниже на склоне, про все на свете забыв, хотел выкрикнуть – не получилось, выхрипнул вдруг переставшим слушаться голосом:

- С Койей? Так ты не убил ее? Она жива?

Вцепился, как кузнечными клещами, зябкими стариковскими пальцами в Хетти, у самых ключиц, надавил больно. Хетти на миг оторопел, увидев в нескольких сантиметрах глаза лорд-канцлера – крошечные зрачки в белом холоде призрачного тумана, ледяные тени эсильских болот...

- Пусти. Я убил ее. И извини. Вырвалось. Не надо было при тебе так говорить...

Зажмурился, не хотел смотреть больше на морщины, выщербленные горем на этом прежде каменно-неподвижном лице. Пробормотал торопливо:

- Они ведь ушли, потому что она так хотела. Из-за нее. Из-за того, что она мечтала, будут дары, которые станут жить без королевы, и...

- Замолчи, Хетти. Иначе я сейчас тебя задушю. На глазах у всей армии.

- Это вряд ли, - раздался из-за спины рассудительный голос Альти. Он, похоже, впервые не извинялся. Меч он держал ровно над макушкой лорд-канцлера и угрожающе им покачивал.

- Лорд Дар-Пассер, Вы забываетесь!

- Альти, приземляйся. Дурачки выглядишь в такой позе.

Уж неизвестно, что больше подействовало на Альти – тайфун ярости, полыхнувшей от лорд-канцлера, или спокойное дружелюбие слов Хетти, но на землю его как сдуло. Сложил крылья, встал насупленный поодаль.

- Лорд Дар-Эсиль, мы исчерпали эту тему, - Хетти повернулся к дарам Умбрена, которые недоуменно следили за сценой, но не трогались с места, и сделал им знак приблизиться. – Койя мертва, и прах ее лежит там, где ни Вы, ни кто-либо из подданных Ее Величества королевы не сможет до него добраться. Она достаточно унижений перенесла при жизни.

- Как ты можешь думать, что я допущу! – лорд-канцлер задохнулся, как от резкого удара под ребра.

- Тихо. Не при нем, - мотнул Хетти головой в сторону молодого лорда Пассера. Тот в стороне с энтузиазмом шурился на выползшее наконец из-за туч солнце.

- Лорды Умбрена, я хотел бы перемолвиться с вами парой слов, прежде чем мы выступим сегодня. Прошу в мою палатку.

Отступив в сторону, лорд-канцлер провожал взглядом двадцатилетнего главнокомандующего Аккалбата, за которым почтительно следовали старшие дары Умбрена – широкоплечие, с чуть тронутыми сединой нечесаными копнами темных волос – все, как один, похожие на ненавистного Хару Дар-Умбра... неумелого, неуклюжего Хару, который не смог, не защитил, не сберег...

30 декабря 1504 года - 24 марта 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Тема не исчерпана, Хетти. Ни для меня, ни для тебя, ни для Аккалабата. Но это потом. Сейчас кимнам придется испытать на себе, как осуществляются планы главнокомандующего аккалатской армией, когда у него достаточно сил для реализации этих планов. В том, что вириды и наше подкрепление ударят согласованно там и тогда, где и когда это нужно, сомнения нет. Значит, как и говорил Хетти, времени до нашей победы осталось «нисколько». А потом... потом... (лорд-канцлер Аккалабата хлестнул себя крыльями по бокам и с тоской взглянул в светяющееся небо) надо как следует вычесать нашего маршала. Не знаю уж, кто был с ним в последнем альцеде, но перья выглядят безобразно. Мальчишка!

Лорд Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата

- Не ври мне! Не смей мне врать! – королева визжит как резаная. На столике уже не осталось ни одного предмета, который она бы не попыталась сломать о склоненную перед ней спину лорд-канцлера. «Скоро она начнет отрывать столбики, поддерживающие балдахин над креслом... - прогнозирует он. – Первым она разможит мне голову, вторым... хотя какая уже разница!»

- Они не могли сдохнуть так быстро!

- Но ведь сдохли... - глубокомысленно вставляет Дар-Фалько, присутствующий при экзекуции в малом тронном зале, но пропустивший (чем он, несомненно, гордится, сволочь) пытку мятежников в подземельях Дар-Аккала.

Дай мне сил, пресвятая Лулулла!

- Они не должны были сдохнуть так быстро!

- А вот это уже вопрос к лорд-канцлеру Дар-Эсилью, - Дар-Фалько изо всех сил исполняет роль хранителя храма святой Лулуллы и пытается выглядеть сановито. - Эсиль, почему они сдохли так быстро? Твоя свояченица и ее муж.

- Ваше Величество, я уже объяснил Вам, я не виноват. Я повторяю, леди Элла всегда отличалась слабым здоровьем. К тому же она была в положении. А о чувствительности древнейших родов нечего и говорить. Да никто никогда и не пытал даров Кауда! Откуда я мог знать?!!!

- Ты должен был знать! Я должна была услышать, как они будут визжать, когда палач потащит из них внутренности, прогнившие от неверности их королеве! Я должна была видеть, как они будут корчиться на решетке, когда огонь вытопит из них жир вместе с мерзостными изменническими мыслишками! Я должна была почувствовать их страх, их боль, каждую их конвульсию! Они не посмели бы сдохнуть, если бы ты им не помог!

- Ты, что, совсем не ублажил свою королеву? – ленивый мозг дара Фалько наконец заработал, и он захотел прояснить ситуацию. – Они действительно окочурились сразу - на дыбе? Это не дело.

Весь его вид выражает искреннее осуждение, даже заплывшая жиром морда сморщена в раздраженной гримасе. Он очень сочувствует своей королеве. Еще бы, сначала мятеж, а потом вдруг – никакого удовлетворения.

- Я честно выполнял Ваши распоряжения, моя королева. Пыточный зал был подготовлен наилучшим образом. Я сам все проверил и проинструктировал палачей. Не моя вина...

30 декабря 1504 года - 24 марта 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- А зачем ты к ним подходил? Зачем ты подходил к ней, когда ее начали растягивать и она так славно завывала?

- Я выполнял Ваше распоряжение, Ваше Величество. (*Демон Чахи, хоть ты дай мне силы!*) Оба палача были заняты дыбой. А Вы сказали... Вы же помните, что Вы это сказали? «Я хочу, чтобы ее грязную утробу вывернули наизнанку... чтобы вся пакость вышла наружу». Я взял расширитель, и не успел приблизиться...

Успел. Я все успел. Я знал, что ты потребуешь расширитель, убийца на троне. Не знал только, куда ты захочешь, чтобы ей его вставили. Поэтому оба положил на стол с принадлежностями в головах жертвы. Когда я пошел за этой железной штукой, мне хватило секунды, чтобы загородить от тебя Эллу орадом и нажать на «эти точки» на шее. Она так благодарно взглянула на меня, девочка. С Рейвеном было проще, ты потребовала «заткнуть его поганый рот». Он все понял, он видел, что было с Эллой. Я предусмотрительно выдержал две минуты, чтобы не было ощущения, что он умер, как только я подошел. Ты не подкопаешься ко мне, все было чисто. И палачи подтвердят – им тоже жить хочется. Они догадались без слов – ни один из даров Кауда не выдержал пытки дольше десяти минут. Трупы не успевали выносить. Да когда же ты устанешь визжать и крушить дворцовую мебель?!!

- Мальчишка! Где их треклятый мальчишка?

Я не надеялся, что она забудет. Я обещал Рейвену, глазами пообещал, когда он попросил меня – тоже глазами. Сына у них отняли сразу же – в замке. Они не сопротивлялись - сочли ниже достоинства даров Кауда препятствовать выполнению распоряжения королевы. Не думаю, что Рейвен хоть на секунду верил, что к ней вернется благоразумие. Мне не забыть, как на пороге он усмехнулся: «Надо же, Дар-Эсиль, что могут сделать с одной Империей три сумасшедшие женщины». Жену свою, надо полагать, он не считал. Элла была тихая сумасшедшая, да встретит ее у престола святая Лулулла. А вот Сола, и Койя, и эта, на троне... Плохи дела. Я задумался и прослушал, что она визжала про Креча. Зато Дар-Фалько, похоже, полностью в теме.

- Но Ваше Величество, мы же знаем нашего с Вами лорд-канцлера, он обязательно что-то придумает, и нам вряд ли удастся поймать его за руку.

- Я тоже неплохо подумала, лорд Дар-Фалько. Мой (а не наш с Вами) лорд-канцлер будет вести себя хорошо. Он ничего не придумает, чтобы маленький Креч умер раньше времени, правда, лорд-канцлер? Иначе, как я ни люблю Вашего сына, ему тоже придется умереть. А расставание будет так печально, он очень напоминает мне мать... Вы ведь не хотите снова огорчить свою королеву, лорд-канцлер?

- Боюсь, я не совсем понимаю, Ваше Величество.

Как-то не вовремя она успокоилась. Уселась на трон, игриво покачивает ножкой... Холодный пот у меня по спине.

30 декабря 1504 года - 24 марта 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Сейчас поймете. Поскольку мы не можем позволить Вам не ко времени умертвить маленького дара Кауда, содержащегося в наших и без того нездоровых подземных покоях, мы свяжем его жизнь с жизнью Вашего драгоценного сына. Вы ведь помните, что у Вас есть сын, лорд-канцлер?

- Да, Ваше Величество. Хотя Вы не разрешаете мне его видеть.

- А Вам и не надо. Прекрасно без этого обойдетесь. Важно, что он пока жив. Жив, пока жив мальчик Дар-Кауда. Если с последним что-то случится, то в пасть к демону Чахи – или куда там попадают изменники, во всяком случае не в чертоги прекрасной Лулуллы – вслед за ним отправится и Ваш отпрыск. Как я уже говорила, мне это было бы крайне печально, но что же делать. Мы иногда будем навещать маленького Дар-Кауда, напоминать ему о прегрешениях его родителей... И берегитесь, лорд Дар-Эсиль, чтобы во время этих напоминаний он не отправился вслед за папашей с мамашей. Это в Ваших же интересах.

- И в Ваших, моя королева.

Дар-Фалько, наверное, впервые в жизни так широко распахнул глаза. У него аж жировые складки на щеках и на подбородке заползли одна на другую. *Чтобы ты задохнулся, тварь! В храме святой Лулуллы значительно очистится воздух.*

- Что ты сказал?

- Я лишь осмелился напомнить Вам, Ваше Величество, что моя жизнь непрерывно стремится к престолу святой Лулуллы, а мой сын является единственным наследником линии лорд-канцлеров Аккалбата, они же дары Эсиля. Уничтожить сразу три...

- Ничего. Лорд-канцлером мы сделаем кого-то из Фалько. Политика нам не нужна – лорд Хетти отлично воюет. Или вот – мы отдадим ему лорд-канцлерскую печать в дополнение к маршалскому жезлу. По-моему, он прекрасно справится. А по-вашему, лорд Дар-Фалько?

- Ммм...

Неужели ее не остановит и то, что даже ленивый и льстивый Дар-Фалько не решается представить лорд-канцлерскую печать в чьих-то руках, кроме даров Эсиля?

- Что такое?

Судя по всему, толстяк совершил крупнейшую мыслительную операцию в своей жизни, и итог ее ему не понравился. Вон как покраснел и облизывает губы в ужасе от того, что собирается сейчас сказать.

- Ваше Величество, я лучше разбираюсь в молитвах святой Лулулле и способах изгнания демона Чахи, равно как и прочих исчадий его логова... но, смею заметить, если Вы позволите одно только слово...

- Не истощай свое красноречие понапрасну, Дар-Фалько, скажи это слово и ступай обратно к прекрасной Лулулле. Ты мне наскучил.

- Да, Ваше Величество,- не сводя глаз с королевы, Дар-Фалько, пыхтя и кланяясь, начинает удаляться от трона. Оценив расстояние, образовавшееся между ним и ее метательными орудиями, как безопасное для любого с мало-мальски подвижным внутренним временем, бурчит под нос:

30 декабря 1504 года - 24 марта 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Халемы, Умбра, Кауда. Если еще и Эсили... У меня получается четыре, Ваше Величество. Четыре старших дариата. Слишком много, чтобы разгромить их в течение одного царствования.

Королева отмахивается:

- Они сами виноваты. Сами себя уничтожили. Потому что не слушали и не слушались свою королеву. Иди, помолись за них пресвятой Лулулле. А мы с Дар-Эсилем продолжим. Я еще не уверена, что он меня понял.

- Я хорошо понял Вас, Ваше Величество. Малыш Креч останется в подземелье. Вы будете регулярно спускаться и проверять, на месте ли он. Поистязаете иногда в собственное удовольствие. Мой сын живет, пока живет Креч, поэтому в моих интересах поддерживать... простите, жизнью я это назвать не могу, существование последнего. Я могу идти? Ваш любимый главнокомандующий требует, чтобы я дипломатически обеспечивал его военную партию. Он, в отличие от моей королевы, не равнодушен к политическим ходам.

- Ступай-ступай, если Хетти ты нужен. И не сердись на меня, лорд Дар-Эсиль, если я подозреваю тебя напрасно. Уж очень мало вы в последнее время думаете о своей королеве. Вы – это все вы...

- Как можно, Ваше Величество! Мы неусыпно...

- Так неусыпно, что ты даже забываешь спросить, как зовут твоего сына.

- Вы же все равно мне не скажете.

- Почему? Хочешь, сегодня скажу? Прямо сейчас.

У лорд-канцлера подкашиваются ноги и кружится голова. Он улыбается – ему кажется, что почтительно и благодарно, как подобает изысканному царедворцу, удостоенному неслыханной милости, а на самом деле жалкой улыбкой нищеврода. Снова падает на колени, с которых только поднялся. Ждет. Минуту. Другую.

- Иди, Дар-Эсиль, иди, - благосклонно говорит королева. – Мой маршал заждался вестей от тебя. Напиши ему, что мы ждем победы.

Ему стоит огромных трудов сдерживаться, не разрыдаться, не броситься ей в ноги, чтобы пресмыкаться и умолять. Лорд-канцлер Аккалабата гордо выпрямляет спину, откидывает со лба белоснежные волосы, отвешивает изящный поклон...

Имя, произнесенное свистящим шепотом, настигает его у двери.

- Соль. Я назвала его Содем.

...

Лорд-канцлер с трудом разлепил глаза. Казалось, что этот сон – точный слепок с реальности - никогда его не покинет. С навязчивой неотступностью почти каждую ночь повторяясь, в нем не менялось ни слово, ни жест, ни движение, и каждый раз лорд-канцлера охватывало желание проснуться, не длить эту пытку, вмиг скинуть с себя дурмящий морок. Но он не позволял себе двинуться, терпел до последнего, потому что после жалящих, как змеи, воспоминаний, чистой водой проливалось на истомленную душу: «Соль. Я назвала его Содем». Это было единственное, что связывало верховного дара Эсиля с сыном, и никакая пытка, никакие мучения не могли бы

30 декабря 1504 года - 24 марта 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

заставить его разорвать эту тонкую ниточку. Время текло, он перепробовал все – шпионаж, подкуп, угрозы – но к сыну приблизиться не удавалось.

Иногда лорд-канцлера охватывало отчаяние – и он переставал надеяться, иногда жизнь возвращалась к нему и он с новым упорством начинал просить, добиваться и требовать у королевы. Хоть один взгляд. Хоть единственное свидание. Она была непреклонна. «Он жив, лорд Дар-Эсиль. Но я запрещаю Вам не то что вслух, про себя произносить его имя».

И чем больше мерк в его памяти облик Сида, тем активнее работало воображение, подстегиваемое ночным кошмаром. Часами, уставившись в одну точку, за столом, усыпанным бумагами, времени на которые у лорд-канцлера теперь не было, он пытался представить: какие у Соля глаза, волосы, крылья, как ходит он, как летает, на кого он похож... Иногда перед его мысленным взором возникала фигура, напоминающая ту, которую он привык видеть в зеркале, только уменьшенная, с такими же светлыми волосами и молочно-белой радужкой глаз. Иногда глаза у мальчика были черные, а волосы светлые, только не тонкие и волнистые, как у Дар-Эсильей, а пышные, тяжелые, как у Соля. В плохие, ненастные дни вызываемый образ был смутным, угадывались лишь очертания и даже цвет крыльев нельзя было определить.

В эти мечты уходил лорд-канцлер все дальше, не замечая, что все чаще захаживает в его кабинет лорд Дар-Халем, что-то спрашивает, не получая ответа, укоризненно трясет головой, разбирает бумаги на столе на две стопки: одну – поменьше – оставляет лорд-канцлеру, другую – в два раза ее превосходящую – забирает с собой. Однажды, все-таки перебрав оставшиеся после визита Хетти бумаги, лорд-канцлер протянул руку за печатью. Печати не оказалось. Наверное, лорд Дар-Халем прихватил ее вместе с бумагами. Прежде это вызвало бы бурю, но теперь лорд-канцлер не почувствовал ничего, кроме облегчения. Если у Хетти нет более серьезных дел, он может заняться государственными. Для лорда Дар-Эсилья же государственные дела стали лишь способом скоротать время до ночной встречи.

В ночи, когда навязчивый сон давал ему передышку, приходила Койя. Она не во сне приходила, но и не в реальности. В дремотном полузабытье, сковывавшем руки и ноги, позволявшем лишь наблюдать, как женская фигура в алом бархате, на котором – все время в разных местах – темнело расплывшееся пятно, входила через окно, усаживалась грациозно на подоконник, болтая ногами. Спрашивала: «Как Вы поживаете, мой лорд-канцлер?» Не дожидаясь ответа, начинала весело щебетать про Умбрэн, про детей леди Мейры и Китти, про то, как пару заблудившихся в горах тейо съел волк-оборотень... Корво старался не слушать, боялся узнать какой-то секрет и выболтать потом королеве. Койя сердилась, топала ножкой, обещала, что не придет теперь вовсе, если он будет таким букой. И исчезала с рассветным туманом, уступая место «Соль. Я назвала его Сольем». Покой наступил только во время альцедо, когда Хетти, удивляя себя и лорд-канцлера, не пропуская ни дня, вычесывал его щеткой и не жалел обезболивающих. Лорд-канцлер ненавидел этот покой.

2 мая 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

Хетти Дар-Халем

На том, чтобы вириды сменили ярко-зеленые облачения на черные аккалабатские орады, настоял Хетти. Он видеть не мог этих болотных лягушек – так объяснил лорд-канцлеру. И с таким условием согласился сопровождать нежеланных союзников в дариат Кауда – за обещанной и заслуженной ими наградой.

Они прилетели всем скопом, счастливые размахом своих новых владений и робкие от того, что ожидали подвоха. Не дождавшись, дали сигнал и потянулись телеги с их женами и маленькими детьми в сопровождении тейо и слуг-итано. Крестьян взять с собою было не разрешено (в дариате Кауда и так имелось кому обрабатывать землю), а мастеров в Виридесе не водилось. Жены и дети виридов глазели из-под приспущенных боковин на зеленеющие луга, уходящие за горизонт, на плодородные, только что поднятые весенними работами пашни, на богатые поселения, громко радовались, но песни пели тягучие, южные – о юном тейо, утопившемся от любви к благородной деле, о матери, у которой шестеро сыновей погибли на поле брани, об ураганном ветре, сбросившем с крепостной стены молодую вдову (у Хетти аж мороз пробирал по коже: он не понимал, как можно при детях петь про такую тоску зеленую).

В какой-то момент у Хетти возникло опасение, не начнутся ли ссоры между виридами при распределении дариатов. Он не успел подумать, как это сделать – все-таки Хетти был не Дар-Эсиль. На его счастье, выяснилось, что вириды крепко верят в судьбу, и дело было решено жребием. Невезучие легко покорились и отправились мерзнуть в Умбрен. Тех, кого жребий полюбил больше, Хетти распахал по северным дариатам Кауды (южные, как и предполагалось, отошли королеве). Теперь ему оставалось самолично проследить за освоением главной цитадели дариата Кауда – замка, принадлежавшего лорду Рейвену.

Хетти прибыл туда на рассвете серого дня, после дождя, лившего четверо суток. До альцедео ему оставалось меньше недели, поэтому он решил не рисковать и поехал верхом. Лошадь, норовистая каурая, была из последних его приобретений (он не мог удержаться и сразу после разгрома кимнов, вернувшись в столицу, заполнил конюшню лучшими скакунами, как будто Сидана была с ним и могла это оценить). По договоренности, он должен был встретить виридского дара, вытянувшего из шапки судьбы самый лакомый кусок, на поляне у реки, за которой начинался отлогий подъем к замку Рейвена. Там на поляне виридам следовало стоять лагерем и дожидаться его приезда, а без него в замок – ни-ни. Почему Хетти так строго требовал выполнения этих условий, он сам бы сказать не мог. Но согласились – и ладно.

В гости к Элле, когда она была жива, Хетти так и не попал, местность была незнакомой, ехать пришлось сквозь туман. Копыта чавкали по размытой дороге, лесное зверье все куда-то попряталось от несколько суток непрерывно хлеставшего ливня и вылезать не спешило. В общем, тишина и непроглядность были пугающие, нарушаемые только вялым чпок-чпок от лошадиных подков. В голову Хетти полезли невеселые мысли: к сестре родной не удосужился заглянуть, а вот теперь еду ввести чужаков в ее замок... скотина! Бессильный, ни на что не сгодившийся своим сестрам маленький братец! Лорд Дар-Халем – спаситель Аккалабата, любимый вельможа своей

2 мая 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

королевы, главнокомандующий, перед которым склонили головы даже старейшие дары! Бессмысленная скотина. Подонок. Мразь. Последние слова Хетти с чувством произнес вслух. И тут же услышал голоса чуть вдали, за деревьями. Там тоже хлюпали конские копыта – не одной, нескольких лошадей – и раздавались команды. Недовольный голос кричал:

- Оули, прижми внутреннюю ногу! Внешней ногой посылай! Внешней!

И детский ему отвечал, чуть не со слезами в голосе:

- Папа, она не хочет!

- Сразу на шаг и посылай ее снова, - снова рокотал мужской бас.

Хетти усмехнулся, вспомнив себя на плацу и рыжую кобылу Эджи, которую тот одолжил для первых тренировок младшему брату. Та тоже никогда «не хотела». Инстинктивно Хетти потер правый бок – тот, которым кобыла так и норовила приложить его к живой изгороди с шипами величиной с большой палец.

- Молодец, Оули! Умница!

Хетти выехал на поляну в тот самый момент, когда Оули, наконец, удалось справиться с лошастью и послать ее галопом. Прямо на Хетти, показавшегося из-за деревьев. Только что выполнивший одну труднейшую задачу парнишка, естественно, не мог переключиться на вовсе другую – управлять несущейся лошастью. О смене направления речи не шло, и даже грозная ругань отца, торопившегося с другой стороны поляны, не могла помешать маленькому наезднику выпустить повод из рук и соскользнуть... не в траву, а на руки Хетти. «Я на Ко с Китти в охапку похож. Выгляжу, наверное, идиотски», - констатировал лорд Дар-Халем, отпуская внутреннее время.

- Отцепись от меня, - рявкнул на парня. Смерил взглядом подбежавшего смуглого, еще смуглей, чем сам Хетти, мужчину. *Тейо. Совсем обнаглели.*

- Простите нас, господин. Мы думали поупражняться, пока все спят и можно взять свободную лошадь. Не ожидали, что она окажется такой бодрой, протащив груженую телегу досюда от наших границ.

- Наши в этом возрасте умеют скакать галопом, - Хетти не нравилось, что замок Эллы достанется этим... у которых сын тейо падает с лошади.

Тейо недоуменно воззрился на Хетти.

- Ваши? – переспросил он. – В этом возрасте? Разве у вас есть...?

Сглотнул, явно не решаясь продолжить.

- Мама говорила, что у них нет, - из-за спины тейо высунулась курчавая голова. – Она говорила, что девочкам-тейо в Аккалабате ничего не разрешают. Только рожать детей и прислуживать прекрасным деле. Мне так не нравится, я не хотела, чтоб мы сюда ехали.

- Помолчи, Оули! – прикрикнул отец. – Если бы мы сюда не приехали, ты бы по-прежнему спала в одной комнате со старшими братьями.

- Я ничего не имела против, - зловредно сообщила курчавая голова, ловко уклоняясь от ладони отца, промелькнувшей у нее над ухом.

2 мая 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Они имели. Простите, мой господин, чем я могу служить? - тейо вспомнил о существовании Хетти ровно в тот момент, когда тот перестал ловить ртом воздух и опять напустил на себя вид подобающе строгий. *Девочка-тейо! На лошади! У этих виридов, точно, ум за разум зашел от перенаселения.*

- Я лорд Дар-Халем, проводите меня к вашему дару.

Вот теперь все пошло по плану: тейо и его дочурка мигом поняли, кто перед ними, и опустились на одно колено. Быстро поймали бодрую лошадь и, испуганно переглядываясь и не заводя разговора, отвели Хетти туда, куда следовало.

Лорд Кохт, легкая рука которого вытянула для его семьи замок верховного дара Кауда, оказался куда моложе, чем Хетти предположил по количеству высыпавших из палаток и сгрудившихся возле отца детишек. Выполнив все этикетные выкрутасы, Хетти, который так и не смог уложить в голове, каким образом Кохт, бывший ему чуть не ровесником, ухитрился обзавестись столь многочисленным потомством, на третьей минуте разговора задал вопрос напрямую:

- Это все ваши дети, лорд Кохт?

Тот смутился.

- Нет, конечно же, не мои. Война с вами была долгой, лорд Дар-Халем, я потерял троих братьев. Нехорошо было оставлять их семьи без поддержки. Вам трудно понять...

- Нет, почему же. Я понимаю, что значит потерять троих братьев, - Хетти надеялся, что его голос звучит достаточно равнодушно. - Пойдемте, лорд Кохт, надеюсь, главная крепость Дар-Кауда Вас не разочарует.

Поскольку Хетти слегка легкомысленно разрешил сразу за лордом Кохтом войти в замок и всем остальным его домочадцам, толкового осмотра не получилось. То и дело они натыкались на носившуюся по коридорам с полуразвернутыми от дикого (дичайшего!) восторга крылышками малышню, а, заглянув под лестницу, обнаружили двух самозабвенно целовавшихся тейо, одним, точнее одной, из которых по неуверенному наблюдению Хетти могла быть Оули. Хотя темноволосых курчавых голов здесь было навалом.

Они высовывались из всех подряд дверей, перекликались, и было понятно, что в этот замок, который несколько месяцев назад навсегда покидали люди, сраженные горем, вновь пришло счастье. Хетти даже подумал, что дары Кауда – сдержанные, избалованные и циничные – вряд ли когда-нибудь могли так радоваться тому, что имели.

- Большой какой! – доносилось из парадного зала.

- Теперь у тебя будет своя комната, милый, - эту фразу, повторенную разными женскими голосами, Хетти услышал раз шесть.

- По-моему, я все-таки сделаю то, в чем я не был уверен, - пробормотал он себе под нос, поднимаясь в обществе лорда Кохта в фехтовальную комнату. Хетти назвал бы ее тренировочным залом, как и большинство других даров Аккалабата, но знал, что древние роды продолжали использовать старый термин и щегольнул им, чтобы посмотреть, какой будет реакция. Да и

2 мая 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

напоминать этим выскочкам, без роду без племени, какой дариат им достался, иногда не мешало.

К его удивлению, лорд Кохт, и глазом не моргнув, повторил:

- Да, прекрасно, в фехтовальную комнату.

- Мы называем ее тренировочным залом, - уточнил Хетти и чуть не споткнулся, потому что лорд Кохт переспросил:

- Как, простите?

И несколько раз повторив «тренировочный зал», «тренировочный зал», твердо сказал:

- Все-таки мне больше нравится по-нашему – «фехтовальная комната».

Ну что ж, хорошо, если в Элджином замке будут по-прежнему называть тренировочный зал фехтовальной комнатой. Чуть-чуть утешает.

Хетти толкнул тяжелую дверь.

- Эт-та еще что такое? Кто разрешил без спросу сюда заходить и брать в руки оружие? – это они с лордом Кохтом рывкнули хором. Еще один балл в пользу вириды.

Парни в зеленых безрукавках прижались к стене, но мечи из рук не выпустили.

«Пресвятая Лулулла! Конечно, я же велел им поменять только орады! Но уж про безрукавки сами могли догадаться...»

Хетти обвел взглядом стены. При таком арсенале, имея хорошо обученных тейо (а иных не предполагалось в дариате Кауда) и полные подвалы провизии, Рейвен мог год защищаться от той жалкой кучки дворцовых гвардейцев, которая была послана его арестовывать. Глупая гордость Дар-Кауда! Правова королевы! Взоры в одну с нею сторону! Свой взор бы и обращал, при чем здесь Элла и дети!

Хетти не мог заметить, как изменилось его лицо, но почувствовал, что в зале стихло. Даже лорд Кохт, секунду назад самозабвенно рычавший на вяло оправдывавшихся парней, замолк и смотрел опасно.

- Что, нехорошее у меня бывает лицо, лорд Кохт? – усмехнулся Хетти. – Не бойтесь, просто плохие воспоминания. И зря мы кричим на лягушат, они впервые добрались до такого оружия и смогли его оценить – что ж тут такого?

Ощутимый вздох облегчения пронесся по залу, вириды заулыбались. На "лягушат" они не обиделись.

- Знаете, что, лорд Кохт, - продолжил Хетти, усаживаясь на скамью в углу зала. – Вы идите. Посмотрите сами замок, поговорите с супругой, распорядитесь, кстати, насчет обеда. А я тут прослежу. Чтобы они руки-ноги друг другу не поотрезали.

Лорд Кохт посмотрел исподлобья и не двинулся с места: перспектива оставить своих молодых мечников в компании верховного дара Халема ему, очевидно, не нравилась.

- Лорд Кохт, - укоризненно произнес Хетти, отстегнул мечи, бросил их под скамью, затолкал ногами поглубже (никогда в жизни так не делал и любого другого бы за такое убил на месте!) и заложил руки за голову. – Дорогой мой лорд Кохт!

- Что?

2 мая 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Ничего. Идите. Это приказ. А я здесь понаблюдаю.

И понаблюдал, иногда окриком поправляя или парой слов подсказывая прием или позицию, подзывая самых бестолковых, кто никак не мог выбрать хват для заковыристой гарды фамильных мечей Дар-Кауда, показывая, как правильно держать клинки из голубой стали, легкие – какими они не могли и не должны были быть при такой длине. Но это было не главное. Из двух военных кампаний против Виридиса, в которых ему довелось участвовать, и изгнания кимнов, в котором они с виридами сражались бок о бок, Хетти вынес представление о слабеньком внутреннем времени виридов. Сейчас ему нужно было прикинуть, как это дело улучшить и следует ли улучшать. Выяснилось, что не так уж и безнадежны были временные потоки у молодых родственников лорда Кохта, просто даже те виридские мечники, кто казался Хетти ровесником, а то и постарше, не умели ими толком пользоваться. «Пожалуй, нужно их подучить, а то на первом же турнире, где они выйдут один на один против Дар-Пасеров или Дар-Акила, от этих «зелененьких» один пух и перья останутся», - резюмировал Хетти.

Когда Кохт самолично явился, чтоб пригласить его в обеденную залу, оба дара – и начинавший вживаться в роль хозяина, и уставший от этой роли – выглядели довольными. Кохт – тем, что Хетти-таки никого не убил, о чем жена Кохта Энда без перерыва молилась святой Лулулле, вместо того чтобы руководить приготовлением пищи и хоть мало-мальским украшением зала. Хетти – тем, что виридские мечники не стали скрывать от старшего дара тот восторг, в который их привели уроки, ненавязчиво преподанные Хетти, и то уважение, которое любой хоть немного смыслящий в мечном бое начинал испытывать, раз столкнувшись с маршалом Аккалабата в тренировочном зале. Двое мальчишек лет двенадцати, очевидно, сыновья старших братьев Кохта, даже исхитрились ухватить дядюшку за рукав, когда он пропуская в дверь высокого гостя и проорать ему в оба уха торжественным шепотом:

- Мы теперь сможем фехтовать на турнирах! С аккалабами! Мы поедem в Хаярос! Там, где мраморный песок и королева!

Мраморный песок и королева... Хетти бодро сбежал по лестнице. Сегодня он решительно не желал размышлять на тему «Аккалабат – это она или мы?» Аккалабат – это Аккалабат.

...

В обеденном зале Хетти позволил себе слегка улыбнуться и благосклонно кивнуть в ответ на приветственное слово хозяйки. Сел по ее левую руку, уступив мужу место по правую, похвалил незатейливое угощение, хотя на его вкус вириды пересаливали и передерживали на огне мясо. Видно было, что повар старался – по своему разумению или по приказу хозяина – угодить: посолено и прожарено все-таки было меньше, чем обычно в Виридисе. Кое-кто из молодежи даже скорчил недовольную мину, подковырнув свой кусок кинжалом. Но в целом аппетит у виридской семейки был отменный. Что же – кто хорошо ест, тот хорошо и сражается.

Хетти отер с подбородка брызнувший сок. Обед шел к концу, день – к вечеру, ночевать в замке он не собирался. Лорд Кохт, видя, что Хетти отодвинул стул от стола и начал подтягивать сапоги,

2 мая 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

встал с бокалом вина в руке. Брызнули и разбежались по стенам красноватые искры – садящееся солнце осеняло замок Кауда своим последним на сегодня приветом.

- Лорд Дар-Халем, позвольте еще раз поблагодарить Вас. Мы никогда не были так счастливы, как войдя сегодня под этот кров, да благословит его пресвятая Лулулла. Нашим домом становится отныне не только этот замок, но и весь Аккалабат. Мы пока не имели возможности принести клятву Ее Величеству, но хотим заверить Вас – верховного маршала Аккалабата, что верность наша будет безграничной и в нашем лице Империя обретает не менее преданных слуг, чем те, чьи предки служат Хаяросу веками.

Все вириды поднялись за старшим даром, мечи плашмя, как и положено, легли на столы, бокалы, из которых пили когда-то на свадьбе Рейвена Дар-Кауда и Эллы Дар-Халем, ударились друг о друга. Хетти тоже выпрямился во весь рост – встал торжественный и спокойный. Коротко сказал:

- Я принимаю.

Выпил залпом, не чокаясь, не снимая мечей.

Я принимаю. Формула королевы, но здесь ее нет. Кто донесет ей об этой мальчишеской шалости лорда Халема?

Повинуясь знаку хозяина, все стали расходиться. Хетти, разглядывая старых и молодых, покидавших зал, заметил у дальнего края стола знакомую кучерявую шевелюру, из под которой смотрели на него два сверкающих глаза. Шутя, салютнул ей пустым бокалом. Оули вспыхнула, сгребла со стола какую-то утварь и, прижимая ее к груди, со всех ног пустилась на кухню.

- Глазищи у этой девчухи. Как у черного льва Дар-Кауда, - пробормотал он, ни к кому не обращаясь. Но хозяйка услышала. Дернула за рукав мужа, отвлекшегося на разговор с сыновьями, шепнула ему на ухо. Кохт осторожно откашлялся.

- Лорд Дар-Халем, я понимаю, что одной из причин, по которым Вы не хотите ночевать в замке, являются воспоминания. Мне говорили, что Ваша сестра...

- Я первый раз в этом замке, лорд Кохт, - перебил его Хетти. – Если я так уверенно вожу Вас по его коридорам, то это лишь потому, что я Дар-Халем. Нет ни одной сколько-нибудь существенной крепости на Аккалабате, план захвата которой меня не заставили бы вычертить в детстве. Оставим мои воспоминания в стороне, - уже мягче прибавил он, видя, как щеки леди Энды залились багровым румянцем, а на лице появилось жалобное выражение.

- Во всяком случае, не беспокойтесь. Из наследства черных львов с изумрудными глазами мы претендуем только на стены, а не на знаки отличия. К Вашему следующему приезду все эти штандарты и гербы, - лорд Кохт мотнул головой по сторонам, – будут уже с почтением сняты и отправлены в сокровищницу Дар-Аккала. Мы попробуем сами сковать славу для своего негромкого рода.

- Вот уж не надо.

Хетти подумал эти слова посреди речи Кохта, а произнес в конце, не желая перебивать. Вышло невежливо. Хозяин и хозяйка, не ожидавшие такой резкости от верховного дара Халема, воззрились на него в недоумении.

2 мая 1505 года со дня пришествия королевы Лулуллы

- Я хотел сказать, что гербы и знамена трогать не надо. Будет даже лучше, моя госпожа, - он почтительно наклонил голову по направлению леди Энды, - если за ними слегка поухаживают. Обновят шитье и бахрому, вычистят пыль – ну, Вы знаете лучше меня. Этот замок был и остается замком Дар-Кауда, равно как и принадлежащий к нему дариат. В отличие от меньших замков и дариатов в северной части земель, ранее тоже принадлежавших этому славному роду. Тех, где уже поселились остальные Ваши соотечественники. Ваш статус существенно отличается...

Глаза леди Энды расширились. Казалось, она сейчас расплачется от разочарования. Новый дом, оказавшийся еще лучше, чем грезившийся ей в мечтах, «остается замком Дар-Кауда». «А кто тогда мы? А зачем мы здесь и насколько?» – эти вопросы явственно читались на полноватом веснушчатом лице. Щеки у леди Энды снова начали полыхать, как пять минут назад, только на этот раз не смущение окрасило их, а беспокойство. Лорд Кохт решительно отодвинул жену от Хетти. Стараясь не выказать неуверенности, резко спросил:

- В чем подвох?

- Нет подвоха. Живите. Турниры на мраморном песке Хаяроса я вам обещаю. Армии Аккалабата будут нужны новые воины.

- Против кого?

- Как обычно. Кимназ и... - Хетти беззаботно договорил. – Виридис.

- Я ожидал.

- Вы сделали выбор, лорд... Дар-Кауда.

- Простите?

Хетти протянул пергамент, украшенный помимо лорд-канцлерской подписи и печати личным вензелем королевы. Наблюдал, как неверие сменялось на лице вирида недоумением, а затем смуглые щеки его залила сияющая радость.

- Энда! Энда! Дети! Идите сюда! Я – лорд Дар-Кауда!

Атмосфера в зале в одну секунду переменилась. Хохоча во все горло и подкидывая в воздух ребятню, вокруг собрались младшие дары и тейо. Старшие дети зависли в воздухе над столом, задевая друг друга крыльями, и пытались заглянуть в документ, который лорд Кохт и леди Энда развернули и держали в руках.

У Хетти запершило в горле. У нас снова есть дары Кауда – причем, судя по плодовитости этих «лягушек», скоро они заполонят все отданные им замки и придется проводить их отпрысков через отборочные бои, чтоб хоть кому-то еще досталось место на придворных турнирах. Мраморного песка Хаяроса им захотелось! Хетти ухмыльнулся: «Скоро они его наедятся вдоволь! Все головы о него разобьют». А через два года на севере снова раздастся боевой клич рода Умбра: «Ум – актедэ!» - «Стоять как камни!», и свои камни они отберут назад – у тех зеленых лягушек, которым повезло меньше, чем новоиспеченному дару Кауда с его свиноматкой Эндой.

Оставалось еще два дариата – Халем и Эсиль. Хетти не собирался терять времени понапрасну. У Альти альцедо через два месяца, у него самого - через неделю. Закат рода Халемов не входил в планы главнокомандующего Аккалабата.

Эпилог

Корто замолчал, сложив на груди руки, прикрыв глаза. Кори с Медео тоже молчали. Наконец, Кори поднялся, открыл окно, высунулся до пояса, вдыхая последождевые ароматы мокрой древесной коры и прелых листьев. Услышал из комнаты ответ на свой незаданный вопрос:

- В этой истории много белых пятен. Но то, что Койя с семьей укрылась в умбренских горах – это точно. Там же должна была быть и леди Дар-Халем. Сидана.

- Маленькая группа людей в сердце Умбрена. Зимой. Холодный ветер, льды, вечные снега на самых высоких вершинах, - мрачно произнес Кори. – Сколько они могли взять с собой еды и питья? Маловероятно, что они выжили. Совсем невероятно.

- Почему ты так считаешь?

Кори оглянулся на брата. Глаза Медео горели энтузиазмом. Таким живым и похожим на Медео из прошлого Кори не видел брата со дня, когда они узнали о гибели Эрлы.

– Там же был наш предок, Хетти Дар-Халем! Он не только разрабатывал план обороны, он подготавливал отступление. Он должен был все продумать!

- Медео, прошло пятьсот лет.

- И все-таки я бы поискал, - задумчиво отозвался Корто.

- Ты нам можешь?

- Нет. Это дело Аккалабата.

Кори решил:

- Но ты же ведь...

- Нет. Я простой офицер госбезопасности Делихона, страстно увлеченный космическими историями. И историей. Некоторых планет. Так получилось, что Аккалабат попал в сферу моих интересов. И вы хорошо слушали.

Он встал со стула, неторопливо одернул форму.

- Завтра возвращается лорд Дар-Халем. А я улечу. Послезавтра. Сутки нам с ним потребуются, чтобы тряхнуть стариной. О многом надо поговорить. Так что на вас время вряд ли останется. Если еще есть вопросы, спрашивайте сейчас. А вообще-то все это есть в книгах – в библиотеке Эсильского замка. Если вы не переставляли, синий том на четвертой полке снизу, он прикрыт гравюрой с изображением...

- Демона Чахи в гордыне, - откликнулся Кори. Он как наяву видел перед собой полутемный сводчатый зал и в углу, возле камина...

- Точно, я и забыл совсем, - усмехнулся Корто. Сделал пару шагов к двери, замер, остановленный сдавленным всхлипом Медео. Вернулся, посмотрел снизу вверх на сгорбленную спину, на запыленные, стянутые в неровный узел волосы, крикнул:

- Ну это уже черт-те-что такое! Кори, куда ты смотрел?

И присев, обнял, прижал к себе, приговаривая что-то ласковое по-аккалабатски, потом оттолкнул, словно истекли отмеренные им себе для этого объятия несколько мгновений. Снова подался к

двери и вышел, уже не останавливаясь, не глядя на Кори, сосредоточенный, резкий, как и положено офицеру безопасности Делихона.

Кори снова высунулся в окно. Все дни после бомбежки Халемского замка казались ему пропитанными гарью, душной, тошнотворной. Он ловил себя на том, что широко открывает рот, втягивая воздух, и все равно ему нечем дышать. Сегодня он впервые вздохнул полной грудью. Конечно, он не собирается в Умбрен, тем более, сейчас, когда забот полон рот и...

- Кори, когда мы поедим? – голос Медео был звонким, как стекло. Разбивающееся.

- Через год, когда все устаканится.

- Тогда я один. Ты отпустишь меня?

- Сейчас? Нет, не отпущу.

- Отпусти.

- Поговори по крайней мере с отцом... эээ... с лордом Халемом.

- Ладно.

Медео поднялся на ноги, доковылял до окна, устроился рядом с Кори.

- Помнишь, когда ты... дрался с Эрлом, а потом я набросился на тебя?

Зачем он сейчас об этом? Нехороший холодок пополз по ладоням у Кори. Он не любил вспоминать.

- Помню.

- Ты можешь мне хоть сейчас рассказать, зачем ты это сделал?

... Ваше лорд-канцлерство всегда держалось на мечах Дар-Халемов, а их больше нет. Теперь мы стоим у трона.

- Почему ты его так покалечил? Я слышал, мама допрашивала тебя, но ты так и не сказал.

В сердце у Кори завывали пещерные волки. В горле опять запершило от запаха гари.

Правда ведь, не сказал. И до сих пор не сказал. И никогда не говорил об этом с Эрлой при ее жизни. Теперь это виделось ему по-другому: два молодых дурака, наговорили друг другу глупостей, выхватили мечи... он был на взводе. Не стоило. Или стоило? Он повернулся к Медео.

- Хорошо, я тебе расскажу. Он подошел ко мне в Хангафагоне...

... Давно уже никто из главной ветви Эсилей не уходил под дуэм. Элджи... мы его хорошо пристроим...

- Кори, это неправда.

- Медео, ее уже нет. Какой мне смысл тебе врать?

- Она... он не мог...

Медео ваш... дурья башка. Ну его, к Чахи под хвост...

- Медео... Дурья башка, - Кори прихватил брата рукою за шею и наклонял. Сам не зная, зачем он это делает, все ниже и ниже – к своим коленям. В результате Медео уткнулся в них носом и замер, как беззащитный щенок снега, свернувшийся калачиком подле хозяина посередине снежной равнины. Кори водил рукой по его волосам, смотрел вдаль, на очертания храма святой Лулуллы, теряющиеся в зеленом мраке, на крепостные башни Хаяроса и твердо знал, что, чтобы ни сказал

завтра лорд Дар-Халем, он, Кори Дар-Эсиль, лорд-канцлер Аккалабата, отпустит своего брата Медео в Умбренские горы искать там потомков своенравной леди Койи, жившей и умершей пятьсот лет назад.

Ибо *пришла пора дарам Эсиля позаботиться о Дар-Халемах...* Кори казалось, что он понимает эти слова, как его предки, жившие и умиравшие пятьсот лет назад, а не как «офицер госбезопасности Делихона». Он только все не мог выбрать...

...